

ИОСИФ МИГИРОВ

СВОБОДА
ИВРИ



С доброй
ночью и спокойной
ночью Мирф.

И О С И Ф М И Г И Р О В

**СВОБОДА
ИВРИ**

New York - 1999

Иосиф Мигиров - выпускник Литинститута, член Союза писателей СССР, автор четырех книг.

Эмигрировал в США в 1996 году.

Роман «Свобода Иври» - о противостоянии солдата-еврея Фреда своему командиру. Капитан, ненавидящий евреев, делает все, чтобы Фред отказался от еврейства.

Но это еще и повествование о непростой любви семнадцатилетней Дианы и молодого солдата, роман остросюжетен, держит читателя в напряжении до последней страницы.

«...Иосиф Мигиров обладает своеобразным художественным видением. Его манера письма оригинальна, но никак не ради самой оригинальности, а в силу особенности мировосприятия...»

Адам Гутов, доктор филологии

«...Иосиф Мигиров - это Пиросмани в литературе.

При всей философской напряженности его тексты детски чисты, искренни. Многое из написанного им - просто блистательно... Иосиф Мигиров - писатель.»

Анатолий Шиндель, специалист по современной прозе.

«Изобразительная одаренность автора бесспорна. Иосиф владеет прекрасным литературным слухом...»

Михаил Лобанов, доцент Литературного института им. А. М. Горького

«...Дорога и Свобода - любимые слова Иосифа. Все главные события в жизни героев происходят в Дороге и во имя Свободы...»

... Думаю, что Иосиф Мигиров останется в еврейской культуре уже хотя бы потому, что написал роман «Свобода Иври».

Илья Райн, доктор философии

«Свобода Иври» - это новое слово. Иосиф увидел в библейских текстах то, что мы не видели или не хотели видеть в эти два прошедших тысячелетия»

Наталья Ширяева, президент конгрегации «Шаорей Шамаим»

«Иосифу Мигирову есть что сказать нового о мире и человеке. Это талантливый, умный писатель.»

Олег Ратновский, преподаватель университетов МГУ-Москва, Ешива Университет Нью-Йорк.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К Р А Ж А

Старый еврей великолепный старик Дан, греется на вечернем осеннем солнце. И сам похожий на косматое светило - седоголовый, с пышной пепельной бородой, поднял к синеве спокойные глаза. Небо, показалось, ответило тем же взглядом, будто на расстоянии лениво сидели два давних постаревших соперника, которые всю жизнь вели незримый спор, а теперь как усталые волки издали равнодушно смотрели друг на друга - каждый со своих рубежей, словно уже ничего не желающие и уже ничего не ждущие ни от себя, ни от кого другого, ни от остального унылого мира: все, что было - то было, все, что есть - Бог с ним, а чему быть - того не миновать.

Но это лишь на первый взгляд. Ибо никогда это извечное небо - Великий Синий Волк не был безразличен Дану. Но, наверное, и Синему Волку была любопытной жизнь этого постаревшего еврея.

Старик слушал свою думу, улавливая как, грусть невольно переходила в печаль и порою срывалась в горечь. Каждый возраст имеет свою интонацию мыслей. У старых волков это, наверное, ирония, замешанная на печали.

«Синий Волк»... Дану нравится это сравнение. И даже льстит в глубине души - ведь он становился почти сородичем этим небесам, которые, в свою очередь, есть не что иное, как часть Бога и сам Бог. И пусть не обижается Господь на него - Дана, на взбалмошного старика, за такое сравнение: ведь все от любви...

Но тут же усмехается душа и уже готова подтрунивать над собой. Но мысли ускользают в иные дали и заботы: скоро, очень скоро предстоит большая дорога. Наверное, самая важная в его жизни - Ерушалаем... Исход...

При мысли об отъезде сразу же думается о старшем сыне Елизаре. Приемном сыне. Как быть? Как сказать парню об этом? Ты приемный... Сказать тяжело. А не сказать, наверное, тоже нельзя. Да стоит ли тревожить прошлое? Хотя, наверное, парень уже и сам все знает: людская злоба и подлость - вездесущи. Но знает ли он, что рожден...

Дан сдвинул борта старенького пиджака: хоть и солнышко, но все-таки осеннее - долго на дворе уже не посидишь...

Двор Дана - старый добрый двор, в котором родились его дед, отец, где выросли сыновья и дочь, повидавший столько же горя, сколько и радости, как и он, обложившись заборами, старчески грелся на угасающем солнце.

Дом расположен в глубине двора - добротный, из красного кирпича с уютной мансардой.

Но сейчас старик смотрел на него с грустью: вот и его предстоит продавать. Построить - построили, а пожить толком и не успели. Но все равно - этот дом уже стал маловат для его семьи: Елизар обзавелся семьей - слава Богу уже трехлетний мальчуган растет. А кроме того, в благословение Господа, у Дана есть еще восемнадцатилетний сын и семнадцатилетняя дочь. Яков и Диана. Да, все равно пришлось бы покупать дом или Елизару, или же для Якова.

И снова с именем старшего сына ложится на сердце тревога: как сказать парню... в тебе чужая... кровь... Но ведь жена у Елизара - еврейка, значит и сынишка его - еврей - дановский внучек, которому он и имя свое дал... Но все же...

Старик встает, словно гонят его куда-то хлесткие вопросы. От долгого сидения загорается в чашечках боль, мешает выпрямить ноги. Старик справляется с коленями, как с несмазанными шатунами, прихрамывая, ковыляет к дому, хватаясь за перила, поднимается на высокое крыльцо.

Из коридора потек знакомый запах: свежесть и какая-то легкость. Во всех комнатах тишина. Но через какой-нибудь час-другой дом оживет. Придет из садика маленький Дан, заработают, загудят всякие теле, видео и магнитофоны Якова, Елизара. Дочь далека от всех этих дел. Вот и сейчас, наверное, заперлась в своей комнатенке и читает своего Христа.

Откуда это у нее? Путаный мир пошел. Но ничего - со временем все станет на свои места. Диана тоже выбросит из головы эти кресты. А насильно веру отбирать нельзя. Какую бы ни было. Все придет само собой.

Дан входит в свою - «стариковскую» комнату на первом этаже. Его старуха - Соня - здесь, подперев подбородок ладонью,

смотрит в окно. А в глазах печаль и забота, словно сидит перед какой-то рекой - надо перейти, да брод тяжел.

Старик догадывается, а скорее всего, знает, о чем трудные думы жены. Все те же - Израиль: как все будет... и конечно, - Елизар...

Дан садится неподалеку на стул. Привалившись к стенке, поглаживает сухощавыми пальцами мягкую пышную бороду. Вслушивается в молчание.

Хотя это и не молчание - просто разговор без слов, точно слился он со своей «половиной» в одно существо - с одними и теми же мыслями и безответными вопросами... Старое, знакомое чувство.

А разговор, конечно, начнется совсем не с того, о чем болит душа, но с чего-нибудь постороннего, затридевятьземельного.

- Сейчас во дворе сижу - виноград в этом году отличный! - старик даже подпустил в голос деловую нотку.

Соня молчаливо кивает, хотя глаза ее по-прежнему неподвижны. Замерли на какой-то точке: да, мол, виноград, да, отличный... да... да.

- Все будет на высшем уровне! - приободрился старик. - Вот увидишь. Мы с тобой там, как короли, заживем! Там пенсионеры, как у Бога за пазухой...

- За пазухой - это как? - шпильнула Соня.

Мимо дверей скользнул девичий силуэт. Диана.

- А ты куда, израильтянка? - ворчливо и требовательно бросила Соня вслед дочери.

Через долгую секунду в проем дверей вплыла стройная фигура, с длинной косой, сбегавшей по острым грудям к самым бедрам.

Диана прижалась к дверному косяку и негромко расставила:

- Ну я пойду... - в руке синяя косынка, и по ней родители поняли - куда «пойду».

Старик опустил голову.

В комнату вломилась тишина.

Молчание стариков было использовано как знак согласия, во всяком случае - непротивления, Диана мышкой выскользнула из дома, только на бедре запрыгала пышная кисточка-хвостик длинной каштановой косы.

Первые секунды после бегства дочери Дан и Соня сидели, если не хмурые, то уже явно чувствуя, как распадается единство их душ, еще пару минут назад бывшее таким цельным и нерушимым.

- До Израиля придется потерпеть, - мол, ничего тут не поделаешь, - вздохнул старик.

- Ты думаешь, Израиль ей поможет... Как же. Отучишь козла от капусты! - проворчала Соня. - Она спит и во сне видит свой Иерусалим. Прислонюсь, говорит, к этому, гробу Христа. Или как его еще там! - и запричитала. - Дожить до такого дня, чтоб единственная дочь в церковь ходила! Кресту предалась! Действительно, от такого позора куда хочешь сбежишь! Да если б только позор... А то ведь столько горя... - и она осеклась, поняв, что нанесла старику боль...

... Дан родился в светлый праздник - Пейсах - праздник освобождения из египетского рабства. Но вместе с праздником в тот день пришло и горе. Еще одно еврейское торжество было залито кровью.

«Ближние» любят убивать евреев в их праздники. Видно, в будние дни кровь проткнутого штыком ребенка не так сладко пьянит душу, как в праздник. Убивать евреев в их праздник - верх блаженства.

И в ту Пасху на местечко в Горске напали вооруженные озверелые толпы, врываются в незащитные дома, убивали детей, стариков, женщин.

... Когда все было кончено, когда насытившиеся кровью звери оставили разграбленное, подожженное местечко, в одном из домов нашли убитую восемнадцатилетнюю женщину. Она лежала на полу с брошенным в потолок застекленевшим взглядом. В ногах ее кричал мокрый от слизи новорожденный мальчик, еще связанный пуповиной с уже остывшим материнским телом.

Черная коса с лоскутом кожи свисала с ее обнаженного черепа. Рядом валялся окровавленный топор.

В доме нашли еще два трупа стариков и молодого мужчины.

... Кровавый навет...

... Дан в раздумье глядел на желтые прямоугольники паркета. От мыслей оторвала теплая рука Сони, ласково тронувшая плечо:

- Дедок, чайку попьем...

Дан кивнул, и они оба почувствовали, как стало обоим легко, словно заново склеилась, стала единой распавшаяся было их единая душа.

* * *

Церковь находилась почти в центре Горска. В минутах десяти от еврейского местечка, с которого когда-то и пошел город. Несколько веков назад побережье тихой небольшой речушки, вдоль которой сейчас вытянулся город, облюбовала горстка еврейских семей, бежавших от погромов, преследований (извечная еврейская дорога), и из девяти-десяти глинобитных домов разрослась еврейская колония со своей синагогой, мастеровым людом: ювелирами, скорняками, кузнецами и другими трудягами. А как известно, где ремесло, там прилаживается и торговля, а где хорошая торговля, там появляется центр.

Так родился еще один российский городок с коротким, стремительным названием - Горск. Со временем его стали обживать и христиане, построившие эту церковь.

Увидев ее еще издали, Диана повязала косынку, с грустью думая, что в ней по местечку не пройти: посыпятся вопросы. А за ними, конечно же, насмешки. Еще бы: еврейка - да христианка! Это даже не белая ворона. Но если бы и насмешки, она все равно никого бы не обвинила, а наоборот, уже заранее прощала своим местечковцам все их возможные сплетни и ухмылки: разве ж можно обижаться на этот и без того обиженный народ? Нет! Только молиться за него и любить! Бедные евреи! Бедные... бедные! Сколько несчастий они принесли себе своей гордыней и упрямством! Если бы тогда они приняли своего Спасителя, своего Христа. Если б не отвергли его, разве ж выпало б на их долю столько страданий?! Но она будет молиться за своих бедных, непонятливых и униженных евреев. Ежедневно, ежечасно, чтоб дошел до них, наконец, голос Бога и чтоб они приняли своего Христа.

У монастырских ворот по обе стороны калитки потрепанными воронами, просили милостыню две оборванные старушки-нищенки. Негромко прибормотявая и крестясь, с жалким ожиданием заглядывали в глаза, Диана подала обоим по горстке монет.

Входя в монастырский двор, вдруг снова, уже в который раз, ощутила, что, переступив сейчас калитку и крестясь, она переходит какую-то черту, за которой казалась себе совсем иной - незнакомой и, может, в чем-то неприятно чужой.

Во дворе переговаривались несколько пожилых женщин в темных платках. На Диану тут же обратили внимание, как и всегда, когда она приходила в церковь.

Черные, как вишни, и так легко узнаваемые повсюду еврейские глаза, длинная коса, тугим канатом вьющаяся по спине, отличали Диану от других молоденьких прихожанок. Как если бы среди одинаковых деревьев появился незнакомый стебелек.

- Ишь ты - еврейка, а в церковь... - засудачили старушки, когда она уже скрылась в массивных черных дверях церкви. И еще некоторое время обсуждали это примечательное для них событие:

-Смотри-ка жидовочка, а перекрестилась...

- А че тут смотреть! - небрежно выплеснула одна из женщин.

- Она первая здесь что ли?! Их уже немало сюда приходят. Отец Александр - их них же кровей. Вот и собирает вокруг себя. Особенно молоденькие идут.

- Небось, сами-то Христа порешили, а теперь отмаливаются!

- рассудила приземистая бабка в черной косынке.

- О. Александр хочь и еврей, а вон какой верующий! Добрый! Да благословит его Бог! - вступился другой, уважительный старушечий голосок. - Сколько душ на путь истины наставил! - она перекрестилась, и следом заспешили, точно боялись отчего-то не успеть, перекрестились остальные:

- Благослови, господь!

- Благослови, господь!

В метрах десяти незаметно наблюдал за ними молодой, с редкой бородкой, диакон Василий. Делая вид, что завязывает шнурок левой поручи, вслушивался в разговор старушек.

«... Хочь и еврей, а вон какой... сколько душ на путь... наставил-»... злобно отдалось в мозгу: - «ишь как молятся на этого жида... Удушить бы его, а не молиться...!»

Проходя мимо, хотел было подбросить какое-нибудь черненькое, мажущее о. Александра словечко, но, секунду помешкав, потопал дальше: настроивая против священника, можно было и

самому вляпаться... Еще не время. Надо ждать. Надо терпеть и ждать удобного случая, тогда и петлю можно набросить...

Он вошел в церковь.

Первое, что увидел - Диана, купив в лотке, находящемся здесь же в храме, тонкую длинную свечку, подошла к подсвечнику у иконы. Зажгла свою свечу от горевшей и поставила среди десятка других.

Нутро диакона словно обдало кипятком: «Жидовка!»

Но внешне он сохранил спокойствие и даже, подойдя к Диане, ласково протянул:

- Рад видеть тебя здесь, сестра моя.

Она ответила еле заметным кивком. Но в душе зазвучала тихая радостная струна: «Мне рады здесь... Как хорошо...»

Она прошла к группе верующих, обращенных к амвону: о. Александр вел молебен.

Он стоял спиной к прихожанам. Глядя на распятие, протяжно произносил молитву. Негромкий, но проникающий густой голос растекался по храму и, казалось, подобно теплой властной волне поглощал в нем все:

- Помилуй нас, Боже, по великой милости твоей молимся, услышь и помилуй...

- Господи, помилуй, - тихо произнесла Диана.

Она смотрела на о. Александра, его широкие плечи под черными одеждами, его густую шевелюру, седую и волнистую. Диана смотрела ему в спину, но ясно представляла его лицо с густой марксовской бородой, с внимательными, чуть навывкате, большими еврейскими глазами.

О. Александр, почувствовав на себе этот взгляд, на секунду, в паузе меж молитв, обернулся. Но и этой доли секунды хватило, чтоб увидеть приветствие и одобрение, которое текло через весь храм, через головы молившихся, сквозь неяркий свет к ней - Диане.

«Я благословляю тебя и приветствую! Ты молодчина!» - прочитала она в глазах священника.

И стало светло, точно в миг зажглись под сводом тысячи свечек, словно иконы по краям царских врат стали излучать необыкновенный свет. И в этом свете были ближе и дороже все эти незнакомые ей люди. Этот свет, казалось, растекался по всем серд-

цам прихожан и, действительно, делал их братьями и сестрами. Мир был чист, в нем правили милосердие, сострадание, любовь. Все на земле братья и сестры. Диана подумала об отце, братьях - Елизаре и Якове. И ей вдруг стало пронзительно стыдно и жаль, что сейчас их нет рядом, что они так отрицают своего единственного Спасителя, своего Христа.

Не заметив сама, она сложила теплые девичьи ладошки возле губ и горячо зашептала:

- Господи! Помоги им - заблудившим! Открой им их невидящие глаза и сердца! Помоги им и спаси их! Я прошу тебя, Господи!

Она молилась, позабыв обо всем. Но вдруг непроизвольно голову повело в сторону и она увидела зло нацеленные глаза. Женщина, лет пятидесяти, в черной косынке, каким-то пристально скошенным взглядом наблюдала за ней. Следом в ее сторону повернулась еще одна голова.

От неожиданности Диана смешалась, невольно осмотрела себя с груди до ног, словно эти злые взгляды застали ее обнаженной.

Глаза смотрели по-прежнему искоса и враждебно. Диана инстинктивно искала помощи у о. Александра. Но он по-прежнему стоял спиной и вел молитву.

Диана сдвинулась с места, стараясь спрятаться от тех взглядов за стоявшей рядом пожилой женщиной. Долго не могла сосредоточиться.

Наконец молебен закончился. Она дождалась пока толпа рассеялась и о. Александр направился к выходу.

- Рад тебя видеть, доченька! - приоткрывая дверь, священник пропустил ее вперед себя.

Она снова подметила, что обращается он к ней не так официально, как к другим: «дочь моя»...

- Спасибо, - она не смела поднять глаза.

Во дворе от людских голосов стоял негромкий гул: прихожане, рассыпавшись на маленькие группки, оживленно говорили.

Увидев вышедшего о. Александра, на мгновение притихли и как-то незаметно, словно ручейки, стали подтекать к нему, обступив полукругом его и Диану.

Смеркалось.

- Как ваш отъезд? - священник ласково тронул Диану за локоть.

- Родители готовятся.

- По-хорошему завидую тебе, - от глубокого голоса протоиерея исходил покой и отеческое тепло. - Храм Господний увидишь. Поклонишься, - и призадумавшись, с какой-то потаенной печалью выдохнул: -ИЕ-РУ-СА-ЛИМ...

- И вы тоже, даст бог, увидите. Сейчас ведь разрешают...

- В Израиль едет! - вырвалось из молчавшего до этого людского полукруга. о. Александр молчаливо кивнул.

Убежав глазами в далекое вечернее небо, в ту сторону, где стоял вечный и непостижимый град Господа Бога-Ерушалаим, думал, что жизнь, судьба, уже наверняка, так и не даст возможности увидеть далекую, но родную Палестину, припасть к ее бессмертным камням. Ерушалаим.

Диана посмотрела на священника, хотела сказать что-то теплое, что-то спросить, но вокруг были такие же ждущие глаза и готовые к вопросам губы.

- Ну, я пойду, святой отец, - она внимательно посмотрела.

Священник улыбнулся и снова из этих глаз потек теплый свет одобрения:

- Иди, доченька. Бог тебе в помощь! - он перекрестил ее, и в тот же момент, словно, наконец, заполучив протоиерея у Дианы, толпа теснее обступила его, засыпая вопросами и своими проблемами.

...Благословение о. Александра несли Диану, словно пушинку - сердце было легким и радостным. И снова незнакомые люди, шедшие навстречу, опережавшие ее, весь этот населенный человеческими мир, казалось, был создан только для соучастья, милосердия и любви.

Сейчас она придет домой и сразу же возьмется за Евангелие, начнет читать самую любимую главу, где Спаситель в Гефсиманском саду молит Господа о спасении.

...У ворот Диана спохватилась: она в косынке! Значит, так и прошла в ней через все местечко!

Она с укором поймала себя на том, что чуть ли не затряслась не то от страха, не то от еще чего-то рабского. Словно воровала что-то.

Косынку Диана все же сняла, собрав длинными, красивыми пальцами в кулак.

Все домашние сидели во дворе за столом - отец, мать, Елизар с женой, маленький Дан, Яков - за вечерним чаем.

Глянули разом и словно уперлись в какую-то стенку.

- Приятного аппетита! - старалась степенно пройти Диана.

- Опять в церковь ходила!! - проворчал Елизар. - Совсем одурела...

- А тебе, как никому, нужно бы пойти в церковь, - она виновато опустила голову.

Дан с дрогнувшим сердцем взглянул на жену: что это? .

- Это почему же именно мне? - Елизар промокнул полотенцем губы.

- Имя вон какое носишь... Библейское, можно сказать... Еврейское!

- Иди ты к черту, - незлобно перебил Елизар, шлепком сбросив полотенце на колени.

- Да не обращай ты внимание на эту козу! - облегченно выдохнул старик. И от радости, что его подозрения оказались напрасными, обнял сидевшего рядом своего старшего сына Елизара.

- Посмотришь, в один прекрасный день сами же - ее христиане и турнут ее из своей церкви... Э-э, кто в этом мире любил евреев?! А! - он шутливо-безнадежно отмахнулся от дочери и потом снисходительно пригласил. - Иди чай пить, чудо израильское!

- Между прочим, - вставил девятнадцатилетний Яков, - христианство сейчас не в моде. Сейчас в моде Кришна.

- «В моде - не в моде», - передернул Елизар. - Религия тебе не штаны! - молодым добрым старичком проворчал он.

Диана замерла, посмотрела на Елизара долгим, спокойным взглядом.

Отчего-то тот почувствовал себя неловко:

- Ну вот - выкатит свои зеркала и не оторвется, - не зло бросил он. - А вообще, если насчет бога, то на земле есть один бог - еврейский.

- А никто и не против, - Диана пожала плечами и, взявшись за кончик тугой косы, пошла к дому.

- Удивляюсь! - с любовью произнес ей вслед Елизар. - Сколько живу на этом свете, а вот такого взгляда, как у нее, не встречал

ни у кого. Посмотрит - как будто всего тебя насквозь видит. Твою душу, как детскую книжку, читает. Клянусь! - и взглянул на Якова. - Ничего у нас сестренка! А?

- Ко мне столько ребят липнут из-за нее...

Дан и Соня тепло переглянулись...

Диана поднялась в свою комнату - на мансарду и, глядя из окна на раскинувшийся внизу отцовский двор, на свою семью, несмело, а потом решительно перекрестила их:

- Спаси вас бог! Спаси вас бог! - и в раздумье прильнула к окну...

В вечернем небе, как на круглом подсвечнике в храме, загорались, как свечи, ясные звезды.

* * *

Еще только появились слухи о назначении в дивизион нового комбата, солдаты, как водится, о нем уже знали все: и то, что он был разжалован с подполковников в капитаны, что воевал в Египте против Израиля и что не уживался ни с каким начальством. Но никто толком не знал его национальности.

Солдаты РТБ (радиотехническая батарея) новость эту восприняли без особых эмоций: все, в основном, были уже «старики», служить оставалось немного, и на любое начальство можно было положить хрен.

Но уже первая встреча дала понять, что насчет «хрена» придется повременить...

...Семь солдат РТБ посадили в классе военной подготовки и многообещающе предупредили: сейчас будет - Он...

И Он вошел.

Короткий, как качан кукурузы, лениво, ни на кого не глядя, прошлепал к столу, небрежно сбросил черную фуражку. Она шлепнулась на стол козырьком вверх, зияя грязной, лоснящейся подкладкой.

Поначалу в глазах солдат просвечивало любопытство.

Комбат сел за стол. Выглядел он лет на пятьдесят пять, с несуразной внешностью - его большая голова неприятно подчеркивала тонкую шею, словно горшок насадили на гвоздь.

За спиной комбата висела черная учебная доска. Обыкновенно исчерченная, сейчас (знакомство с новым начальством) она была начисто вытерта, лишь кое-где проступали пятна мела. На фоне этой черной доски головастый капитан казался какой-то насупленной птицей.

Во время знакомства, видно, унылого для него действия, с лица его, казалось, стекала одна постоянная мысль: хотя он и новый командир, а особого счастья от этой встречи не испытывает: все видано-перевидано и уже давно сидит в печенках.

Назвав по журналу очередную фамилию, он сначала уводил глаза в окно или бездумно смотрел на какой-нибудь плакат на стене, и, лишь минуту спустя, лениво скользил глазами вдоль лица солдата, который безропотно стоял в ожидании команды: «Садитесь».

И снова очередное имя и тысячи раз слышанный отзыв: «Я». В общем, все как всегда, если б не одна фамилия. Дойдя до нее, капитан словно напоролся на нож, будто вновь глотнул обжигающего, как кислота, нестерпимого воздуха египетских пустынь. В одно мгновение встали перед глазами советские буксующие в песках ракетные установки, ненавистные шестиконечные звезды стремительных израильских истребителей... Суэцкий канал. Война с жидами. И вот теперь снова, думалось капитану, служба подбросила, хотя и не израильского щенка, но все равно - из их неистребимого рода... И имя какое... Фред.

Капитан в упор уставился на него.

Фред стоял за столом у окна, близко от буравящего командирского взгляда, но, выдержал его, не убрал глаз.

- Еврей? - не выдержав, точно выстрелил капитан.

- Да, - Фред почувствовал, как два вьедливых красных глазка вползают в душу, злорадно поблескивая: ага, значит, еврей...

На класс обрушилась тишина. Солдаты подобрались и замерли. Казалось, и ракеты на стенных плакатах не выдержат напряжения и через секунду-другую выстрелят

- У него и Библия есть, - вдруг сунулся льстивый голосок со второй парты.

Круглые глазки комбата резко сорвались на выкрик: из-за спины Фреда выглядывало глуповатое лицо со слащавой улыбкой - ефрейтор Грызанов.

Новый комбат с пренебрежением посмотрел на него. Грызанов налег на стол грудью, от усердия и смущения тянул вперед голову, как шавка к ноге хозяина.

- Ефрейтор, потом ко мне... -словно сплюнул капитан.

- Значит... Библия... Молодой Израиль... Или как вас еще там называют... Иври... - ухмылка предназначалась Фреду.

Комбат, громыхнув стулом, вышел из-за стола, бросил руками за короткую спину. К окну потопала коренастая фигура в военной форме. Из окна была видна вышка с часовым, который, прислонившись к балке, был недвижим, словно приклеенный. Видимо, тайком подремывал. Капитан по долгому опыту знал, что, поставь солдата хоть вверх ногами, засыпать он научится и в таком положении.

Но сейчас не эта вышка с прикорнувшим часовым, не обваловка, за которой спряталась станция наведения ракет, не это небесная синь, неоглядно растекшаяся над дивизионом и всем миром, занимали мысли разжалованного в капитаны его, боевого подполковника - разжалованного без вины, ни за что. Просто это нужно было тем, знал он, которые из-за так называемого интернационального долга бросали людей на смерть. А на хрен был ему нужен этот «долг»? И кому он тогда был должен?! За что было положено столько своих ребят?! Самый обесцененный товар в этом государстве - люди! Иначе и не скажешь - товар! И зачем это было нужно?! Но кто ответит на вопрос? Никто! Как всегда - никто! А тем более, что ту войну с Израилем упорно замалчивали. Словно никто из советских летчиков и ракетчиков не воевал на стороне Египта, словно и не было в знойном Суэце и раскаленных песках новейших комплексов ПВО, и не шли в Союз цинковые гробы с телами советских парней, погибших зазря, парней, которые могли бы жить и жить - не пошли их на чужую землю... А что стало с вернувшимися? Почти все, кто прошел ад Египта, вернувшись на родину, стали изгоями. Боевые офицеры, мечтавшие после войны о хорошей службе, вместо этого попали в немилость того же государства, что посылало их на смерть. Ни повышений в чинах, ни командирских должностей, ни наград. И наоборот - опала. Многих «египтян» понизили в должностях, многие, не выдержав неожиданных преследований, спивались, попадали под три-

бунал, а те единицы, кто мог «держаться», затаили глухую обиду и злость...

- Я боевой офицер! - неожиданно выдал комбат, все еще стоя спиной к окаменелым солдатским лицам. - Слышали про Египет?! - повысив голос, он медленно повел свою дутую голову в сторону Фреда. - Это я вам говорю!

- Слышал, - в напряженной тишине голос Фреда лег глухо и отчетливо.

- Как же не слышать... Израиль ведь... Небось, если б тогда послали с нашими, сбежал на вашу сторону, а? - с издевкой бросил комбат.

- Не сбежал...

- Так и не сбежал...

Фред мельком взглянул на ребят. Сидели непривычно сдавленно. Все это, видимо, уже походило на спектакль. Пятеро солдат за партами - зрители, и трое: головастый желчный капитан, шавка на задних лапках - Грызанов, Фред - невольные актеры. «Зрители», кажется, болели за него - Фреда.

- Евреи всегда были преданны той стране, в которой жили! - подбодренный, он затеял монолог. - В 1812 году французским евреям приходилось стрелять в русских евреев. И так было всегда: евреям приходилось воевать друг против друга. Каждый защищал свою страну... Это известно...

Сыч что-то бросил в ответ, но в те секунды Фред уже не слышал его...

... Две цепи шли друг на друга. Разрывались снаряды, кромсая все вокруг. Оторванные руки, куски человеческого мяса взлетали в воздух с комьями земли. Вражеская цепь заметно поредела, была уложена и половина фредовского батальона.

Фред бежал по изрытой снарядами земле и уже различал лица надвигающихся врагов. Мир в те мгновенья состоял из орущих ртов, глаз, взметавшихся к небу комьев земли, разорванных тел, непостижимого ужаса.

У каждого наметился свой враг. На Фреда бежал невысокий черноволосый парень. Кажется, целую вечность находили они друг на друга. В эти долгие мгновения меж ними установилась неодолимая незримая связь. Они уже ничего не видели и не слыша-

ли. Были только - Фред, его враг и вечное и одновременно неотвратимое сближение.

Фред выстрелил.

Враг выронил оружие, согнувшись, зажимая рану на животе, посмотрел пристально и удивленно. Словно он никогда не мог предположить этого. Все, что угодно, но только - не смерть.

«Что же это, брат?» - взмолились его глаза.

И Фред узнал их. Необъяснимо знакомые... Похожие...

Парень, скрючившись, замер на развороченной земле. Фред наклонился над ним. Они были ровесники.

На шее парня тонко блеснула цепочка. Фред медленными пальцами потянулся к ней. Он боялся коснуться ее, и одновременно что-то требовало, заставляло ее вытянуть. Фред понимал причину своего страха: вытягивая цепочку, он уже знал, что сейчас выглянет шестиконечная звезда.

... Шесть концов серебряной звездочки резали руку, как стиснутые в ней осколки стекла...

... Комбат, со сцепленными за спиной руками, прохаживался вдоль учебной доски, вдруг остановился возле стола и взглянул на Фреда:

- Посмотрим. Меня, во всяком случае, ты запомнишь на всю жизнь...

Фред хотел было что-то ответить, но сидевший рядом москвич Паша Гришин одернул его за гимнастерку.

... Вечером в умывальной комнате, которая одновременно служила и курилкой, по-солдатски смачно дымя сигаретами, выстроились вдоль стен ребята с дивизиона: шофера, пусковики, связисты. Обсуждали главную новость - новое начальство...

- Да-а, серьезный теперь у вас комбат! - нарочито восхищенно поздравляли эртэбэшников и даже как будто завидовали: - Везет же людям на командиров! Теперь у вас сплошной курорт пойдет!

Но стоявший в дверях Володя Унежев - или Хамишевич, как обыкновенно по отчеству звали его - добродушный здоровяк-кабардинец с нескрываемой досадой и южным акцентом пробубнил:

- Сич она такой, а не командир!

Он был некурящий, привалившись к дверному косяку, стоял у входа в задымленную курилку. После его упрека в маленькой

комнате зависла густая, улыбчивая тишина: поначалу не поняли, что означало - «сич» - может, какое ругательство на кабардинском или еще что, и высокий, с открытым лицом Паша Гришин, смеясь, попросил:

- Хамишевич, расшифруй.

Унежев недоуменным взглядом повел по улыбавшимся лицам и с прежним акцентом попробовал растолковать:

- Ну си-ич! - что ж, мол, здесь непонятного.

Солдаты посмеивались, но не понимали. Хамишевич безнадежно отмахнулся, но вдруг, и кажется, неожиданно для себя энергично замахал руками. В съехавшей набок пилотке, вылезшей из ремня гимнастерки, смешно, видно, для пущей убедительности, тараща глаза, старательно бил по воздуху громадными, как весла, крестьянскими руками:

-Сич... летает... такой...

Но солдаты уже всю хохотали, поняв, что машущие руки Хамишевича означали крылья, а - «сич» - не какое-нибудь кабардинское ругательство, а ночная птица - Сыч.

- Ну, Хамишевич! Ну, молодец! - одобрительно посмеивались ребята, - «...сыч такой...» - добродушно повторяли они, представляя пасмурное лицо нового комбата.

- Сыч, да и только! - и это уже было новое крещение капитана.

- Да, не повезло нам! - сидя на подоконнике, усердно огорчался ефрейтор Грызанов. - Перед самым дембелем такого командира подсунули!

- А тебе - то что? До сержанта все равно дослужишься! - Паша Гришин с пренебрежением кивнул на его черный погон с одной ефрейторской лычкой.

- Мне все равно, - проямлил Грызанов.

- А че тогда с Библией сунулся?! - напомнил Паша его выкрик во время знакомства с комбатом.

Солдаты разом посмотрели на Фреда.

- Он больше не будет, - усмехнулся Фред.

- Смотри, Грызан, если что - за яйца подвесим! - пригрозил Паша и мягко пожал плечо Фреда:

- Ничего, Фред, прорвемся!

- Прорвемся! - Фреду хотелось обнять своих «эртэбэшников».

В затихшую на мгновение курилку сунулось худощавое лицо украинца Коли Стренадки:

- Тут тако жизненно дило! - подошел он к Фреду. Коля был озабочен и даже как-то встревожен, но через секунду его блудливые карие глаза, видно, уже не выдерживая такой серьезной мины, хитро подсветились.

Глядя на эту опечаленную маску, которую, казалось, вот-вот разорвет жуликоватая улыбка, Фред понял про тяжелейшие проблемы товарища и, рассмеявшись, взглянул на часы.

- Успиим! - воодушевленно опередил Стренадко. - До вечерней проверки еще сорок минут и десять секунд... Ну че, к тебе в кабинет?

Паша взглянул на Фреда и нарочито серьезно развел руками: куда, мол, денешься, надо выручать человека.

В дивизионе знали и добродушно посмеивались над страстью Стренадки заводить «почтовые» знакомства. Подшучивали над ним, но и неподдельно удивлялись: как и где он умудрялся доставать все новые и новые адреса.

- А эта баба откуда? - спросил Фред, когда они вошли в его «кабинет».

- Из Грузии! - дескать, это тебе не просто так, важно протянул Стренадко, доставая фото из внутреннего кармана гимнастерки:

- Ну как?!

Девушка на снимке и вправду была симпатичной - мило подперев тонким пальчиком подбородок, улыбалась большими, слегка подведенными глазками.

- Девочка ничего! - в этот момент Фред, кажется, и сам был бы не прочь написать ей.

Коля воодушевился:

- Стренадко знает, чий адрес брать! Стренадко имеет дило только с красулями! - он действительно был счастлив. Но, наверное, и было отчего. Во-первых, красавица-грузинка - не каждому дано, а во-вторых, он без особых трудов уговорил Фреда написать письмо.

Писать он мог и сам, но ему нравились красивые звучные фразы. А такие, знал он, мог выдумывать только Фред.

«Кабинетом» Фреда была узкая комнатуха, задуманная при строительстве казармы как кинопроекторная, но для которой в итоге так и не нашлось самого главного - кинопроектора. Но потому, как «свято место пусто не бывает», замполит дивизиона решил организовать в ней библиотечку, а на должность библиотекаря призвал Фреда.

Раз в неделю Фред складывал в рюкзак прочитанные книги и шел в полковую библиотеку. На обмен.

«Кабинет» или «Библиотечка» была штаб-квартирой и его друзей: здесь, закрывшись от начальства и остального мира, задернув занавеску единственного окна, можно было покурить под гитару, угостить или угоститься от посылки из дома, помечтать о демобилизации - в общем, уединиться своим призывом, своим священным кланом.

Здесь же, в книжном шкафу, Фред хранил свою скрипку и Библию.

... Коля Стренадко уже сидел за столом, с усердием выводил строки своего письма. Временами вскидывал голову и с украинском акцентом расставлял:

- Ну, батько, нэ торопысь! Я ж тобэ нэ летак! (самолет).

Фред всякий раз улыбался этому «вкусному» слову и, что делать, диктовал медленней.

... Сыч застал их врасплох. В этот вечерний час можно было ожидать кого угодно, но только не новоиспеченного комбата.

От неожиданности Стренадко сорвал со стола письмо, вытянувшись, завел его за бедро.

Но для Сыча явно никто не существовал: толкнув дверь, он ступил в библиотечку лишь на шаг, оглядел этот узкий, как пенал кабинет и в упор не замечал ни Фреда, ни Стренадко.

Как ищейка поводит поверху носом. Ищейка молчаливо обнюхала все: голые стены, потолок - взглянув на книжный шкаф, стоявший сразу у входа, кажется, что-то обнаружила. Так же без слов, как хозяин, капитан открыл его и со средней полки из-под скрипичного футляра достал Библию.

Стренадко успел стрельнуть во Фреда вопросительным взглядом. Фред по-прежнему стоял у окна, сжимал от злости железные «ребра» отопительной батареи.

Дверь в библиотечку оставалась открытой, и за спиной ищейки мелькали вопросительные, любопытные лица солдат. Посматривали, будто невзначай.

Бульдог равнодушно полистал Библию, останавливаясь на некоторых страницах.

Потом он бросил книгу на первую попавшуюся полку, так и не удостоив ни Фреда, ни Стренадко ни полусловом, ни полувзглядом, и, не прикрыв дверцу шкафа, бросил руки за спину и двинулся из проекционной.

О двери он не помнил тоже - она так и осталась распахнутой.

Стренадко снова вопросительно взглянул на Фреда.

Тот стоял, опустив голову.

- Шакал! - процедил он стиснув зубы.

* * *

Грызанов натянул одеяло по самую макушку. Снаружи лишь нос, лоб да закрытые глаза. Как укутанная мумия.

Дневальный - молодой солдат - осторожно, почти на ощупь пробирается по темной ночной казарме к койке ефрейтора: тот приказал разбудить в полночь. Ни черта не видать, лишь из открытой двери падает узкая полоска света. Но огромный черный рот казармы тут же поглощает ее. Звезды маленькими каплями теряются за ночными окнами.

В казарме, действительно, как в чьей-то пасти: посапывание, храп, дух пятидесяти с лишним человек, вонь и темнота.

Дневальный споткнулся о чей-то сапог, чуть не грохнулся об пол. С заколотившим сердцем замер... Но вроде бы, пронесло: никого из «стариков» не разбудил. А был бы сам стариком, зашвырнул бы этот чертов сапог куда-нибудь подальше или нассал бы в него.

Наконец, различил в темноте койку Грызанова, осторожно потормошил за плечо укутанную по глаза белую мумию:

- Товарищ ефрейтор... товарищ ефрейтор...

Мумия зашевелилась, завздохала.

- Товарищ ефрейтор...

- Да слышу, едрена мать! Забодал! - огрызнулась мумия.

- Вы же сами просили... - опустил в темноту виноватый голос дневального.

- Просил - не просил... - садясь на кровати, проворчал ефрейтор, но через мгновение изменился тоном. - Ладно - молодец. Будешь и дальше таким старательным - считай под моей защитой.

- Стараюсь, - молодой солдат посчастливил.

- Свободен.

Грызанов, привыкая к темноте, нащупал на табуретке штаны, старательно нагнув портянки, влез в сапоги. Одеваясь, ежилась: уже осень, ночи холодные, а казарма будет отапливаться - хрен когда. Да и потом, топи не топи, а эту громадину хрен натопишь: все равно к утру одежда становится сырой, как после дождя.

Но все это сейчас казалось мелочью. Главное - выполнить приказ нового комбата: «Завтра Библия этого жидишки должна быть здесь, в моем кабинете. Он всю священную книгу исчеркал. Мы должны знать, что он там о себе замышляет. И почему он священное писание так поганит».

«Так точно! - ответил тогда он - Грызанов, но тут же, видно, сплеховал: Только как?»

«Выполняйте приказ!» - капитан словно окатил холодной водой.

Черт с ним, с «водой», вспоминал Грызанов, самое главное, этому еврею хана идет. А то - библиотека, скрипка... Теперь посмотрим. Теперь, поди, носы от него поотворотят. А то что было? Он - Грызанов, командир отделения, на сержантской должности, а все эти жополизы к этому жижу лезут. Но теперь, видно, конец, амба. Молодец комбат! Хоть и злой подлюга, а молодец! И против жидов воевал!...

Грызанов, крадучись, вглядываясь во все глаза в темноту, пробрел к койке Фреда, с затаенным дыханием замер. Тишина, Лишь посвист да посапывание пятидесяти вонючих козлов. А вот кто-то застонал: спустил... наверное... Кто это интересно? Не видать ни зги.

Ефрейтор всмотрелся в черный ком на подушке, пытаясь различить глаза Фреда. Прислушался. Спит - су-ка.

Грызанов нащупал на табурете галифе Фреда, в котором звякнули ключи: то, что надо. Ключи от библиотеки.

С замершим сердцем вытянул их из кармана и с прежней осторожностью, на цыпочках, выбрался из спального помещения в коридор.

Единственно горевшая лампочка после кромешной тьмы показалась яркой.

Грызанов плотно затворил за собою дверь.

В эту ночь, знал он, по роте дежурили сержант Буров и лейтенант Тютюнкин.

Дневальный стоял у тумбочки с телефоном - напротив оружейной комнаты, при виде Грызанова чуть вытянулся. Дверь в оружейную была открыта. Значит, Буров там, наверное, только что сменил караул, ну и пускай себе сидит. Тютюнкин во время дежурств обычно не выходил из офицерской. И это тоже хорошо.

Библиотечка находилась рядом с оружейной: дверь возле двери - у самого входа в спальное помещение. Грызанов посмотрел на дневального, предупреждая, мол, молчи - пригрозил пальцем, выбрал из связки ключей самый большой. Замок легко поддался. Ефрейтор юркнул в комнату, снова, уже изнутри, провернул ключом. Подумав, вытащил его из замочной скважины. На ощупь включил свет. Вот и шкаф, за стеклом выстроился ряд книг, на верхней полке - скрипка.

Грызанов открыл шкаф, стал рыться в книгах, Библию нашел не сразу - она была спрятана в глубине полки - за книгами.

- От мене не спрячешь! - злорадно прошипел ефрейтор. - Жидяра! - восторжествовал нутром.

Неожиданно за дверью, в коридоре, раздалось осторожное цоканье подкованных сапог: кто-то подошел к библиотечке, толкнул дверь. Еще раз. Следом послышался голос:

- Кто там есть?

«Стренадко! - узнал Грызанов с упавшим нутром. - Все. Влип! Хохол проклятый!»

Ноги ефрейтора подкосились, сердечко побежало, застучало быстро и громко, казалось, его можно услышать и за дверью.

- Че молчишь, как хрен проглотил?! - прикрикнули за дверью.
- Тебе же говорят!

- Не знаю... вроде никого! - это уже был голос дневального, какой-то шаткий и виноватый.

«Слава богу!» - выдохнул Грызанов и осторожно придавил ладонью выключатель. Навалилась сладкая спасительная темнота. Но сердечко еще бежало.

В коридоре скрипнула дверь - видно, Стренадко вошел в спальное помещение.

«Что делать?! - Грызанов приник к двери. - Откуда взялась эта хохлятская рожа... Если выйти, может застучать... Где он, интересно, был? В самоволке, небось... Надо доложить новому комбату... Но что делать сейчас? Быстро выйти? А вдруг этот хохол подкарауливает? Спрятался за дверь спальни и ждет?!»

Тот и вправду снова заклацал подкованными сапогами.

- Разбуди Фреда! - приказал, видно, дневальному.

«Теперь уже точно - влип!» - Грызанов опустил на пятки.

... Фред нехотя, ворча, оделся, еще сонный в коридоре пристегнул ремень. Недовольно взглянул на Стренадку.

- Что-то у тебя здесь свет горел! - Стренадко для верности толкнул дверь библиотечки. - Позабыл что ли выключить...

- Ничего я не забыл, - сонно ответил Фред, но, прощупав карманы, словно, протрезвел: - Странно... А где ключи?

- Дюже странно... - с подозрением пропел Стренадко. - А ну побачь хорошенько. Может, в яких других карманах.

Фред обыскал все карманы, но ключи точно испарились.

- Значит, говоришь, свет горел?

- Ага, - кивнул Стренадко. - Иду я со старой казармы - там Паша и Жора... Ну мы... бабу привели... Я тоже ... свое... «дило» кончил, - он показал жестом какое это «дило». - Думаем... чтоб и тебе досталось. Подхожу к казарме, а здесь свет горит. Сначала думаю, ты чего-то там или пишешь, или читаешь... Кто тебя знает... А оказывается - не пишешь...

Посмотрели на дневального, но тот шмыгнул глазами в сторону.

- Кто там был?! - Стренадко с угрозой пошел на него.

Тот что-то залепетал, и они поняли, что дневальный все знает и скрывает.

В коридоре стал возникать шумок: Фред и Буров говорили возле оружейной, Стренадко держал дневального за грудки:

- Кто у кабинете?

- Ефрейтор Грызанов, - сползло с побелевших, дрожащих губ солдата.

- Он там?

Кивок головы.

Фред подошел к двери, прислушался. Ударил рукой:

- Слышь, Грызан, открывай!

Тишина.

- По-хорошему открывай! - еще раз ударил кулаком.

По-прежнему никакого ответа.

- Веди ребят! - кивнул Фред Стренадке, и пока те подходили, еще раз попробовал уговорить затихшего в библиотечке ефрейтора.

Сгрудившись возле двери впятером: Буров, Стренадко, Жора и Паша, Фред, посовещались, Попробовали подобрать ключи.

Видно, вставленный и клацнувший в замочной скважине ключ подействовал, и из-за двери прорвался нервный голосок:

- Я все «новому» доложу! Я комбату все скажу!

- Открывай, Грызан, по-хорошему!

- Отмыкайся, тварь!

- Придушим, падаль! - пригрозили в несколько голосов: - Ну!

- И открою! И открою! Я вас никого не боюсь! - он что-то провизжал еще и потом долго, видно, никак не мог попасть в замочную скважину, возился с ключом.

Открыл.

Дверь распахнули. Ефрейтор стоял в темноте, как в черной картине.

Двинули на него, включили свет.

- Тихо, ребята, - попросил Фред. - Зачем залез?! - посмотрел на Грызанова.

Ефрейтор съежился, забегал глазами по лицам:

- Я не виноват! Это комбат... Библию, говорит, доставь в кабинет! А что я мог сделать?!

- Где книга? - быстро спросил Фред.

- Сейчас! Сейчас! - Грызанов нырнул под стол, пыхтя, вытащил Библию.

Фред тут же полистал ее: вклеенные с его заметками листы были на месте, на душе полегчало.

- Грызан, ты бачишь, кто ты исть? Ты - гавно! - брезгливо чертыхнулся Стренадко. - Стукач!

- Пошел...- следом точно сплюнул Паша.

На Грызанова нацелились пять пар враждебных глаз.

- Ну че вы, братва! Я ж не хотел! Я ж не сам! Ну че вы? Извините, если можете! Я ж ваш командир! Я вам еще пригожусь!

Отворотили глаза.

Грызанов с надеждой посмотрел на Фреда.

- Пошел, - брезгливо бросил тот.

Ефрейтор поплелся к двери, сгорбленный, протопал в казарму.

- Вот сучонок! - в молчаливую паузу вставил Паша.

- Спасибо ребята! - Фред мягко положил руку на плечо Стренадки. - Плакала б без вас моя книжка.

- Да цэ не нам спасибо! Цэ спасибо - Тоське! - лукаво заскромничал Стренадко.

Разом грохнули, словно и не было минуту назад скандальной истории с ефрейтором.

...Тоськой звали двадцатилетнюю девицу из стоявшего неподалеку от дивизиона, забытого богом села. Несмотря на свою молодость, она была истаскана и походила на какой-то обвядший, измочаленный куст.

«Дивизионка» - прозвали ее солдаты. В четырнадцать лет она впервые гульнула с солдатами и с тех пор «обслуживала» «старичков».

«Дивизионка» была свойской - после пары стаканов вина, как любила сама поговаривать, могла «запустить пять-шесть ракетчиков сходу»...

- Притащили они Тоську, - продолжал объяснять Стренадко, кивнув на Пашу и Жору. - Трахнули как полагается, а потом полез и я. Пихнул, значить, а потом я говорю - братва, давай нашего скрипача позовем - Фреда. Пусть он тоже - фырть!

Рассмеялись.

Стренадко, хитро прищурясь, продолжал:

- Не полезет, - говорят они, - он кивнул на Пашу и Жору. - Нет, говорю, полезет! На спорь, говорю! - он посмотрел на Фреда прохиндейскими глазами. - Подхожу к казарме, а в твоей конторе свет горит... А это, оказывается, сучка Грызанов... фырть...

Разом грохнули, забыв, что уже давно глухая ночь и дивизион спит.

Лишь Буров - дежурный по роте, хотя и сам не мог сдержать смеха, взмолился:

- Мужики... Не гремите... Люди тревога подумают.

Но Стренадко все же напоследок подмигнул:

- Ну че, Фред, до «Дивизионки» пойдешь?! Уже, наверное,... подсохла.

- Пойду, конечно...

Но все вместе, осторожно, на цыпочках двинули в спальное помещение - на отбой.

... А в старой, почти обвалившейся казарме, с задраным платьем, растопырив ноги, валялась на железной солдатской койке пьяная «Дивизионка.»

* * *

Казарма стонет, посапывает, ворочается; изголодавшаяся по женской плоти, низвергает в постели семя.

Для Фреда эта ночь была тревожной. Бессонница, как волосатая баба, раскинулась в изголовье, не давая уснуть и раздражая. Под конец Фред лежал уже с открытыми глазами, глядя в нескончаемое черное ночное окно.

Мысли были, как стервятники: налетят, вырвут кусок мяса и уносятся по сторонам. Множество мыслей. Множество стервятников.

Думалось о новом комбате и теперь об уже новом стукаче - Грызанове. Для чего понадобилась комбату Библия? И почему нужно было выкрадывать? Наверное, этого скота заинтересовали его заметки и склеенные листы.

Книги, считай, он уже лишился. Если Сыч взялся за дело, похоже, добьет до конца... Но не книгу было жаль. Хотя и книгу тоже. Главное пометки...

... И вдруг, уже под утро, когда окна стали светлеть, вылепилась одна неожиданная мысль: а что, если... самому отдать... Все равно Сыч вырвет у него книгу, да еще с мясом... А так, может, и лучше... Пусть прочтает его заметки!

Только на всякий случай все заметки надо переписать и спрятать. А новую Библию сейчас найти несложно. На каждом углу продают.

В душе Фреда заиграли торжествующие скрипки, он посмотрел на часы. Впрочем, что время: когда захочет, тогда и встанет.

И уснул.

Поднялся только к завтраку, как и многие старички дивизиона.

Во время еды вокруг них услужливо вертелся Грызанов: следил, чтоб у каждого кусок хлеба был побольше, кубик маслица повнушительнее да чтоб сахарку - лишний кусочек подбросили.

Наскоро поев, пока не приехал новый комбат, Фред собрал в рюкзак книги, завел в библиотечку Грызанова:

- Передашь комбату, что я в полку - в библиотеке. А Библию я тебе сам отдам. Позднее. Сычу пока скажешь, что искал книгу и не нашел. Понял?

- Конечно, понял! - Обрадовался ефрейтор. - Я тебе еще пригожусь!

Предупредив и дежурного офицера, Фред с чуть тревожной душой двинул к воротам. Только бы успеть вырваться из дивизиона и не попасть навстречу Сычу.

Но вот и позади высокий с колючей проволокой забор, под ногами серая бетонка и впереди ни единой души и ни машины.

«Кажется - сво-бо-да!»

Фред сошел с бетонки на лесную тропу: в полк он идти не собирался. После трех-четырех минут ходьбы по лесу, расстегнул верхние пуговицы гимнастерки, пилотку сунул за ремень. Стянув с плеча рюкзак, присел на заваленный ствол высохшей березы.

Лес. Покой. Тишина. Только изредка и словно издалека возникает сначала долгий, а потом отрывистый кукушечий голос, да протолкует быстрым барабанщиком невидимый дятел.

Осенний лес грустный и красивый, с опадающими кронами, сквозь которые уже можно видеть осколки синего голубого неба.

Настоянная, как вино, густая тишина.

Обычно вызывавшая легкость и покой и всегда такая обыкновенная, она вдруг показалась сейчас неправдоподобной и странной. Сколько движений и сколько новых и рвущихся связей, смертей, рождений происходило в этой тесно обступившей его приро-

де - в каждом дереве, в хрупкой ветке, в каждой травинке. Во всем творилась неумемная ненасытная жизнь, но скрытая, невидимая и неслышная. Такая же, как и ток человеческой крови в незримых артериях и венах человека. Как все это могло быть придумано... Непостижимо и хорошо. Свобода!

Вдруг неожиданно пробившая мысль заставила внутренне вздрогнуть: вся эта красота, все, что сейчас его окружало, вспаивало душу покоем и легкостью, все, что было хорошо и тысячи, мильон раз красиво, - зависело всего лишь от одной капли, одного глотка обретенной свободы. Пусть временно, ненадолго, но все равно - свободы.

Окажись он сейчас под ружьем или в каком-нибудь строю, наверняка б ему не увиделась, не услышалась так эта вечная, неумемная жизнь. И наверняка, эта обступившая его красота давила бы и казалась бессмысленной и тягостной. Но вот всего лишь один, всего единственный глоток свободы - и мир вокруг мудр и прекрасен.

И вдруг где-то в удивленной душе раскрылось:

«Красота без свободы - бессмысленна! Красота без свободы - невозможна!»

То, что он открыл для себя в эту минуту, возбудило, словно подняло на крыльях, но вскоре душа освободилась от наплыва таких ощущений, будто опустела. Но все же ощущения пустоты не было, и он подметил это. Может, мысли похожи на соки деревьев - так же, как и они, никому не видимые, но питающие крону, корни, самые крохотные листочки, незримо напитывают душу... Красота без свободы бессмысленна...

Фред подхватил рюкзак, вороша сапогами опавшую листву, незаметно для себя вышел на упругую лесную тропу.

«Ток-ток-ток,» - покатила по лесу быстрая дробь. - «Ток-ток-ток,» - свершал свою жизнь работяга-дятел.

Лес впереди начал светлеть, тропинка вытекла к скошенному полю, за которым раскинулась маленькая деревушка с беспорядочно, точно орехи, рассыпанными домами.

Где-то в центре ее стоял небольшой домик одинокой старушки, бабы Лены.

Баба Лена была защитницей и покровительницей ребят с дивизиона - семидесятилетняя русская старушка с кротким, за все и за всех болеющим сердцем.

В наш, часто грязный и жестокий мир, как в противовес всей мирской подлости, как надежда и утешение, приходят такие бабы Лены.

Много таких женщин скрыто по всей огромной Российской земле. Они не заметны, но именно их теплотой согрето извечно одинокое на миру, стынущее от боли сердце России.

Если о молодых можно сказать, что это - лицо народа, то старики - душа его. И чем больше в народе добрых и честных стариков, тем чище и светлее душа его.

Но, как ни странно, потому-то тот народ может быть и несчастливее.

Баба Лена, казалось, родилась на свет, чтоб жалеть, жалеть надломленную ветку, мокнущую под дождем дворнягу, жалеть голодающего за тридевять земель какого-нибудь безработного и даже жалеть человека, обидевшего ее.

В домике бабы Лены, всегда аккуратном, скромно убранном, но непонятно почему роскошном, «бедные солдатики» могли переночевать с приезжавшими проведать их родными, здесь хранилась гражданская одежда для самоволок, документы, ценности; хранились и душевные тайны, да еще много чего можно было доверить бабе Лене.

«Но вот только душа очень наглых не принимает, - с долей вины говорила она. - Не люблю наглых».

По дощатому крылечку Фред поднялся в дом. Из прихожей окликнул:

- Баба Лена! Баб Лен!

- Входи, кто там...

Старушка сидела в светлой, с тремя окнами, комнате, что-то вязала.

- А, Фредушка, - обрадовалась она. - Проходи. Сейчас самовар подогреем, - старушка пригласила к столу, покрытому белой крахмаленной скатертью.

Фред сложил в дверях рюкзак, стянул сапоги, в шерстяных носках прошел по чистым, простым, но создававшим необъяснимый уют, дорожкам. Скрипнули половицы.

Баба Лена, полная старушка, со светло-голубыми глазами, засуетилась, на ходу расспрашивая, уже скоро поставила перед Фредом чуть дымящий стакан ароматного чая.

- С мятой? - вдохнул он.

- С мятой, сыночек, ты же любишь...

- Люблю, Баб Лен... Спасибо... Как вы тут живете?

- Живу помаленьку... Вон травок засушила, - она кивнула на стенку, на которой, как елочная гирлянда, висела аккуратно расправленная на веревке трава-мурава...

От нее взгляд скользнул по комнате: стенки без ковров, только над одной кроватью прибито что-то вроде покрывала с красным орнаментом. На других стенах и простенках, меж окнами висело множество фотографий: в основном старинных - довоенных, и - после... И в углу - накрытый ажурной накидкой образок, под ним - подсвечник. Божий уголок.

Раньше Фред не придавал этому «божьему уголку» никакого значения, но сегодня, когда он пришел в этот дом с исчерканным в Библии Новым Заветом, да к тому же...

Фред почувствовал себя с камнем за пазухой и переписывать заметки из Нового Завета в доме старушки не смог. Закинув рюкзак за плечи, потопал в полк. Бог с ним - как будет, так и будет.

Для начала обменяв книги, устроился в небольшой читалке. Было интересно заново просматривать подчеркнутые в Новом Завете стихи. Думая о живучести этой книги, Фред вспомнил слова своего отца: «Сочинявшие Новый Завет хорошо знали одно из самых сильных свойств человеческой природы: Злоба. Злоба бессмертна. Используй ее как челнок, и она понесет по реке человеческой истории все, что тебе потребуется»...

* * *

Грызанов ждал Фреда, как бога: поскорее увидеть и заполучить Библию. На занятиях то и дело, словно школьник, посматривал на часы, торопил время.

«Конец второго часа занятий!... Конец четвертого часа занятий!» - едва доносилась из коридора команда дневального, Грызанова точно вымывало из казармы, он бежал к воротам высматривать фигуру Фреда.

Но - пусто.

С комбатом ему пришлось объясниться еще утром, минут через двадцать после того, как ушел Фред.

Капитана ефрейтор боялся, стоял перед ним навытяжку, распустив губы, словно ими, а не ушами, ловил его слова.

- Ладно, - бросил Сыч на отчет Грызанова. - На первый раз прощаю. Но чтоб через день Библия была здесь... Свободен.

- Есть! - Грызанов волчком крутанулся на каблуке и маршевым шагом затопал из кабинета комбата.

... Заканчивался пятый час занятий, а Фреда не было.

«Может, надул?» - со страхком сомневался ефрейтор, поглядывая в окно, за которым на насыпном холме стояла развернутая радиолокационная антенна. Но тут же ободрял себя тем, что Фред обмануть никак не мог: не было ему тут никакой выгоды, и наоборот - этот жидок попался на его удочку и, видать, подмазываться решил - если с новым начальством не снюхался, значит с ним - Грызановым решил «своячиться». Эти жидаы - хитрю-ущий народ.

Библию брал у Фреда, как нечто связующее их, объединяющее в какой-то тайный союз, с соответствующим выражением лица: вот, мол, ты меня понимаешь и, конечно, в долгу не останусь и я...

* * *

... Не меньше трех глав - вот таково правило, и уже вроде бы и привычным стало: без Евангелия - ни одного дня.

Диана отрывается от книги, смотрит в окно: отсюда, с мансарды, небо кажется близким - оно тихое и спокойное, как глаза Христа. Лишь вдали, у самого горизонта видны две-три полоски облаков, как истрепанные знамена.

Стол Дианы у окна. Она осторожно берет с подоконника тонкую картонку, на которой стоят несколько пластилиновых человечков.

Лепит она их сама уже почти год - с рождества Христова. Тогда она вылепила фигурку Христа из белого пластилина. Вот она. Рядом еще одна фигурка Спасителя - он на коленях молит Бога о «чаше». Здесь есть апостолы со спичечками-тросточками в

руках, на столе лежит коробка с разноцветными брикетиками из пластилина: черный, белый, красный, зеленый - для новых лепок.

У Дианы красивые руки с длинными и прозрачными, как белый виноград, пальцами.

Она вылепила несколько маленьких фигурок - каждая с мизинец. Нужно приделать руки. Но какими они должны быть? Вскинутыми кверху! Толпа потрясает над головой безумными, брошенными вверх руками: «Да будет распят!» Может, руки сделать подлиннее. Нет, если подлиннее, получается, как крылья, и фигурки словно парят. Как птицы. Полету почему-то злоба не подходит. Странно так, но почему?

Диана подумала об о. Александре, увиделись его добрые глаза.

«Храм Господень увидишь...» Но почему он это сказал с грустью?

Сердце тронула боль. Чем-то захотелось помочь ему, она повела взгляд в окно - в небо, и показалось - душа растеклась по нему и перестала быть. «Помочь»... Она внутренне усмехнулась. Кто - «помочь?» Она? Такая маленькая, беспомощная, которая сама ежедневно молит о спасении? И кому - «помочь»? Этому великому человеку, умеющему одним лишь взглядом, одним словом успокоить любое сердце... Но ведь и у великих тоже есть сердце. Да, скорее всего, больше болят сердца великих. Ведь они вмещают не только свои, но и печали, невзгоды, несчастья десятков, сотен окружающих их людей...

За дверью слышались бойкие шаги, и через минуту в комнату ворвалось что-то развеселое - пухлое в модных туфлях на шпильке.

Подруга Дианы - Марина.

- А, как всегда алкаш-одиночка! - затараторила она и вдруг осеклась. Глаза ее удивленно замерли, круглое лицо вытянулось, словно чуть сдавили круг: Марина увидела на столе пластилиновые фигурки.

- Во баба дает! В пупсиков играет! - она полоснула руками по пышным бокам. - Ей уже пора ребеночка родить, а она в - пупсиков...

- Это не пупсики, - спокойно перебила Диана и, подперев ладошкой щеку, взглянула на стоявшую у стола подругу.

- А че это если не пупсики? Памятники что ли? - вскинула рукою.

- Хайль Гитлер! Чтоб он сдох!

- Ну и даешь ты подруга. - вздохнула Диана.

- Пока еще никому не даю... Но если даже и ... давать, то это веселее, чем разных хрюшек лепить.

- Это не хрюшки! - нахмурилась Диана.

- Ну ладно, не дуйся - «не хрюшки», так не хрюшки, - она добродушно отмахнулась и плюхнулась на стоявший перед столом диван. - Все, сдаюсь! - и дальше без пауз поехала:

- Слышь, Дианка, пойдем сфоткаемся. А то ты скоро в свой Израиль махнешь, и кто знает, когда увидимся... А так хоть память останется. Пошли? Хоть на фотографии твою мордочку буду видеть! ... Идем?

- Ну пошли, - Диана улыбнулась.

В открытую форточку залетела далекая быстрая мелодия - «Казачок».

Мелодия нарастала.

- Наумка... - выронила Диана.

- Наверное. А кто ж еще... Это его любимая, - с полуулыбкой произнесла Маринка.

Наумка - шестидесятилетний худой старичок. Блаженный. По местечку он ходил с неизменным портативным магнитофоном на боку. Магнитофон выдавал всегда одну и ту же песню - «Казачок».

Наумка был безобидный, любил здороваться со всяким встречным - знакомый или незнакомый - все равно. И при этом принимал благородный, полный достоинства вид: -Здра-авствуйте-е...

И ходил в черной выцветшей ермолке: ев-рей!

Наумка был мальчишкой, когда фашисты заживо закопали всю его семью: мать, братьев, сестер, стариков. С тех пор он перестал понимать мир, но, как и все, старел, хотя и навсегда остался в тех страшных сороковых...

Жил он в доме для престарелых, но почти каждый день навещался в местечко. Иногда пропадал здесь до позднего вечера; уходя лишь на ночлег. Но уже утром снова на этих улицах - рас-

кланивается встречным и уважительно растягивает: «Здравствуй-те-е!»

- Здравствуй, Наумка. - как равному отвечали ему, и, может, потому он и любил эти улицы, этих разных людей своего местечка. И был им верен.

И как забрызжет, как загремит на всю округу «Казачок», значит, где-то неподалеку бродит Наумка.

Был он спокойным и миролюбивым. Но иногда, словно вдруг что-то оживало в нем - оглядывался, замирал на мгновение, пятился и потом, вскрикнув, начинал бежать, бежал долго, не разбирая улиц. На бедре мог всю гремять магнитофон, но Наумка словно ничего не слышал и только белыми помертвевшими губами что-то безумно бормотал.

«О своих вспомнил» - знали местечковцы.

В этот день он стоял в кругу мужчин, что-то мягко отвечал на их вопросы. Магнитофон Наумки молчал. Но вдруг, увидев Диану и Марину, он поправил на седой макушке ермолку и, когда подружки приблизились, приподняв магнитофон, любезно включил его: слушайте, мол, милые...

Брызнул «Казачок».

Мужчины в кругу дружно рассмеялись. Прыснули и девчонки. С улыбкой оглядывались прохожие.

Доволен был и сам Наумка. Невысокий, высохший, как грибок, улыбался тихой, блаженной улыбкой...

Фотоателье, куда направлялись подружки, находилось в центре Горска.

- Машину что ли остановим? - предложила Марина, сойдя с тротуара, и вдруг радостно бросила рукой:

- Ромка! - она смотрела на высокого парня возле красной «Лады». - Пошли, Дианка, тут родственничек попался.

Диана замешкалась, но, Марина влекла к машине «родственника».

Тот, разумеется, согласился:

- Таких девчонок хоть на край света!

Марина пыталась усадить подругу на переднем кресле, но та наотрез отказалась.

- Сзади, так сзади. Прошу, моя госпожа! - Маринка услужливо открыла заднюю дверцу.

«Госпожа» без особой радости села в машину.

В дороге познакомились.

Роман заплатил за фото, и две подруги сели в ярко освещенном павильоне.

Фотограф, юркий молодой мужчина, долго вертелся подле девушек - то воротник платья подправит, то за височки наклонит голову Дианы на бок.

Роман наблюдал из-за раздвинутых штор.

- Вот теперь уезжай куда хочешь, не только в свой Израиль! - уже в машине стрекотала Марина. - Твою мордашку хоть на фотографии буду видеть. Красивая у меня подруга, а Ромка?

Тот остановил машину, демонстративно повернулся:

- Самая красивая в мире. С самыми красивыми глазами, с самой красивой косой...

- Дальше можно не продолжать! - хмыкнула Маринка.

- А мы вообще куда едем, «дальше»? - передернула Диана.

- А куда мы скажем, туда и поедем. Может, «на природу» махнем? - предложила Марина.

- Сама знаешь...- с послушанием ответил Роман.

Марина знала, знал и он. Знали, когда машина его остановилась у дома Дианы и Марина пошла приглашать подругу фотографироваться. Договорились, что Роман отъедет и будет ждать в конце улицы.

И все, казалось, шло по плану: фото, катание по городу, намеки на сватовство, но на Маринкино «махнем на природу» Диана спокойным тоном ответила:

- Нет, подруга. Мы «махнем» домой. - сказано было без командирских ноток, но, видно, в интонации слышалась какая-то решительность, которая зарубила все дальнейшие планы «заговорщиков».

Машина послушно повернула к местечку.

На следующий день в доме Дана появились сваты - родители Романа.

- Нет, отказал старик. - Мы уезжаем.

- Я родителей не оставляю, - ответила Диана. - Мы едем в Израиль.

- Все равно будет по - нашему! - предупредили сваты. - Каждый день приходите будем...

* * *

- Тревога!

- Тревога! - кричит на всю казарму дневальный.

- Тревога! - завыл над дивизионом тягучий голос сирены.

Распахиваются двери классов, мелькают лица, стучат сапоги, с чьей-то головы сорвалась пилотка - суета и спешка.

- Взять противогазы!

- Пусковая, к машинам! - разносятся команды офицеров.

Эртэбэшники уже несутся по граверной утрамбованной дороге к своей кабине, придерживают на ходу пилотки и прыгающие на бедрах сумки с противогазами.

Тревога...

В кабинете наведения ракет пока еще тесно: офицеры и солдаты пробираются по узкому проходу - каждый на свое место.

Захлопывается дверь. Комбат включает микрофон, подает команды.

Офицер наведения впился глазами в светящийся экран слежения.

- Есть цель! - громко бросает он и называет параметры.

Фред сидит у телефона, возле планшетиста, записывает данные целей.

Диктовка идет быстро, точно на другом конце провода сидит не человек, а стреляющий цифрами автомат. Но успевать необходимо: на то ты и направленец.

- 1250, дальность двести... - докладывает офицер наведения. - Взять на РС.

- Есть РС! - Паша осторожно водит баранку ручного сопровождения. вглядываясь в экран, как шофер во время сильного тумана...

- Пуск! - спокойно командует комбат.

- Есть пуск! Первая пуск! Вторая...

Секунды ожидания. Тишина. Лишь равномерный гул работающей аппаратуры.

-Цель уничтожена! - бросает офицер наведения...

... И потом снова: - Есть цель...

Фред точно прирос ухом к телефонной трубке...

... Полчаса работы...

Комбат, передав командование, перебирается по кабине в сторону планшетиста. Став над Фредом, как бы невзначай подбросил:

- Говорят, у Иври Библию украли...

Фред от неожиданности забыл о работе, вскинул голову, оторвался от тетради с записями. Цель номер 1365...400...70...» - строили с другого конца провода, но рука уже опоздала. Все: теперь не наверстать!

Капитан уловил этот «зевок» и, холодно бросив: - Не умеем работать. - вернулся на свое место.

... Дали отбой тревоги, тут же на месте провели короткий разбор.

- Все потрудились хорошо, за исключением направленца. Если мы так работали все два года, - дубасил он Фреда, - не знаю, чем мы занимались, разве что Библии мазали. Через полчаса .ко мне! - бросил он под конец.

Фред по-прежнему сидел у телефона и нарочито медлил с ответом. В тускло освещенной кабине зависла тишина.

- Ефрейтор, разберитесь!...- мол, все карты вам в руки, приказал комбат стоявшему у своей аппаратуры Грызанову.

- Есть! - вытянулся тот.

Первыми из кабины ушли офицеры. Солдаты остались прибирать, складывать провода, кабели - наводить марафет.

В казарму возвращались беспорядочным строем: впереди молодые солдаты, позади старички - Унежев, Паша, Стренадко, Фред и с боку - командир отделения - Грызанов.

Молчали.

- Да ты не волнуйся, я ж тебе ничего...- поотстав, Грызанов поравнялся с Фредом. -Я, конечно, доложу, что пару нарядов тебе... Но это для отвода глаз.

- Хорошо, Грызан. - Фред и вправду в эту секунду верил в его искренность.

Но впереди еще предстояла «разборка» у комбата.

В кабинете комбата за Т-образным столом сидели все офицеры батареи . «Собрание возглавлял сам Сыч.

Фред стоял в торце стола, смотрел куда-то поверх головы капитана - в окно. Тот достал из стола черную книжицу, поводил ею по воздуху:

- Наш направлонец, который сегодня прозевал всю работу, видно, чувствует себя не на воинской службе. У него, видно, другое направление - священные книжки марасть! - он демонстративно опустил книжку на стол и накрыл ладонями.

- Я книжки не мараю! - расставил Фред.

- Может быть, и поверили бы, если бы не видели своими глазами, - комбат подался плечами вперед. - Этот господин такие выраженьица здесь... «рисует», читать - язык не поворачивается, - он развернул вклеенный в середину книги исписанный листок и, словно пересилив себя, после паузы. прочитал:

«Велик только Иуда и никто из тех!...»

- Ну и дает! - один из офицеров выразительно мотнул головой.

- Вообще-то я здесь ничего такого не вижу, - непосредственный начальник Фреда - капитан Дронов сложил на столе сухоща-вые руки. - Кто-то не признает Христа, кто-то Магомеда. а кто-то Буду. Лично я - ни того. ни другого, ни третьего, - и, помолчав, добавил: - А если есть и четвертый. то и его тоже.

Капитан взглянул на него быстрым взглядом, но, видно, справившись с собой, процедил:

- Ставить выше всех Иуду, то есть предателя!... На это способны лишь только евреи...

- Я не еврей, товарищ капитан, - не собирался сдаваться Дронов, - но стараюсь понять каждого: и еврея, и не еврея. А еврея в этом случае понять можно трижды. - Дронов на секунду смолк и уже с какой-то веселостью в голосе подбросил:

- А вообще, неожиданная точка зрения... Как вы ... товарищ капитан?

- Безродный космополит... говаривали когда-то... - словно для себя проронил комбат.

Остальные четыре офицера сидели понуро, боясь поднять головы, молчаливо слушали эту перепалку. Лейтенант Тютюнкин медленно вращал по столу фуражку.

Фред глядел в носки сапог, стараясь не выдавать позванивающие в душе чувства: никто, конечно же, не ожидал, что вместо

крупной головомойки, он получит защитника. Душа, свернувшись калачиком, торжествовала.

- Ну что ж, так оно и начинается, - о чем-то своем проговорил комбат и, глядя на бляху Фреда, с пренебрежением бросил:

- Свободен.

Через пару минут в спину комбата, из окна, ударила мелодия скрипки. Офицеры, переглянувшись, невольно потянулись глазами к окну.

Комбат медленно развернулся.

Из окна была видна фигура Фреда.

Капитан поднялся, со сцепленными за спиной руками подошел к окну.

Вид открывался своеобразный: в метрах тридцати за казармой находились два водоема, меж ними, как специально, по центру, стоял Фред. Он стоял спиной, склонив к скрипке голову, словно вырезал из струн терзающую душу еврейскую мелодию. По щекам комбата пошли желваки, скрипнули зубы: «концерт» игрался именно для него. Это был ответ на его комбата, вызов. Тут же вспомнился Египет, израильские самолеты, неожиданно, точно миражи, возникавшие над гладью Суэцкого канала... Суэцкий канал...

Думая о нем, комбат вдруг подметил, увидел, что между двумя водоемами есть расстояние: метров двадцать каменистой почвы. Но самое главное - один водоем находился выше, как бы на пригорке, а другой - ниже... Суэцкий канал... Скрипка смолкла. Фред сунул ее под мышку, стянул с головы пилотку, вывернув ее, снова натянул на голову.

«Ермолка! - понял комбат, сдерживая гнев. - Догадался же гнида!» - и обернулся на офицеров:

- Видели? - капитан кивнул за спину. - Видели, какую нам сунули фигу? Из пилотки ермолку сотворил, - он метнул в Дронова холодный взгляд, нахлобучил на свою огромную голову старую фуражку, затопал из кабинета.

Лишь только захлопнулась за ним дверь, офицеры с азартными лицами бросились к окну, теснясь, выстроились подле него, словно там, за окном, должно было начаться какое-то интригующее действие.

Комбат, огибая угол длинной, как ферма, казармы, топал по каменистой дорожке к двум водоемам. Впереди звучала скрипка.

Осеннее небо, выцветшее синей шалью, раскинулось над дивизионном, мягко стекая за дальнюю кромку леса.

Два водоема, как две чаши весов - одна выше, другая, точно под грузом, ниже находились по обе стороны от Фреда.

Фред играл. Скрипка то грустила, то смеялась, и казалось, издевалась над кем-то. На голове Фреда, неожиданно для воинской формы, со спрятавшейся во внутрь звездой, сидела вывернутая пилотка.

В гимнастерке и сапогах, перетянутый солдатским ремнем, причудливой «ермолкой» он, казалось, слился со своей скрипкой, был един и с этой каменистой землей, точно вышел из нее, а играя, соединялся мелодией с бездонными небесами.

Фред увлекся, перешел на импровизацию, не слышал приблизившихся шагов комбата. Мелодия, словно колдунья, переставляла времена...

...Египетское рабство.

- Фараон приказал ужесточить работу! - напуган один из рабов-израильтян.

- Ничего! - отмахивается Иври.

- Ничего! - вторят другие израильтяне.

- Обжигать кирпичи да под палящим солнцем - сгниешь и без ужесточения! Фараон хочет уничтожить евреев! - предупреждает первый.

- Выживем! Израильский народ никогда и никому не уничтожить. Никакому фараону! Лишь бы кусок мяса был да чашка риса! - хвалятся соплеменники Иври по своим убогим жилищам.

И кажется, уже никто не помнит, что когда-то, в дни Иосифа, другой была их жизнь - светлой и свободной. Но забыт фараонами Иосиф, а вместе с памятью о нем вычеркнуты все добрые дела его и его племени.

Унижение и рабский труд - вот что получено в награду за верность фараонам.

Видно, бесполезно сдабривать потом чужую землю. Если что и принимает чужая земля, то кровь и слезы.

- Ничего! Лишь бы в котле было что пожрать да женщина на ночь! - благодушествует Иври со своими братьями.

И вот над землей Египта огненным скорпионом зависло раскаленное жадное солнце. Лучи, как жала, впиваются в тело Иври, испивают последние силы.

Хотя бы мгновенье отдыха. Но стоит на минуту замешкаться, тут же настигает крик надсмотрщика и над головой заносится плеть.

День нескончаем. Последние, готовые после обжига кирпичи, кажется, вот-вот сорвутся из рук. Глаза разъедает и слепит от едкого пота.

Но нужно донести! Дотащить! Доползти!

Иври пытается поддержать себя тем, что скоро это все закончится, он придет к своему очагу, его встретит красивая жена, и он снова увидит своего первенца, совсем еще кроху-сынишку Якова.

Но, видно, Бог отвернулся от него: шаги Иври резки, неуверенны, тело непослушно.

Только бы не упасть! Нужно удержаться! Совсем немного! Шагов десять! Всего десять!

Солнце выбирает последнюю каплю воли, ноги подкосились. Чтоб не опрокинуться на спину, он старается удержаться на коленях, но кирпичи с грохотом срываются на землю.

Мгновенно плетка надсмотрщика выжигает на голой спине кровавый рубец. Иври чувствует эту жгущую линию от плеча до бедра.

- Встать, иудейская скотина! Встать!

Иври, с трудом передвигаясь на коленях, пытается собрать кирпичи, но пальцы, как мертвые корни, бессильны.

Плеть надсмотрщика снова с посвистом режет тело:

- Встать! Я тебе покажу, как притворяться, рабская скотина!
- рот его искривлен в иступленной злобе.

От следующего удара кожа рвется на плече.

- Встать! - неистовствует надсмотрщик. Иври поднимает голову, но глаза затуманены, видно лишь солнце.

Вдруг оно отчетливо выделилось из небесной синевы. Его белый диск, точно идол, качнулся из стороны в сторону и накренился. Через мгновенье очертания его стали плавиться, снова слились с небом, которое стало похожим на огненную жидкую лаву.

Идол умирал.

В секунду весь мир разом провалился в мрак. Иври слился с горячей песчаной землей.

Умерли все звуки и боли.

Очнулся он от истошного животного крика: в животе надсмотрщика торчала рукоять меча, окровавленное острие вылезло из спины. Согнувшись, он обхватил обеими руками меч, словно силился вытащить его из своего чрева. С открытым ртом, хрипя, рухнул рядом. Вытаращенные глаза остекленели.

Широкоплечий бородач в белых одеждах, проткнувший надсмотрщика, склонил над ним львиную красивую голову, резко выдернул свой меч и вытер о его платье.

Иври в своем заступнике узнал приближенного фараона царедворца Моисея.

- Жив? - участливо склонился тот.

- Если бы не ты... - боль исполосованной спины перекосила лицо.

- Сами во всем виноваты! - глухо укорил Моисей. - Бога своего забыли! Идолам предались! - но чувствовалось, что винил он и себя. - Видно, идет час расплаты за то, что предали мы своего Бога! Променяли на кусок мяса и чашку риса дарованную Господом свободу. Превратились в животных, озабоченных лишь едой и постелью, - в раздумье говорил бородач, но, спохватившись, подал Иври руку, помог подняться.

Дорога к дому была целительным лекарством, а мысль о сыне придавала Иври сил.

Но дома поджидала беда.

Она стекала с распущенных волос жены, с кровавых следов на ее лице, изодранной одежды, опустошенных глаз.

Она бросилась к нему в ноги, разметавшийся волос, словно черный саван, накрыл ее бьющееся в плаче тело.

... Почти над всеми домами израильтян не умолкал в те дни плач. По приказу фараона его воины врывались в еврейские дома, отбирали младенцев и топили в ненасытном Ниле. Не должен умножаться народ Израиля! Такова была воля фараона, увидевшего, что и в рабстве не вымирает это непонятное упрямое племя.

Палачи исполняли приказ фараона, сотни распухших крохотных тельцев прибывал к берегам мутный Нил. И не глохла египет-

ская земля от плача еврейских матерей, не слепла от их невысыхающих слез.

Если что и принимает чужая земля, то кровь и слезы....

... Слева от Фреда раздались демонстративно отрывистые хлопки. Он обернулся.

Хлоп! Хлоп! Хлоп! - нарочито аплодировал капитан и обычным холодным голосом растянул:

- Концерт для офицера-интернационалиста. Специально... Кто бы мог знать, что опальный капитан доживет до таких почестей... И от кого они? От того, кого я сам - на Суэце долбал. Благодарю Бога, Иври, что старослужащим ты мне попался... Не выжил бы иначе... Хотя бы призывом моложе был - не выжил... Сама же солдатня и придушила бы тебя... Иври, - комбат посмотрел на верхний водоем, потом на нижний и словно сам для себя вслух просчитал:

- От одного озерца до другого будет метров двадцать, - и следом приказал. - А ну-ка, Иври, измерь.

Тот вопросительно посмотрел.

- Шагами... шагами, скрипач, - поерничал Сыч.

Фред, со скрипкой и смычком в руках, стал на краю верхнего котлована и пошел по спуску.

- Сорок, - нехотя отсчитал он.

- Нормально, - кивнул комбат и в раздумье, с каким-то намеком проговорил: - А как по-твоему, можно перевести воду из нижнего озера в верхнее? Не ведрами, конечно... Каналец тут прорыть... Такой небольшой «Суэцкий» каналец. - И подыграл: - Нет, не получится. Если каналец, то наоборот - вода из верхнего котлована побежит в нижний. Закон природы. А все-таки заманчивая штука - из нижнего по «Суэцкому» каналцу в верхний.

Фред почувствовал, что пора готовить для себя «траурную» Мендельсона, и непроизвольно, щипком, сорвал со струны долгий звук: до-о-он...

- Ну что, Иври, - язвил капитан, - а ты смог бы, чтоб вода не из верхнего - вниз, а из нижнего - наверх потекла?...

- Иври все сумеет! - полушутя ответил Фред.

- Да, разумеется... Вы же - евреи. Богом избранные! Вы все можете, - сдерживая раздражение, сорвал взгляд с головы Фреда,

на которой по-прежнему, как ермолка, сидела вывернутая наизнанку, округлившаяся пилотка.

- Ну, ладно, Иври, я мог бы и сегодня предоставить тебе эту возможность - «Суэцкий» каналец начать... Хотя бы за нарушение формы одежды, - он кивнул на «ермолку». - Но бог с тобой. Мне твой концерт понравился. Откровенный концерт. Так что в знак благодарности нарядов я тебе раскручивать не стану. А то бы раскрутил на всю катушку, как говорят... Но ничего, служить нам с тобой еще есть время... так что смотри, Иври... Вот такая... погода, - он вскинул голову к вечернему небу. - Небо - то какое - красота... И там тоже было такое небо... На Суэце... Вот и у тебя, Иври, наверное, будет Суэцкий канал... У меня был, и тебе, наверное, захочется тоже... такой небольшой Суэцкий каналец... У меня был - там, у тебя будет здесь... Впрочем, все в руках господина нашего Иисуса Христа... так, вроде бы, говорят, - он мельком взглянул на «ермолку» и спокойным прогулочным шагом направился к казарме.

Торчавшие в окнах солдатские физиономии смыло, словно водой...

* * *

Это была та послеполуденная минута, когда прихожан в храме обычно нет и можно посидеть над Евангелием. О. Александр вышел из церкви, вдохнул свежего осеннего воздуха - кажется, испил чашу печали и наслаждения.

Самая бередящая душу пора: мир, погруженный в золотую осень. Время сближения с Истиной.

Истина - Предтеча Потери.

Природа в прощальные дни вдруг становится нестерпимо красивой, так бывает иногда и с человеком: перед смертью, к нему неожиданно и пугающе на короткий миг возвращается красота.

О. Александр сел на скамейку у крыльца, раскрыл Евангелие. В последние дни обращение к этой книге стало совсем иным, чем в долгие до этого годы: раньше погружение в Новый Завет было таким же естественным, как возможность дышать, а теперь... Но, может, это какое-то предстояние мира перед Новым временем, перед новым Осознанием и Видением....

Время и приближает, и отдаляет. Оно отбрасывает в тень, оно ищет и отворачивает взгляд. Время приближает и заставляет всмотреться. То, что казалось вечным, вдруг раскрывается, как плоть под ножом, и обнажает тлен. Все подвержено болезни: и плоть, и дух. Но страшнее всего тлен духа. Если болезнь плоти может унести одну жизнь, то болезнь духа уничтожит миллионы... Время рассекает...

О. Александр листал Евангелие машинально: «ту» страницу, как и многие другие, он знал наизусть: «... Иисус отвечал: тот, кому я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту... И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее...»

О. Александр провел пальцами по закрытым векам, словно что-то хотел стереть, но сознание, казалось, отделилось от его существа, стало автономным. «...И, обмакнув кусок, подал...» Смысл Тайной Вечери, где должен был присутствовать наивысший взлет духа Христа, был искажен...

Две тысячи лет... Но теперь от этого никуда не деться, этот провал видят уже и в миру, и в церкви. Время высветило.

Мозг протоиерея, словно желая заблокировать гнетущую мысль, увел в молитву.

Священник припал затылком к стене храма, книга в больших руках легла на колени.

Изредка, когда открывались глаза его, взгляд, казалось, не видел ничего вокруг, был погружен в другую, безмерно далекую действительность...

Протоиерей не видел, как из храма вытекла черная фигура диакона Василя, замерла на крыльце. Лишь долгую минуту спустя о. Александр, будто позванный пристальным взглядом диакона, повел на него свою львиную голову.

Священник успел заметить, как ненавидящий взгляд тощебородого диакона в секунду сменился на подобострастно-боязненный, будто змея переродилась в юлящую лису.

Отец Александр равнодушно отвел глаза.

Все планы Фреда изменил один-единственный экземпляр западного журнала.

Впрочем, никаких планов и не было. Просто полковая художественная самодеятельность приехала в Горск с концертом для подшефной школы.

«Артистов» набралось человек десять. Ехали обычным рейсовым автобусом, ходившим от дереvушки, стоявшей возле полка, до горавтовокзала.

Журнал лежал на ящике рядом с кипой различных, теперь свободно издаваемых, независимых газет. Торговала всей этой продукцией высокая дама с красным вокруг шеи платком.

Толпа полукругом стояла возле ее симпровизированного стола: покупатели нетерпеливо, все разом тыча деньги, что-то спрашивали и просто глазели.

Фред пристроился сбоку. Название журнала показалось знакомым...

Западные радиостанции, вспомнил Фред.

Несколько статей номера были анонсированы на обложке. Из семи-восьми названий взгляд выловил третье снизу:

«Христианство после Освенцима».

Автором оказался сам христианин. Взволновало.

Фред забыл о толпе, жадно вчитался:

«...Я вижу здесь три этапа продвижения в глубину проблематики.:

1. Признание морально-политической ответственности Церкви за национал-социализм...

2. Анализ христианского антииудаизма как одного из источников расистского антисемитизма. Христианская теология начинает осваивать тему «Антииудаизм в Новом завете». На этом этапе христианская экзегеза обнаруживает юдофобский потенциал Нового Завета - потенциал, который сполна реализовался в истории церкви...»

В душе что-то восторжествовало: сами христиане начинают признаваться в том, что еще вчера казалось неприкосновенным и не подлежало их осуждению.

-Фред, ты че там застрял? - окликнули его.

- Сейчас, держи! - он вручил подошедшему товарищу скрипку, достал деньги. Всего было семь рублей. Если взять журнал (он стоил шесть), значит на сегодняшнее увольнение и на остальные дни оставался один «рыжик» - рублишка.

- Берете? - спросила продавец.

Стоявший рядом мужчина с любопытством поглазел на Фреда.

- Беру...- Фред в душе ругнул себя за нерешительность (но ведь и оставаться с единственным рублем - тоже не курорт), рассчитался и вдруг почувствовал на душе легкость. Потом пришло и какое-то приятное удивление: странно, судьба, как нарочно, подбросила этот журнал.

По дороге к школе просматривал его.

Перед самым концертом решил: сегодня во что бы то ни стало он добудет себе новую Библию. Та, что попала к Сычу - считай - с концами...

Но чтоб заполучить сегодня книгу, нужно было отыграть концерт - это раз, и два (самое щекотливое) - деньги. Второй пункт - «кусался». С рублем в кармане бросаться на дорогие книжки - зачешешься. Где найти деньги?

У ребят - вряд ли... А если и есть, то на «печенье-мороженое». Да на кино. Этот концерт они ждали как подарок судьбы: вырваться на волю хоть на часок-другой - праздник праздников. А какой праздник без денег? Попросить у старшего группы?... С лейтенантом Коростылевым он в хороших отношениях: как-никак самодеятельность вместе два года тянули. И на концерты выезжали не раз, и не два.

Коростылев наскреб Фреду около тридцати рублей, отдал увольнительную и после того, как Фред отработал свой номер, отпустил в город.

- Смотри, на автобус не опоздай. В полшестого. - предупредил он и, дружески - флажком вскинул широкую ладонь. - Пока!

* * *

...В кармане увольнительная, «подарок» судьбы - журнал в скрипичном футляре да вдобавок прекрасный осенний день. От всего этого шагалось легко и браво. Выходная военная форма, начищенные до блеска ботинки, ощущение себя при полном параде. Придавали настроению особую свободу. Фуражку с черным козырьком Фред чуть надвинул на глаза... Нор-маль-но!... Свобода. Несколько часов свободы. Ни Сыча, ни дежурств, ни строевых за-

нятий, ни смрадной казармы. Вместо них - уютный город, прямые легкие улицы, много зелени. Правда, теперь высокие тополя сбрасывают к ногам медь опадающих листьев, кроны каштанов, как золотые шары. Много красивых девушек.

В руке Фреда покачивается черный футляр, под козырьком - вбирающие свободу и словно захмелевшие от нее темно-карие глаза.

Вот впереди парочка симпатичных девчонок. С тонкими спинами и красивыми, как яблочки, покрашенными щеками, та, что справа, красивее: и ножки в черных колготках точеные, и волосы легкие и волнистые. Обе посмотрели на него, и долгую секунду шли глаза в глаза. А потом, за спиной Фреда, видно поймав его на том, что он обернулся, весело расхохотались. Он джентельменски - за козырек - поднял фуражку: салют, мол, пташечки и снова нагнул ее на глаза... Эх, скорее бы на гражданку... Домой.

В букинистический Фред не попал - перерыв, тогда решил двинуть в церковь. Нашел.

... Ее золоченный купол открывался не сразу - спрятанный за обшарпанной многоэтажкой показывался, лишь когда, обогнув ее, ты уже подходил к деревянному зеленому забору храма.

В эти послеполуденные часы двор храма пустовал, только извечные, сейчас сонные, нищенки, сгорбившись, подремывали на ящиках у ворот. Увидев вошедшего в калитку Фреда, открыли совы сонные глаза, то ли так до конца и не проснувшись, то ли еще отчего, так и остались - со сцепленными на животах заскоружеными руками.

Взвизгнула дверь - из церкви вытек длинноволосый монах весь в длинной черной одежде, с реденькой рыжей бородкой. Диакон Василий. Он каким-то неприятно-читающим взглядом прошелся по Фреду. Глаза, видно, вычитали что-то для себя, и в них заселилось выражение нерязности.

- Скажите, Библию здесь можно купить? - вырвалось у Фреда.

- Библию? - диакон провел по жиденькой бороде, как по струйкам вялого душа. - Библию можно, коли нужно, - и словно метнул:

- Еврей?

- Еврей.

- Уверовал или как?
- Интересуюсь.
- Отец Александр посоветовал?
- Не понял...

- Там - в храме, - диакон небрежно отмахнулся и небольшими шажками, словно путаясь в длинной рясе, поплыл от дверей церкви.

- Фуражку снимите! - шикнули на Фреда, едва он оказался внутри церкви.

Фред нехотя, подумав, что в еврейском храме нельзя быть с непокрытой головой, стянул с головы фуражку.

К овальному потолку от негромких молитв восходил монотонный говор.

Но это проборматывание, как ни странно, утопало в какой-то вязкой плесенной тишине.

Слева, недалеко от входа, стоял лоток. Это было самое освещенное место в храме. Лоток существовал сам по себе, как светящийся куб в огромном сумрачном пространстве. Витрины и стеллажи его были уставлены картинками, значками, календарями, портретами святых и всякой другой христианской атрибутикой. Возле каждой вещи стояли ценники: 50 руб., 30 руб., 250 руб. Под стеклом освещенной витрины лежали книги — с желтой, зеленой, коричневой, черной обложками из кожзаменителя.

Лотошник, лысый, с оттопыренными и просвечивающимися ушами, бросил на Фреда ленивый взгляд.

- Новый завет - 50 руб! - неволью вырвалось у Фреда. - Библия - 200 руб! Закон божий - 80 руб! - и качнул головой: да-а, ни Библии, ничего другого ему сегодня не видать, хотя бы Новый Завет приобрести.

- Только за пятьдесят? - ткнул он пальцем в стекло. - Дешевле нету?

- Нету.

- Дороговато.

- А что сейчас не дороговато?

- Но ведь это Библия...

- А что? Библия - веник?

- Веник - не веник, но 50 рублей.

- Слышь, служивый, -уши продавца замерли, как медные крышки от банок. - Это тебе не барахолка, а храм. Понял?

- Понял, - Фред задумался и вдруг взглянул на продавца:

- Дайте, пожалуйста, посмотреть Новый Завет.

Лотошник с явной неохотой достал книгу.

Фред полистал ее, наклонился над прилавком.

- Послушайте, - начал читать он из Евангелия: «Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим. И нашел, что в Храме продавали волов, овец и голубей и сидели меновщики денег... И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул...» - Фред пристально взглянул на лотошника.

Тот смотрел на него настороженно, и в глазах уже начинали посвечивать злые лучики. Фред хотел было что-то продолжить, но лопухий лотошник, поняв, к чему клонит этот солдат со своей скрипкой, зло вырвал книгу из его рук и прошипел: - Слышь, салага! Пока твоя бандура не заиграла по твоей бестолковке - уносись отсюда! Понял?

- Так ведь я ничего и не говорил, - пожал плечами Фред. - Не судьба.

Выходя из церкви, он глубоко вздохнул.

... Журнал в футляре, куча денег (целых 28 рублей) в кармане, увольнительная, прекрасный день, красивые девушки... Но где свобода? Нету. словно вытянули ее из души и швырнули под ноги, как эти опавшие, бездомные листья... Куда теперь? Эх, добыть бы где-нибудь денег, купить книжку, да покачать ею перед носом того лопухого лотошника. Но где добудешь эти деньги?

Фред представил, как он играет на улице: у него раскрытый в ногах футляр, и туда сыпятся деньги благодарных прохожих, И все хорошо! Но вот, откуда ни возьмись, появляется военный патруль и его вместе с деньгами, журналом, увольнительной и скрипкой уводят в комендатуру... Не пойдет...

Фред шел, - куда ноги несут. Возвращаться в группу, но ребята, наверное, концерт уже отыграли и, может быть, сидят сейчас в каком-нибудь кинотеатре или видео салоне... Куда пойти, куда податься...

Вдруг он вспомнил, что в Горске есть еврейское местечко, рассказывал отец, когда приезжал к нему. Можно было пойти ту-

да, посмотреть, что за «еврейцы», что за местечко, какая у них синагога. Хотя, впрочем, еврейцы, они везде еврейцы - со своим извечным местечком, разговорами, делами и синагогой.

Найти его, наверное, было проще простого. Может, это самое простое, что есть на белом свете, найти в городе еврейское местечко. Фред подошел к парню лет девятнадцати.

- Местечко? - переспросил тот и почему-то улыбнулся. - Это, значит... садись на любой из этих автобусов и до фабрики...

На одной улице местечка Фреда ожидала встреча, которая, как вспоминал он потом с улыбкой, стала самой важной в его жизни.

Наумка.

«Если б я тогда не встретил Наумку!»... - уже много позже говорил Фред и шутливо, хотя и не без доли страха, хватался за голову...

Он проходил мимо группы парней, которые, обступив сидевших на лавочке шахматистов, наблюдали, ждали очередь, просто стояли от нечего делать.

Сначала в сторону Фреда повернулась лишь одна голова. Вторая, заметив, что соседские глаза что-то высматривают, повернулась тоже, а следом и еще три-четыре головы.

Проходя мимо, Фред поздоровался, головы ответно закивали, неожиданно из группы выделился невысокий мужичонка в кипе и с магнитофоном наперевес. Он стал перед Фредом, протянул узкую ладонь:

- Шалом!

- Шалом! - Фред пожал сухие вялые пальцы.

Мужичок в кипе долго смотрел Фреду в глаза, словно что-то выспрашивал. Фред узнал взгляд больного.

В шахматы уже не играли, не болели, не ждали очереди: все развернулись к Фреду и стоявшему перед ним Наумке.

Тот перевел взгляд на скрипку, бережливо, тонкими пальцами провел по черным, шершавым бокам футляра, словно ласково погладил собаку.

- Умеешь? - дружески спросил Фред.

Наумка покачал головой, на секунду задумался, но вдруг, встрепенувшись, приподнял висевший на боку магнитофон и, глядя на Фреда, нажал на кнопку

Из маленькой черной коробки вырвалась взрывная мелодия, «Казачок»!

Вокруг рассмеялись.

Но «Казачок» гремел недолго. Наумка, глядя на скрипку, выключил магнитофон, снова ласково погладил футляр, посмотрел на Фреда.

- Скрипку хочешь? - Фред раскрыл ему футляр.

Наумка осторожно, как хрупкую вещь, вынул скрипку, неловко приладил к груди, приподнял смычок, и снова круглые, как два синих горошка глаза, посмотрели на Фреда: искали одобрения.

- Играй! - подбодрил его Фред.

По струнам, точно коричневая гусеница, пополз неуверенный, боязливый смычок, вытянул длинный, срывающийся звук.

- Давид Ойстрах! - наградили Наумку высоким звание.

- Молодец, Наумка!

- А че ты думал?! - Мы не только на магнитофонах играем! - посыпались на маленького человечка комплименты.

Но вот он протянул скрипку Фреду, и два синих горошка словно виновато попросили: а ты...

- Сыграть? - с улыбкой спросил Фред, взглянул на стоявших рядом парней.

Наумка молчаливо кивнул, и в этот момент на всю улицу свалилась тишина. Ждали.

- Сыграть, так сыграть! -

Тут же кто-то подхватил из рук Фреда футляр, закрыл его. Фред поудобней устроил скрипку на плече, на секунду задумался, вскинул смычок, и со струн сорвалась живая, разбойная мелодия:

«Казачок!»

Все благодушно заулыбались.

Наумка, прослушав первые звуки и вдруг узнав свою «родимую», как-то радостно ожил, забегал по лицам торжествующими глазами и... неожиданно для всех надавил на черную клавишу магнитофона: «Казачок!»

Получился разнобой, но Фред тут же подстроился под «инструмент» Наумки, и над местечком понеслась призывная мелодия.

Смеялись.

К тротуару подкатила машина, из ее окон, как качаны с глазами, лезли улыбающиеся головы.

«Казачок!» гремел на всю улицу.

- Концерт для скрипки с магнитофоном! - перекрикивая музыку, громко бросил Фред, и все снова рассмеялись.

Незнакомые лица становились близкими, словно Фред всю жизнь жил в этом местечке, рос с этими еврейскими парнями.

- Ну, наверное, хватит... - он с улыбкой посмотрел на «концертмейстера» в черной полинялой кипе, у которого счастливо светились детские глаза.

Наумка тоже остановил свою «музыку».

После двух-трех вопросов - кто он - Фред и откуда, (о-о! То же еврей!) его пригласили, уговорили зайти в дом по соседству. Собрали шахматы, прихватили лавочку, сели во дворе.

Хозяина звали Еськой, ему было лет двадцать пять, жил он в этом небольшом доме самостоятельно, с женой и двумя маленькими детьми. У Еськи был крупный, важный нос и доброе, благодушное настроение.

Впрочем, и остальные тоже чувствовали себя ничего...

На краюшке стола примостился Наумка. «Концертмейстер» с наслаждением уминал хрустящий огурец и со знанием дела следил за разговором.

- Я что заметил, знаете? - с улыбкой говорил Фред. - В местечке названия улиц... характерные... Коммунарская, Рабоче-крестьянская...

- Интернациональная! - продолжили в тон ему.

- А они раньше по-другому назывались, - словно оправдался Еська. - Горшечная, Кожевенная. Евреи, сам знаешь, всегда хорошими ремесленниками были. Кто мог лучше еврея сапоги сшить? А шапку?... Сейчас все позабросили, - он махнул рукой. —Евреи много чего позабыли...

- Он у нас сионист! - прокомментировал кто-то.

- Анекдот рассказать? - предложили тут же.

Новые друзья казались старыми добрыми приятелями, и Фред уже не осуждал церковных торгашей за бешеные цены на книги, иначе (хвати у него денег) вряд ли бы он попал в эту компанию.

- Я сюда из церкви попал, - решил он поделиться своей историей.

- А ты че, в ихнего бога веришь? - Еська пристально взглянул.

- Да нет, - невольно улыбнулся Фред. - Наоборот.

- А-а, - успокоился Еська. - Я - то подумал, что еще один еврей крестился.

- А что у вас и такие есть? - с интересом спросил Фред.

- Есть тут одна, - с ленцой ответил Еська. - В Христа верит... Но красивая-а! Что есть, то есть. Знаешь, какие бывают красивые еврейки! А эта еще красивей! И не глупая, видать.

- Кто это? - заинтересовались за столом.

- Братья у нее есть... Елизар... Яков. На Зеленой улице живет. Диана, Еська бросил рукой в ту сторону, где должна была жить Диана.

- Что? Действительно в христианство перешла? - переспросил Фред.

- Еська пожал плечами:

- Во всяком случае в церковь ходит.

- Интересно бы взглянуть, что это за христианка, - произнес Фред.

- Наумыч, наливай! - подмигнули, и снова стол ожил, зазвенели бокалы, потекли тосты.

- Тили-бом! Тили-бом! - затянули справа от Фреда, и послышался вздох. - Эх, сейчас бы эту песенку послушать!

Сидевший рядом с Фредом толстячок дружески обнял его:

- Сыграй, братишка! Что-нибудь нашенькое!

Первая песня была «Семь сорок». Сидели, от удовольствия пощелкивали пальцами, кто-то, вскинув руки, повел ими над головой. Еська негромко забарабанил по тарелке вилкой. Наумка хотел было вступить со своим «инструментом», но его коллективно попросили повременить.

Фред стоял над столом, с расстегнутой на несколько пуговиц форменной рубашкой (китель повесил на спинку стула), прижав к плечу скрипку.

Видимо, растроганный еврейскими мелодиями толстячок подле него достал двадцатипятирублевку и сунул ее в карман фредовских брюк.

Скрипка тут же смолкла.

Но вернуть деньги Фреду не удалось: за столом запротестовали, принялись стыдить, покачивая пальцами и головами:

- Не-ет! Это не мы, это ты нас обижаешь!

- Ты, парень, - солдат!

- Да еще еврей! Свой!

И после очередной песни вкладывали деньги в карман Фреда. Заканчивал он игру уже состоятельным человеком. Во всяком случае теперь можно было купить Библию и помахать ею перед носом того торговца в церкви.

Провожали Фреда всей компанией. Шли хмельной, говорливой толпой: впереди Фред с Еськой, и чуть поотстав, небрежно пошаркивая, смеясь, - остальные.

- А отсюда далеко дом...этой Дианы? - в руке Фреда черной лодочкой легко покачивалась скрипка.

Еська шел слева. Быстро взглянув, рассмеялся.

- В душу запала?

- Запала! - признался Фред.

- То, что красивая или что в Христа обратилась?

Фред неопределенно пожал плечами:

- И то, и то, наверное...

- Неплохо бы познакомиться... - хитро прищурился Еська.

- Неплохо бы... Но как?

- Как? - Еська в раздумье приостановился. - Ка-ак? - и беспомощно развел руками.

- Ну и ладно, - отмахнулся Фред. - Мне сейчас все равно в церковь надо... Книжку купить, - и он коротко рассказал о своей Библии, комбате, бешеных деньгах в церкви:

- Но теперь-то я разбогател, - он с доброй иронией похлопал по карману.

Рассмеялись, шли молча.

- Вообще, эта Зеленая улица далеко отсюда? - спросил Фред и сам же рассмеялся.

- Видать, что-то тебя заарканило, - следом смеялся Еська, - так и сманивает... к Дианочке... - и поразмышляв, взял Фреда за руку. - Знаешь что... Пошли... Была - не была! - он решительно, словно саблей, рассек воздух рукой. - Я сейчас, - оглянулся на друзей и решительно скомандовал Фреду: - Пошли.

- Куда?

- Пошли - пошли.

На одном из перекрестков остановились.

- Вон видишь - четвертый дом от угла... Зеленые железные ворота, - показывал он глазами.

- Ну вижу. - посмеивался Фред.

- Иди! Клянусь иди! - самозабвенно настаивал Еська, - не бойся. А чего бояться? Яйца ведь не оторвут? Не оторвут. А это самое главное... Постучишь, скажешь, так, мол, и так... Сам знаешь... Зря что ли на скрипке пиликаешь... Если что, скажешь адрес перепутал. Понял, артиллерия? Иди! - он мягко подтолкнул Фреда в спину. - Давай!

- Да ну, ты че! - искренне отгородился Фред.

- А! - безнадежно махнул Еська: мол, толку от тебя никакого. - Я тебе, можно сказать, шанс даю, а ты, как пацан! На твоём бы месте... Клянусь! - Еська снова от досады махнул рукой. - А еще голову морочил - да кто она? да где улица Зеленая? Ну вот, вот улица Зеленая, ну и что теперь?!

Фред искоса взглянул на «заговорщика», что-то долго решал и потом, словно и не было Еськи, не проронив ни слова, повернул к железным зеленым воротам.

По дороге осторожно осмотрелся, следит ли за ним кто или нет? Но улица жила своей жизнью: проезжали автомашины, встречались прохожие. Лишь одна женщина в светлой кофте на секунду задержала на нем взгляд, скользнув глазами по скрипке, прошла мимо.

В метрах пятнадцати от заветного дома Фред почувствовал, как стали подкашиваться коленки, сердце, казалось, загудело на все местечко, а скрипка, как стопудовая гиря, потянула к земле, но на попятную идти уже было нельзя.

Фред выдохнул, выпрямился, обругав свои обмякшие «ходули», дотопал до ворот.

- Для чего мне все это?! - снова зашевелилось в душе, но рука уже стучала по калитке.

- Еще раз стукну, и тогда уже можно будет вернуться, - подкралась облегчающая мыслишка.

- Заходите! Кто там? - слышался со двора молодой мужской басок.

- «Брат!» - екнуло сердце.

И, действительно, в открывшейся калитке стал лет двадцати семи крепыш в джинсовой куртке. Он с неподдельным интересом глянул на неожиданного солдатика и своим легким баском спросил:

- Вам кого?

- Диана здесь живет?

- Здесь, - крепыш изучал Фреда. Посмотрел на скрипку.

В то же мгновение Фред оглянулся, Еська, как столбик с указателем, по-прежнему стоял на углу.

Крепыш, видно, что-то разглядев в Фреде, пригласил:

- Проходите...

- Да нет, спасибо... Я подожду...

Крепыш, оставив калитку открытой, двинул в глубину двора, перед домом задрал голову к мансарде:

- Диана! .. Диана!

Наверху хлопнуло окошко.

- Там к тебе какой-то боец... со скрипкой! - он оглянулся, и Фред поймал его незлую усмешку.

-Какой боец со скрипкой? - донесся сверху удивленный девичий голосок.

- Тебе лучше знать! Хорошо, что еще не поп с крестом! - ворчание было добродушным, но в душе Фреда уже вовсю матерился черт.

Тупо тыча округлым концом футляра в зеленые ворота, Фред проклинал все на свете: и шефский концерт, и Сыча, и бешеные цены с лопухим торгашом, и «столбик» с указателем - Еську, который что-то жестикулировал на своем идиотском углу.

Послышались легкие шаги, легкие и долгие: кажется, их было тысячи, сотни тысяч. Она стояла в калитке, как в раме. У нее были удивленно, распахнутые и колдовские глаза. Они втекли, а скорее вобрали в себя его душу, точно он утонул в них.

- Вы ко мне? - она взялась за кончик сбегавшей к бедру косы.

Глаза в глаза.

Фред с легкостью понял, что он все же удержался «на плаву» в этих двух карих озерцах.

- Фред, - он неловко сунул руку в калитку.

- Очень приятно, - ее пальцы были легкими и теплыми.

- Я служу здесь... Под Горском... Мы шефский концерт давали, - он кивнул на скрипку. - А потом мне нужно было купить Библию... или Новый Завет... А потом мне сказали, что вы - христианка. Честно говоря, - у него словно открылось второе дыхание, - меня это удивило. Я сам вообще-то интересуюсь...

- А вы...еврей?

- Да.

- Так ведь это прекрасно, особенно когда еврей... Да вы проходите.

- Неудобно как-то...

- Проходите, проходите! - настояла Диана.

Фред оглянулся. Еська стоял на прожнем месте, но уже вперив руки в бока. Видно, чувствовал себя на высоте.

Фред благословил его и вошел в калитку.

Крепыш, облокотившись о перила крыльца, смотрел куда-то в небо, словно и не замечая подходивших Диану и Фреда. И лишь когда те были в двух шагах, скосил в их сторону отечески насмешливый взгляд: мол, ну-ну, пацанва.

Один из «пацанвы» сделал в его сторону шаг, протянул руку:

- Фред.

- Елизар, - они посмотрели друг другу в глаза. Взгляды что-то сообщили обоим, «информация», видно, тут же обработалась, и Фред почувствовал, что пока его из этого дома за шкуру не выбросят.

В глазах Дианы мелькнула улыбка.

- Проходите, - она первая вошла в дом.

В прихожей бросилась в глаза скромная, уютная обстановка. Какое-то тепло придавал детский трехколесный велосипед, стоявший возле лестницы на второй этаж. Взгляд машинально отметил черный телефон на резной, окрашенной под бронзу подставке.

По деревянным ступенькам, покрытым красной дорожкой, поднялись наверх.

* * *

Фред слушал ее рассказ, как она случайно (а может быть, и нет - все в руках господ Бога) познакомилась с о. Александром, как в первый раз пришла в церковь, как полюбила Христа и теперь будет верна ему всю жизнь - сколько бы ей ни пришлось прожить на этой «бедной» земле.

С кем-нибудь другим он, наверное, уже вступил бы в перепалку (какой там Христос!), но ведь за столиком у окна сидела сногшибательно красивая еврейка с колдовскими глазами. Бог с ним - с христианством!

... Диана рассказывает, изредка проводя длинными янтарными пальцами по скатерти, словно разглаживает постоянно собирающиеся складки. И ей нравится все: и то, что этот парень-еврей, что солдат (ему очень идет военная форма). Но главное, что еврей. Значит, ей может выпасть счастливая возможность привести его ко Христу. Обратит еще одну еврейскую душу к своему Спасителю.

- А ты знаешь, что христиане сами критикуют Новый Завет, - все же не удержался Фред, хотя и произносил это как можно мягче.

- Смотря что, - она пожала плечами.

В своем светлом в тонкую полоску платье она стала похожа на хрупкую юнгу: - Критиковать все можно.

Фред достал из футляра купленный утром журнал, полистав его, отмахнулся.

- Ладно. Как-нибудь потом, - и хотел уложить его на место.

- Нет, почему же! Давайте сейчас! - она иногда сбивалась с договоренного «ты» на «вы».

- Знаешь пословицу: цыгана не привечай, так и я: мало что в чужой дом ворвался и еще свой устав втаскиваю! - распял себя Фред.

- Ничего не ворвался! А насчет устава... я ведь тоже должна знать... Так что это даже к лучшему. Давай-давай! - она отодвинула в сторону футляр и присела к Фреду на диван.

Нежный запах духов потек в легкие. Захолонуло.

- Вот, - опьянев от волнения, он еле нашел эту «чертову» статью, передавая журнал, нечаянно прикоснулся к ее руке. И ему уже было ни до христианства (хотя, впрочем, уже с первых минут встречи) и ни до какой статьи.

- Вот, здесь, - с хрипотцой кукарекнул он, осторожно показав пальцем на строчки.

Пока Диана читала, он сидел, как пришпиленный, как остекленевший, машинально водя глазами по «тем» строчкам:

«... после Катастрофы христианство больше не может жить в «мире не опровергнутых утверждений».

Диана продолжала читать, взяв пальчиками подбородок. Фред сидел по-прежнему - оглушенный ее близостью. Манили ее губы, руки, тонкий запах духов.

Фред сорвался с дивана, с горящими щеками шагнул к столу, сел на ее место.

- Интересно, о. Александр читал эту статью? - в раздумье произнесла она, - «...юдофобский потенциал...»

Фред уже жалел, что сунулся с этим журналом, мучительно искал выход, как увести от этого разговора или хотя бы смягчить его.

- А вообще знаешь, Диана, - вдруг нашелся он, - когда началось это «юдофобство»? За сотни лет до христианства. Еще с Египта. Евреев ненавидели за их бога. Вернее, за преданность ему... Хочешь одну историю расскажу? Вернее, даже быль, - он увидел заинтересовавшиеся глаза, заюлил на стуле, словно удобно устраиваясь перед длинным разговором:

- Был один такой царь - Антиох. Ты знаешь. Когда он покорил Израиль, евреев заставляли покоряться идолу. Но для евреев изменить своему богу - хуже смерти. И вот жила тогда одна еврейка - Хана, и было у нее семеро сыновей.

Глаза Дианы потеплели, и приунывший было «боец со скрипкой» ожил:

- Решил Царь покорить семерых сыновей Ханы... Величайшая была еврейка... Такая же красивая, как Диана. Только пусть у Дианы судьба будет счастливой... И вот привели старшего сына к Антиоху. Поклонись, говорит царь образу. Нет, отвечает старший сын Ханы, не поклонюсь, ибо сказано: «Только Господь - бог твой!» Убили его. Позвали второго. Поклонись, иудей, требует царь, нет, отвечает второй, не поклонюсь. Нет у меня других богов, кроме одного Бога! Убили и второго сына. Привели третьего. Но и он отказался. Четвертого. Пятого. Они тоже отказались. Привели шестого. И он говорит: «Не поклонюсь. Ибо сказано: - «Бог

твой велик и страшен»... Убили и шестого. Остался последний - самый младший - седьмой сын. Поклонись образу, требует царь. Жестокий был... Но и седьмой сын отвечает: «Не поклонюсь! Не сменим мы своего Бога на чужого!» Царь стал уговаривать его: так и сяк, на убитых братьев тычет, про молодость говорит. А потом на хитрость пошел. Вот, говорит, я сейчас перстень перед идолом брошу, а ты подними его, другие увидят, подумают, что ты подчинился. Нет, отвечает младший сын, не поклонюсь! У нас нет бога, кроме одного! А царь спрашивает, разве есть бог у мира? Младший сын усмехнулся: «Эх ты, царь, неужели мир беспризорный?» Убили и седьмого сына. На глазах у матери убили. Тогда она поднялась на крышу и бросилась вниз. Разбилась. В тот же миг послышался голос с неба: «Счастлива мать сыновей!» - Фред смолк и, подумав, закончил: - Вот поэтому и написано в книгах про нашего Бога: «За тебя убивают нас каждый день»... Так и есть.

Диана поглаживала ноготь мизинца, словно что-то стирала с него.

Молчали.

- Какая страшная история, - выдохнула она. - Действительно, великая еврейка.

- А сыновья?

- И сыновья, конечно. Но ведь их мать так воспитала. Великая мать, - и с девичьей непосредственностью выдохнула. - Я бы, наверное, так не смогла. И снова притихла.

- Хочешь, я что-нибудь тебе сыграю? - воодушевился Фред.

- Что? Сыграй, конечно. Вот здорово!

- Сейчас сыграем! - он взял скрипку и вдруг, лихорадочно взглянув на часы, взялся за голову:

- Ко-онец! - руки со скрипкой и смычком были прижаты к вискам.

- Что-нибудь случилось? - она испуганно подалась вперед.

- Автобус! Опоздал на автобус! - но потом, что-то вспомнив, облегченно отмахнулся. - А ничего, возьмем машину... Догоним... - он взял с дивана журнал, хотел было уложить его на дно футляра, но в эту секунду встретился со взглядом Дианы.

- Если хочешь, оставляю...

- Да, я только о. Александру покажу и верну.

В эту секунду они поняли, что подумали об одном и том же: «встреча».

- Только я не знаю куда... Вы оставьте адрес, - виновато произнесла она.

- Да ничего. Пусть пока будет у тебя. Как-нибудь... А вообще запиши на всякий случай. Может, напишешь, что скажет о. Александр... Он быстро набросал на тетрадном листе адрес дивизиона и спросил:

- А позвонить тебе можно будет?

- Конечно. Я буду рада, Фред.

Они быстро взглянули друг на друга и тут же отвели глаза: оба подметили, что она впервые за вечер произнесла его имя.

Две души, казалось, скользнули друг в дружку, соединились на мгновенье, и в ту же откровенную секунду захотелось не заметить это или спрятать в глубину сердца.

- Как же теперь? Тебя, наверное, твои командиры арестуют! - выдохнула она.

- Ничего, на машине догоним. Может, еще и раньше своих доеду.

- А до твоей службы далеко?

- С часик, - он улыбнулся ее «службе».

- Денег, наверное, куча уйдет... Подожди! - радостно спохватилась она. - У моей подружки один такой родственник есть... А у родственника - машина. Вот здорово! - она радостно соединила ладошки - Пойдем!- и тут же извинилась: - Ты только не подумай, что я выгоняю тебя.

- Разумеется! - оба рассмеялись.

Торопливо шли по местечку, подняли на ноги Марину: выручай подруга, не зря ведь сказано - возлюби ближнего своего. Но Марину уговаривать было не надо: смекнула подруга, что в руки родственника сейчас приплывает золотая рыбка. Сама плывет...

Братец, разумеется, тоже готов был разбиться, но ближнего выручить.

Вернее ближнюю. К тому же - «старую знакомую».

Красный автомобиль лихо вырвался из Горска на трассу.

Экипаж машины: впереди два парня - Роман и Фред, и сзади - подруги Марина и Диана - были в приподнятом настроении.

«Отвезу этого салагу и останусь с Дианой!» - мечтал Роман.

«Сегодня какой-то сумасшедший отличный день... Диана...» - блаженствовал Фред.

«Господи, неисповедимы пути твои! Как я благодарна тебе, как я люблю тебя, Господи Иисусе!» - текла молитва в душе Дианы.

«Надо же, как жизнь иногда поворачивается! Еще денек назад сама ее в эту машину запихивала, а теперь» - думала Марина, поглядывая на Рому и Диану.

Фред посмотрел на часы.

- Во сколько был автобус? - Роман искоса взглянул на него.

- В половине шестого.

- А сейчас?

- Сейчас шесть.

- Догоним. Увольнительная до сколько?

- До восьми.

- А, тогда все на мази... Успеем!

Проносились за окнами скошенные поля. Мягко звучала в салоне музыка.

- А ты тоже в христианство веришь? - стал подбираться Рома к Фреду.

- Нет.

- Это только кажется, что нет, - с улыбкой в голосе произнесла Диана.

- Если мне что и кажется, так это то, что, если б Диане дали волю, она всех евреев за две секунды окрестила. Так?

- Ох! Да разве ж с вами справишься? - с материнским укором вздохнула она. - Упрямый вы народ - евреи! - И они снова встретились взглядами, словно на каком-то поле бежали к друг другу.

... Автобус догнали у самой части. Вернее, он уже стоял на остановке, а высыпавшие из него солдаты смачно покуривали в стороне.

Лейтенант Коростылев, увидев вышедшего из машины Фреда, чуть ли не обнял его:

- А я и не знал, что делать! Ну, молодчина! Успели... значит.

От полка до дивизиона нужно было топтать обычные пять километров.

- Ничего, довезем! - расщедрился Роман.

- Сегодня у меня самый удачный день в жизни! - говорил в машине Фред.

«Чего это у него такой счастливый день?» - с любопытством подумал Роман и в зеркало посмотрел на Диану.

«Чего это он такой счастливый?» - с любопытством подумала Марина и посмотрела на Диану.

- Да, сегодня хороший день, - отвернулась в окошко Диана.

Бетонная дорога серой каменной полосой пролегла, казалось, по самой середине желтеющего леса. Машина шла легко, мягко, лишь изредка подрагивая на стыках бетонных плит.

Справа показались асфальтовая, уходящая от бетонки, дорога, высокие ворота. Подъезжать к ним не стали.

В салоне повисла неловкая молчаливая минута.

Фред попрощался, надвинул на глаза фуражку и напоследок повернулся к Диане:

- Подай, пожалуйста, скрипку.

Инструмент лежал под задним стеклом.

- Я помогу, - с неожиданным порывом произнесла Диана, достала скрипку, вышла из машины.

- Вот, - она обеими руками, как что-то заветное, подала ее Фреду.

Перехватывая ручку, он снова коснулся ее руки, и знакомый в секунду обалдевший барабан заколотил в груди:

- Спасибо.

- А журнал я верну, - они отошли к обочине. - Как только о. Александр прочитает, я... вышлю... Вот где, оказывается, ракетчики прячутся! - она улыбнулась и словно оправдалась. - А мне все это как-то по-другому представлялось... Подземелья... Убежища какие-нибудь... Темнота... А тут вон - пожалуйста, смотри сколько угодно.

Рассмеялись.

Секунду молчали.

- Диана, такое дело... Купи в твоей церкви Библию. Я сегодня сам не смог, - он полез в карман за деньгами.

- Что ж ты сразу не сказал... Я б тебе свою дала, - и вдруг словно нашлась. - Могли бы и у о. Александра взять. Если б ты хоть одну минуту поговорил с о. Александром, ты бы принял Спа-

сителя... Ты бы полюбил, - она осеклась и через мгновение, словно собравшись духом, выронила:

- Попытаешься?

Он понял ее «попытаешься», улыбнулся.

- Главное сделать первый шаг! - воодушевилась она. - Потом все откроется само по себе... А Библию я пришлю... Ну пока, - качнув ладошкой, она пошла к машине.

- Диана, деньги! - опомнился Фред, но она уже села, помахала в окошко рукой, «Жигули» легко развернулись.

Фред увидел за стеклом покровительственную улыбку Романа, и как он выдал сигнал. Над лесом рванула долгая сирена.

Вместе с этим взревшим сигналом по душе ударила резкая тоска.

И чем дальше уносился автомобиль, чем больше кромсало сердце нахлынувшее чувство одиночества, тем больше ругал себя Фред, что не нанял машину, согласился ехать с этим Романом, который теперь увозит Диану.

Вся радость, которая настаивалась в душе целый день, казалось, разом вытекла, как из разбитой посуды.

Перед глазами замаячили ворота с колючей проволокой.

* * *

Дан раздраженно отшвырнул газету. Сколько раз говорил, злился на себя старик, что никогда больше не притронется к этой газете, которая только и умела, что задницу у правительства лизать да натравлять одну страну на другую.

Дан сбросил газету на пол, отфутболив зашуршавшие листы, прихватил на кухне табуретку и вышел из дома.

Во дворе у таза с гусиными перьями, на низком стульчике с подушкой, восседала его старуха Соня. Она быстрыми щипками срывала пух с перьев, а сама была далеко от этого пестрого вороха, от своих умелых рук: так неподвижно смотрели убежавшие вдаль ее глаза.

Но когда старик проходил мимо, она подняла седую, повязанную косынкой голову:

- Дедок, ты куда?

- На улице посижу.

- Иди-иди... И вечер хороший... - Соня кивнула в такт словам и снова ушла в свои мысли.

А вечер был действительно хорош: прозрачное осеннее небо легкой синей шалью раскинулось над уютными улицами местечка.

По давней, хотя уже отмирающей привычке местечковцы высыпали на улицу, сидели группками у ворот, вороша старые истории или выставляя на суд соседей свои мирские заботы, но о чем бы ни говорили, неизменно возвращались к Израилю: кто едет, не едет; будет ли новая война, и дай бог, чтоб с Израилем ничего плохого не случилось. Если случится что-нибудь с Израилем, значит уже некому будет защитить всех евреев, разбросанных по миру.

- Доброго вечера! - несколько голосов перелетело к старику через улочку.

- Здоровья вам! - приветливо кивнул Дан, пристроив табуретку у ворот.

Удобно сев, по привычке пригладил мягкую пышную бороду. Огляделся.

На улице сидеть было спокойно. Улетучились куда-то хмурые мысли, душа легко вздохнула. Когда ты среди людей, неприятное гаснет. К тому же почти каждый прохожий знал старика, почтительно приветствовал, а кто-то и останавливался на минуту спросить про жите-бытие, а то и поделиться сокровенным, высвободить душу от обид и тревог.

На старика невольно обращали внимание и незнакомые, задерживали взгляды на пышной бороде, спокойных сильных глазах.

Шагах в десяти Дан вдруг увидел молодую стройную женщину, незаметно полюбовался. Эх, если бы ему сейчас хотя бы лет шестьдесят было! Да, когда-то отрадой белого света были у него женщины, а теперь - просто белый свет. И теперь копошись потихоньку и люби, как бог, все живое и не живое. И никуда не деться, не сорвать со своей спины ни одного денька.

Но вдруг насторожилась мысль, словно дворняга на посторонний шорох, и с улыбкой вспомнил Дан, что сегодня истекал тот срок...

Старик невольно качнул бородой, по-детски удивляясь человеческой памяти: ну и штукавина! Как это, вроде ни с того, ни с сего (казалось, чего тут особенного - просто женщина пошла), а в голове сработала какая-то удочка, которую он и не закидывал, но которая уже торчала где-то в этих самых мозгах, ожидая своего мгновения. И вот хлоп - и клюнуло. Интересно все-таки придумана человеческая голова!

Добрая усмешка затеплилась в живых темных глазах: да, сегодня последний день из отпущенного ему срока...

- Так уж быть - дадим тебе эти пять лет! Живи на здоровье! А если понравится, через пять лет продлим еще! - вспомнилось Дану то давнее застолье, когда друзья-товарищи снизошли до его желания прожить еще пяток-другой лет... Что ж, водка в холодильнике есть, коньяк тоже есть, надо послать за друзьями.

Дан уже собрался было войти в калитку, но взгляд задержался на курчавом мальчонке лет десяти, прошедшем в двух шагах.

- Уважаемый! - с улыбкой позвал Дан.

«Уважаемый», сунув руки в карманы коротеньких брюк, вопросительно замер. Старик подозвал его, вложив пятерку на конфеты, поручил «ответственное» задание.

- Скажи, чтоб больше никому не говорили! - доверительно предупредил он «уважаемого» и, ухмыляясь, вошел в калитку.

Соня все еще возилась с перьями. «Пух - это белое золото в Израиле», - вспомнились ее слова. Золото, так золото - пусть себе добывает на здоровье.

Но, проходя мимо, нарочито серьезно и даже как будто с заботой, обронил:

- Хотя бы до отъезда успела...

- Дай тебе волю, ты и без штанов в свой Израиль побежишь, - хмуро ответила Соня, и тут же беспомощно опустились ее руки, замерли на коленях, словно в секунду опутала ее какая-то непосильная работа.

Дан пожалел о своей шутке, сдерживая раздражение (сколько можно хныкать!), поплелся к дому, на крыльце обернулся, но рассказывать о своей затее все же не стал.

Для начала проверил запасы спиртного, бутылку водки и коньяка водрузил на столе в своей комнате. В ожидании друзей сел у окна.

«Как посматривает на его затею Синий Волк?» - не без сомнений старик осторожно взглянул на небо и тут же убрал взгляд с окна.

Синий Волк смотрел на его проделки свысока и с усмешкой: хреновиной, мол, занимаешься, старая детина. Но что ему, этому волку? Он всемогущ и бессмертен. Что по сравнению с ним Дан и тысячи таких, как он. Миллионы и миллиарды человечков приходили в мир и уходили, но Синий Волк оставался. Он останется и после Дана и когда придут и уйдут еще миллионы миллиардов. Время поглощает все и всех.

Невольно вспомнилась первая семья: жена Дарья и двое маленьких детей - Диана и Яков... Якова он так и не увидел...

* * *

Старики чуяли: здесь что-то нечистое и наверняка этот прохода Дан выкидывает какой-нибудь очередной свой номер, головой понимали, а все же отчего-то переходили со степенного шага на быстрый: кто его знает... И спешили, гадали все трое, что там протараторил курчавый мальчишка, прибежавший не то от Дана, не то еще от какого-то «бородатого дедушки»:

-Срок настал. Попрощаться хочет...

В Израиль Дан мог уехать только через месяц, не раньше... Значит, не Израиль. Это старики отметили сразу. Что же тогда означало - «попрощаться».

Это слово подхлестывало, как плеть, ускоряло шаг. Но какой-нибудь вопрос прохожих: - Что-нибудь случилось? - вновь осаждал старых вояк и, прикинувшись: - Да нет. Просто в гости идем, - старики переходили с галопа на безмятежный ход. Что ни говори - когда по местечку идут вместе два старика, это заметно, но когда целых три (да еще торопливо), жди новостей.

На подходе к дановскому дому первое, что подметили все трое - ворота не раскрыты, криков со двора не слышно. Значит жив. Все остальное поправимо. Но опять же (кто его знает) входи-

ли в калитку настороженно, один за одним, впихнув вперед высокого дипломатичного Ефиля.

Во дворе ни души, лишь Соня усердно, как показалось, мела асфальт. Старики вопросительно переглянулись, но приветливый голос дановской старухи подбодрил:

- Благословен приход ваш! - тепло кивнула она. - Проходите.

- Что делает этот старый черт? Жив - здоров? - сухощавый, невысокий Аким бодро, как ни в чем ни бывало «прощупал» обстановку.

- Да. Только целый день с газетами воюет, натравляют, говорят, русских на Израиль.

- Это - да! - понимающе кивнул Ефиль, похожий на свое имя - высокий и острый.

- Так, значит, у вас все остальное нормально? - снова бодро спросил Аким.

Соня кивнула, но, что-то заподозрив, вопросительно взглянула.

Старики объяснили ситуацию.

- Дома он, - сдерживая смех, Соня крикнула в окно: - Дед!
Молчание.

Переглянувшись, двинули к крыльцу. В дверях комнаты замерли. Телевизор всюду болтал, на столе, под лучами закатного солнца, сверкала бутылка водки и коньяка, под столом валялась скомканная газета.

Сам старик лежал на спине, ступни с туфлями свесились с дивана к полу и казалось, ноги вот-вот сползут на коврик. Глаза закрыты.

Снова переглянулись.

- Дед! - напряженной и осторожной рукой Соня тронула плечо старика.

Дан причмокнул спрятанными в бороде губами, но просыпаться, видно, не думал.

Потормошили смелее.

Тот, наконец, открыл чуть припухшие веки, увидев над собой четыре внимательных лица, рассмеялся.

- Чтоб тебе твой внук в бороду наделал! - чертыхнулся Ефиль.

- И в нос тоже! - попутно подбросил Яков, убрав звук телевизора.

Всем скопом набросились на старика:

- Кто ж так людей пугает!

- Черт старый!

- Дайте хоть объяснить! - воспротестовал старик и напомнил о «последнем дне отпущенного ему срока».

- Без фокусов как будто нельзя! - хмыкали старики, но Дан оправдался, бутылка водки и коньяка облегчили его участь, и уже скоро не было ни обвиняемых, ни обвиняющих.

Аким и Яков стали решать, где лучше всего устроить застолье: то ли во дворе, то ли здесь - в комнате. Спорили бы долго, если бы не вмешался Ефиль. Он поднялся во весь рост и, глядя на двух маленьких старичков, искренне выдохнул:

- Э-хэ-хэ! Там, где два еврея, там всегда четыре мнения! Все наши беды отсюда!

Сидели все-таки во дворе.

Подспели румяные горячие пирожки. Подняли первый тост, наполнили еще.

За стариками ухаживала Диана: то новое блюдо поднесет, то подновит стол, то заменит тарелку.

Постепенно собралась вся дановская семья - Елизар, Яков. Маленький Дан успел побывать на руках всех стариков с неизменным ему пожеланием наделать деду в усы, рот или еще куда-нибудь

Неожиданно в калитке показался пожилой мужчина с тросточкой в сухощавой руке. Удивленно, точно онемев, замер у ворот. Встретили его приветливыми возгласами, усадили за стол. Диана уже ставила перед ним тарелку, Аким наполнил рюмку.

Пришедший все еще удивленно качал головой: вот, мол, языки у местечковцев - ни за что, ни про что живого старика на тот свет отправили - распространили, что Дан при смерти.

Старики перевели все в шутку. Однако, оказалось, что местечковое «радио» сработало не хуже программы «Время», и во дворе Дана один за одним появлялись близкие, которые при виде живого здорового старика поначалу терялись, а потом уже, посмеиваясь, рассказывали, как слышали «новость о смерти Дана».

- Мы никому ничего не рассказывали!! - оправдывались трое стариков и сами искренне удивлялись.

С разрешения старших слово взял Елизар, поднялся над столом, голубоглазый, с мощным торсом. В грубой, большой руке орешком затерялась поднятая рюмка;

- Вы знаете, Израиль свою независимость провозгласил ночью. Чтоб никто из врагов не знал. Утром, когда уже нужно было объявить об этом людям, люди уже, оказывается, каким-то чудом узнали. Собрались у дома правительства и ждали. Никто им ничего не говорил, а они узнали. Как? Тайна. И когда услышали, что Израиль снова стал государством, обнимались и плакали от радости. Сегодня тоже так получилось: никто про отца ничего не говорил, а близкие собрались. Я хочу сказать, - Елизар переступил с ноги на ногу. - Дай бог чтоб для евреев все хорошие слухи сбывались, а плохие превращались в радостные застолья! И чтоб евреи, чтоб Израиль плакал только от радости!

Старики одобрительно закивали, потянулись своими бокалами к елизаровскому - в общий котел сдвинутых рук:

- Дай бог!

Дан с гордостью и с болью смотрел на своего старшего сына. Елизар.

Вместе с этой болью поселился в дановском сердце страх: а вдруг, узнав, что в нем - Елизаре нет ни одной капли еврейской крови, что он русский - вдруг изменится к Дану, к своей семье, уйдет, расстанется с ними?

Хотя старик пытался отогнать эти мысли, они жили в нем и подтачивали сердце.

... А застолье шло. Дзинькали вилки, двигались губы, наклонялись над тарелками рты.

Застольный говор крепчал, то затихал и вновь разгорался, если обсуждали волновавшую всех тему. Но в общем разговор был об одном и том же: притеснения евреев, будет ли голод зимой и, конечно же - Израиль.

Стали говорить о рэкрете, что бандиты обложили налогом всех состоятельных евреев и среди бела дня безнаказанно грабят людей.

- Да свои же и наводят! - бросил один из стариков.

- А кто же еще!

- Конечно! Кто знает, тот и наводит! - посыпались за столом осуждающие голоса. На мгновение за столом притихли, пыхнула чья-то зажженная спичка, промчался на улице автомобиль.

В этой ударившей на мгновение тишине возник рассудительный голос старика с тросточкой - Самсона. Обращался он к Елизару, изредка постукивая по асфальту устроенной в ногах бамбуковой палочкой

- Вот ты говоришь, сын мой, «евреи там», «дай бог евреям всем счастья», «все евреи...», то да се... Но вот скажи, а как быть с теми евреями, которые посылают рэкетиров на своих же, с теми, кто позорит народ, да хотя бы с теми, что желают зла тебе и твоему отцу. Ведь они тоже входят в еврейский народ?

Дан с дрогнувшим сердцем вопросительно взглянул на Самсона: куда это он клонит?

- Ну что скажешь, сын мой? - продолжал он. - Когда ты говоришь, дай бог всем евреям счастья, тем евреям, что приносят зло, значит ты тоже желаешь счастья? Или как?

Подобралась тишина.

- Этот для своих разговоров других мест не находит! - упало в тишину.

- Я знаю, куда его веревочка вьется! - пьяненько вставил Яков.

Аким тут же хмельно бросил рукой:

- Евреи - не евреи... Херня все это! Весь мир бардак, и все люди - бляди! Ты извини меня, Елизар, старого дурака! Так что лучше - наливай!

Елизар пожал плечами: дескать ничего страшного, но увилить от вопроса Самсона не стал:

- Когда я говорю - дай бог всем евреям счастья, я не думаю про хороших или плохих...

- Э-э! Что ты пристал к парню! Действительно, не может же он сказать: дай бог всем счастья, кроме нехороших... Ты где-нибудь слышал, старая твоя башка, чтоб так тост произносили: всем, кроме нехороших! - насмешливо вломил Самсону Яков.

- Самсон, брат мой, - вмещался Дан. - Если ты что-то хочешь сказать про национальности, то я тебе вот что отвечу: национальность - это не куча людей: я, ты, Хаим, Яков, сосед Якова, Абрам, еще кто-то. Даже все мы, вместе взятые, еще не означаем еврей-

ский народ, так же как Федя, Вася, Ваня и другие не означает - русский. Нация, мой дорогой Самсон, это что-то больше, чем я, ты и все мы, вместе взятые. Пусть трижды мы хорошие. Нация - это больше, чем люди! Понимаешь?

- Дай бог тебе здоровья! - кивнул Самсон, пристукнув по асфальту тростью

- Да и тебе, Самсон... И всем евреям! - Дан добродушно рассмеялся.

- Наливай! - Аким снова рубанул рукой по воздуху, и через минуту, кажется, уже никто не помнил о вопросе старика Самсона.

Катило шумное, насмешливо-грустное, безоглядное еврейское застолье.

«За шумным еврейским столом скорее наполняйте бокалы...». На глазах «цены взвинтились»... «Хаим, а почему евреи на вопрос отвечают вопросом. - А что?» «...у Арона, говорят, багаж в Израиль не дошел. Вместо вещей, в ящиках камни были...». «Слышали - Эфраим из Израиля сбежал!»

«... не понимаю таких людей - уехал, так сдохни там, но не возвращайся!» «...длина железнодорожной шпалы - деревянной - два метра семьдесят пять сантиметров...»

... Еврейское застолье...

Стемнело. Зажгли во дворе свет. Кто-то предложил послать за музыкантами, но самые старшие уже поднимались, громко и хмельно смеялись «проводам» Дана.

На прощанье Яков озорно дернул волосинку из бороды старика и выделил ему еще пять лет жизни:

- Только смотри, старый блядун, без фокусов! А то во вторые твои «провода» никто уже не поверит.

Но вдруг вспомнили старики, что не будет уже здесь этих пяти лет. Ни пяти, ни даже полугода: где-то, может, в аэропорту Бен-Гуриона уже стоял тот самолет, который однажды прибудет в Россию и уже навсегда унесет Дана из его местечка в Горске.

- Ничего! - вдруг бодро протянул Яков. - Если что, то мы тебя и в Палестине достанем!

- А куда вы денетесь! - ничего не оставалось Дану.

... В полночь его разбудила сладкая истома, тревожно растекшаяся по телу. Сон улетучился в одно мгновение. Свесив ноги

с дивана, старик взгляделся в сумрачную комнату: Соня безмятежно спала на своей кровати.

Дан босиком прошлепал к ней, сначала осторожно, потом требовательней потормошил оголенное матовое плечо:

- Двигайся.

- Старый черт! И на старости успокоиться не может! - проворчала она, кряхтя, подвигаясь к стенке.

- Ах ты моя бабуля - в предвкушении наслаждения пропел Дан, уже готов был нырнуть в постель, но взгляд как намагниченный метнулся в незашторенное окно.

Ночь. Густая, осенняя ночь, как бездомного щенка, придавила землю. Лишь в далекой темноте холодным блеском подергивались звезды. Старику вдруг показалось, что не звезды, а чьи-то шальные глаза всюду смеются над ним, над всей его жизнью, над всем, что совершал он и делает сейчас.

В мгновение ощутил он, что даже его это большое тело, его руки, его вся жизнь не принадлежала ему, а была чьей-то собственностью, отданной ему на короткое время. И вот теперь эта «хозяйка» глядела на него ледяными глазами и мерзко хохотала.

«Несмешные дела»... - потянулась долгая мысль. Он посмотрел на пухлую кровать, потом в окно и, точно кого-то одолев, в сердцах чертыхнулся:

- Подожди ты у меня, собачья дочь! На-а! - старик внутренне скрестил руки выставив вперед кулак, но тут же, словно повинившись за это, суеверно пробормотал: «Спаси меня бог!» - пару раз шаркнул босыми ступнями о маленький коврик и влез к своей старухе в теплоту...

...Горск поднимался из ночи, как из темени глубокого колодца. И хотя весь город покоился в глубоком сне, местечко уже просыпалось, точно служило городу будящим петухом: первые местечковцы, громяхая воротами, выгоняли автомашины на освещенные фонарями улицы, прогревали моторы.

В тишине далеко разносилось их одинокое урчанье; редкие, и, может, потому какие-то сиротливые сигналы, взрезающие загустевшую соню.

То там, то там попадались одинокие фигуры.

Евреи в Горксе начинали жить раньше других.

А когда над местечком далеко ввысь умчались звезды и почти слились с посветлевшими небесами, на улицы вернулся еврейский говор.

С лучами осеннего солнца в дома проникали новые заботы и тревоги, в чьих-то окнах оживал смех, в иных - таилась беда. Жизнь, как жизнь - местечко, как местечко. Такое же, как и тысячи других, разбросанных по земле: в привычном ожидании радостей и погромов, изо дня в день возносящее к небесам молитвы, непрестанные просьбы охранить от людской извечной злобы ни в чем не повинных детишек, воздающее благодарность Богу за хлеб насущный, за крышу над головой и за то, что пока нет погромов. За все, за все...

Непостижимо странно устроена вселенная - с холодной россыпью звезд, безысходным одиночеством земли, но и не менее странная вещь на земле - еврейское местечко - невольное - временное пристанище отовсюду гонимых людей.

А может быть, земля с местечком есть лицо этого мира, в котором жизнь людская, затерянная во вселенной, также унижена и заброшена, а если и не забыта, то лишь для тысячи вселенских нелепостей и законов, по которым в любую минуту может быть сожжена и уничтожена одна-единственная человечья обитель - Земля.

Тогда что странного, что на земле есть местечки, такие же беззащитные и заброшенные среди людского сонма, как и земля в космическом хаосе.

Что ж странного, если так ... устроен мир.

... А над Горском раскинулось вальяжное утро, коронованное большим желтым солнцем.

Самой главной новостью, которая уже успела оббежать местечковые дома, было вчерашние «проводы» Дана.

В тот же день к старику нагрянули давнишние, уже порядком поднадоевшие сваты - родственники Романа.

- Все равно отвоюем Диану! Не увезете вы ее в свой Ерушалаем! - грозили вроде бы с шуточками, но в каждой шутке бывает не только доля правды, бывает и еще много чего другого. Грозили и в то же время вроде бы посмеивались: - Местечковцам тоже нужны хорошие девушки! И без того взяли моду: уезжают в Изра-

иль, а за невестами возвращаются в Россию — в свое местечко. И увозят. Нет, Диану не отдадим.

* * *

В такие ошалелые моменты человек до вопроса: «Влюблен ли я что ли?» - не доходит. Особенно, когда «человеку» уже целых двадцать лет!» Просто марширует он на строевой подготовке - и Диана!

Плетется усталый после боевой учебной тревоги - и Диана!

Пьет воду - и Диана!

Ложится спать - накатывает сладкая истома - Диана!

Дневальный орет по утру «Подъем!» - и Диана!

Одно слово, одно имя и одна мысль: как же увидеть тебя, наивная, самая красивая, самая любимая христианочка, самая красивая еврейка - Диана.

... После вечерней проверки «старички», соблюдая конспирацию, по одному пробираются в ночи к старой казарме. Вообще конспирацию можно было и не соблюдать: дежурит отличный парень, любимчик «дедов» - лейтенант Тютюнкин. Но как раз поэтому, что он душа и не дай бог подвести его, конспирация - первейшее дело чести.

И вот «старички» все в сборе; окна старой казармы завешаны - заткнуты, под потолком на черном шнуре тускло светит засиженная мухами лампочка, и по алюминиевым кружкам азартно, вызывая блеск в глазах, булькает самогонка.

Разливает главный блядун и главный виночерпий - Стренадко:

- Держи, Фред... А это тебе, Пашуня... Хамшевич, как у вас это называется? .. А, арака. А это тебе, Коля Стренадко, - он плеснул и себе. - Ну, хлопчики, за дембель! И чтоб как только приедем, то сразу - баба! - сухощавая рука поднялась кверху.

С алюминиевым глухим стуком сошлись старые солдатские кружки.

Среди старичков не было Грызанова и Саши Клата.

На облезлом, канцелярском столе лежали ломтики черного хлеба, лук, нарезанный на братские дольки, одна общая тарелка с кашей, две «поочередные» вилки.

Фред и Паша сидят на скрипучих табуретках, Стренадко и Хамишевич пристроились на железных солдатских кроватях. Тусклый свет по - особенному высвечивает лица, глаза и даже, кажется, влияет на приглушенный голос Стренадки. Он держит в руках вторую бутылку самогонки и страдает:

- Последняя зараза... А че, Фред, може напару смотаемся в твое местечко, к твоим еврейчатам. Ты опять на скрипочке, а я на барабане смогу... опять на горилку заробим. Если че, то я и плесенку налажу, - и он, вскинув рукой, негромко проскрипел:

- Як хотела мени мать ай да за першого отдать... Ну че? Едемо?

Но Фред, утопив лицо в ладонях, казалось, не слушал Стренадку, а убежал мыслями куда-то далеко за эти обшарпанные деревянные стены.

- Тоскует, - Паша с доброй иронией подмигнул друзьям и мягко обнял Фреда за плечи.

Те уже улыбались. Знали старички, что шефский концерт в Горске оказался для их друга роковым, что он за «две минуты влип по самые уши».

- Хороший, видна, девачка! - защитил Фреда Хамишевич.

- Погоди, пацаны, - востепенулся Странедко. - От этого дело како лекарство треба? Треба - баба! Для стакана треба ложка, для барабана - палка. А для мужика от бабы - баба! Давайте хлопчики его Дивизионкой полечим! Она давно на него глаз положила!

Гоготали, забыл про конспирацию.

Стренадко, плутовато улыбаясь, почесывал кончик носа: был доволен.

- Наливай! - перестав смеяться, махнул рукой Фред и точно поклялся:

- Все равно что-нибудь придумаю! Все равно ее увижу! За удачу!

* * *

У капитана Дронова главными словами были - Россия, Интеллигенция, Честность, Порядочность. И еще фраза - «Русский офицер», «для русского офицера порядочность, честь и интелли-

По классу снова пошел смех. Смеялись свои - старички, Фред и сам, сдерживая улыбку, посмотрел на них: они, видно, поняли, что он думал о Диане.

- Чего гогочете? - упрекнул Фред. - У них, товарищ капитан, одно на уме...

- Ну делись - делись, слушаем мы тебя, - произнес Дронов.

От России повело к христианству.

- Что? Комбат достает?

Старички покосились на притихшего за передним столом Грызанова.

- Да нет. Просто у меня, наверное, такая полоса пошла - Христианская!

Старики снова расхохотались

- Теперь им и не докажешь. Я серьезно думал о христианстве, - оправдывался Фред, и вдруг хлестнула неожиданная мысль. Фред, не успев как следует обмозговать ее, выпалил:

- Товарищ капитан, а мы можем устроить встречу с христианами... в общем, священниками?

- Да пару монашек бы сюда пригласить! - мечтательно пропел Стренадко.

- Дак, изведешь ты этих монашек-то! - подбросил Паша.

Но класс уже грохотал. Посмеивался и Дронов.

Фред на мгновение сник: его предложение, кажется, навсегда было съедено этим смехом, как какая-нибудь птаха Змеем Горыновичем.

Но птаха, вроде, все же уцелела: Дронов в раздумье прошелся вдоль стола, внимательно посмотрел на Фреда:

- Ладно. Потом поговорим.

Дронов выхлопотал увольнительную Фреду, и через день, после занятий, Фред торопился в сельское отделение связи - говорить с Дианой.

Кирзовые сапоги как никогда были легкими - родимые и заводные - словно самоходки, сами несли его по серой бетонной дороге.

... В сельском отделении связи небольшой комнате, разделенной на две половины деревянной перегородкой, стояла музейная тишина. Кроме Фреда и одной сотрудницы ни единой души. В этой крошечной тишине редкий шелест переключаемых почта-

льоном бумаг казался громким, как шуршанье ветра по крыше и сердце было слышно, как через фонендоскоп.

Фред сидел возле кабины для переговоров, теребя в руках пилотку. Что он скажет Диане... Вспомнила ли она его хотя бы раз за эти несколько дней... А если к телефону подойдет мать или отец?... Ну и пусть подходят...

Фред поглядывает сквозь застекленную дверь кабины на изумерски молчащий телефон. Потревожить что ли связистку: пусть еще раз запросит город... Но неудобно...

Время ползет медленно, словно это какой-то слепец, прежде чем отдать очередную секунду, проверяет ее на ощупь. Каждую. На электронных часах медленно сменяется «минутная» цифра.

За окном видна часть улицы: две белоствольные березы перед низким деревянным домиком. В окна, словно пьяный в дверь, вваливается тяжелая тишина.

Но вот звонок. Фред вскидывает голову, заглядывает через перегородку, пристально расшифровывает что так - в глазах связистки.

- Иди говори, служивый! - кивает она на кабину для переговоров.

Фред снимает с черного безномерного диска, точно слепого аппарата трубку:

- Алло! - и пока в трубке слышны щелчки да треск, плотно закрывает дверь кабины. - Алло!

- Але? - вопросительный голос пожилой женщины доносится откуда-то с другого света.

«Мать», догадывается Фред и поинтеллигентнее доверяет трубке:

- Здравствуйте! Диану можно к телефону?...

- Диану? А кто ее спрашивает?

- Фред. Я недавно был у вас... - На другом «конце света» воцарилось тугое молчание, потом из него родился треск - щелчок: видно, отложили трубку.

«Пошли звать!» - пронеслось в голове. Значит, Диана дома и сейчас он услышит ее голос.

В трубке снова возник треск, но вместо девичьего голоса слух «подранил» мужской басок:

- Алло!

- Да-да...

- С кем я говорю?

- Извините, это не брат Дианы?

- Он самый - брат.

- Вас беспокоит ее знакомый. Я был у вас недавно... - и вдруг с улыбкой нашелся. - «Боец со скрипкой». Помните?

Томительная пауза, и с другого конца провода, хотя несколько и неохотно, снизошли:

- Сейчас...

Фред прижал трубку к щеке и снова томительное ожидание.

Но вот послышалось спокойное, как это могла Диана: - Алло!

- И потом, с некоторой виной, ответ Фреда.

После первых Фраз разговор потеплел, словно после какого-то необходимого узнавания. А потом через расстояние потекли друг к другу незримые волны близости: да, все здорово получилось в тот раз! Успели вовремя. И доехали незаметно. В общем, все получилось как нельзя лучше!

- Жаль только, что скрипку не удалось послушать, - искренне пожалела Диана.

- Скрипку? Это дело поправимое. Я приеду и специально возьму ее, буду играть только для Дианы. Хорошо?

- Спасибо...

- В общем, я приеду и сразу позвоню... Поговорим. Пойдем к твоему о. Александру.

- Хорошо.

- А что, если я возьму да возверну вас в лоно родного иудаизма! - неожиданно шутливо пригрозил он.

- Ого! - смеялись на другом конце провода.

- А что? Пару бесед и все дела.

- Посмотрим! - в тон ему напористо ответила Диана.

- И посмотрим! Будем воевать до последнего!

- Вот и отлично! Я думаю, господин иудей, из вас настоящий христианин получится.

Рассмеялись.

Прощались, как старые друзья.

Фред вышел из душевой кабины со вспотевшим лбом и - счастливый.

Столько благодарностей и комплиментов связистка, возможно, не получала за всю жизнь: они сыпались из благодарной Фредовской души, как ягоды-грибы из переполненного короба.

На улице Фред блаженно вдохнул: как может быть прекрасно даже такое хмурое свинцовое небо и великолепен осенний пасмурный день!

* * *

...Первый автобус до Горска как всегда был заполнен. Все места заняты, и пятеро солдат стояли в проходе, держась за поручни.

Фред сидел на третьем сидении у окна, пристроив в ногах футляр.

Соседка его - пожилая женщина в фиолетовой вязаной кофте - изредка поглядывала на него.

Накатанная каменистая дорога пошла через лес, а пасмурное небо, показалось, сгустило серые краски.

Фред смотрел на пронесившуюся густую стену деревьев, вспоминал недавний вечер, когда на машине Романа они догоняли этот же самый старенький, с полинялой голубой каской ПАЗик. Кажется, все было еще только вчера и одновременно сотню лет назад...

Только бы не пошел дождь. Фред с надеждой поглядывал на медленные тучи, словно прося их ускорить свое свинцово-тяжелое движение. Убрались бы они поскорей куда-нибудь за небо Горска.

Он поежился: утра становились все холоднее, а в мундире путешествовать - не курорт.

«Возьму да возверну вас в лоно родного иудаизма... Повеюем.» - вспомнился вчерашний разговор.

«Я думаю, господин Иудей, из вас настоящий христианин получится...» Иудей... «И помни, что рабом ты был...» Египет ... Странную и неповторимую роль сыграла эта страна в жизни израильтян: и много тысячелетий назад, и сейчас, когда она первая вышла на мир с Израилем. С древних времен Египет был для евреев и карающим мечом, и добрым очагом.

Отсюда впервые в мир пришло горькое, но счастливое - Исход. Выйдя из этой земли, разорвав рабский плен, евреи, как огонь на ладони, подали миру слово Свобода.

И много позже, когда изгнанные из родной Палестины израильтяне вновь оказались на этой земле, языческий мир навел на них наветы и были погромы.

Язычество испугалось привнесенного евреями единого Бога, что этот невидимый Властелин, который требовал Чистоты, свергнет их идолов, обвинило израильтян в безбожии. И вот уже евреи, которые жили по тем же законам Чистоты, обвинены в высокомерии, нелюдимости.

Людская нетерпимость и зависть, словно мутные воды, разносили по миру грязные наветы. Евреи подвергались насмешкам и преследованиям. Их можно было обвинить во всем, переложить на них все свои беды и грехи. Рождался образ Вечного Грешника, которым должен был стать целый народ.

Но, может быть, прошедшие века и тысячелетия проглотили бы эти наветы и забылась ненависть, если бы не Новый Завет. Все, казалось, было подготовлено, оставалось использовать бессмертную людскую ненависть и зависть, и вот уже образ народа - образ Вечного Грешника создан и переносится Новым Заветом из века в век, из тысячелетия в тысячелетие...

Старенький ПАЗик, пыхтя и поднатуживаясь, бежал по каменистой дороге.

... Много времени спустя воспоминания об этом дне вызывали и улыбку, и грусть. Казалось, весь он был соткан из множества неожиданностей: радостных, печальных, горьких и, наверное, счастливых.

Первая неожиданность уже поджидала на вокзале - Фреда встречала Диана. Она еще не видела его, наблюдала с перрона за подъезжавшим ПАЗиком - спокойная, в белой кофте поверх светлого в полоску платья.

Пока автобус подруливал к стоянке, пока смолкло урчанье мотора и открылись двери, непослушное сердце выделявало в груди африканские пляски.

Выходил из автобуса с непослушной улыбкой, которая так и хотела растянуть рот от уха до уха.

- Здравствуй, - ответила Диана на его приветствие. - Я вот подумала и решила встретиться.

- Спасибо. А я все мыкался: дозвонюсь - не дозвонюсь...

- Скрипку все-таки взял...

- взял.

- Ну что... пошли? - она легко повела рукой.

- Пошли! - и они рассмеялись какой-то общей мысли.

Шумная вокзальная площадь с маленьким обшарпанным зданием остались позади.

Прохожие невольно задерживали глаза на молодой паре: красивой еврейночке, шедшей с симпатичным солдатиком.

На остановке, поодаль от любопытных взглядов, смеясь, разрабатывали «план мероприятий» на предстоящий день.

- Надо к о. Александру, - без особой радости выдохнул Фред и с паузами расставил: - Вообще-то я не из-за него приехал... Не знаю даже, как это в голову пришло... Наверное, очень в Горск тянуло...

Взглянув на Диану, он понял, что она уже догадалась о следующей фразе, и он выговорил эти первые, трудные слова:

- Я ради тебя приехал, - но тут же, полушутя, растянул. - Кажется, мне придется переходить в христианство.

- Так ведь это хорошо! - Диана поторопилась уйти от первой фразы, но тут же словно споткнулась: получилось, что невольно ляпнула двусмысленность. Почувствовала, как горячая предательская краска заливает лицо. Но все обошлось: Фред сделал вид, что ничего не заметил, и скоро они уже весело болтали в городском автобусе.

И было снова, как в первую встречу: случайное прикосновение разжигает душу и заставляет биться сердце так, что, утихни автобус, оно будет греметь на весь Горск.

Перед Храмом, при виде креста на куполе, душу Фреда затопило знакомое неуютное чувство, словно сейчас он должен был войти в чужой дом.

Он взглянул на Диану. Лицо ее как-то изменилось, стало чуть торжественным и тихим, словно она сейчас стояла перед какой-то тайной и эта тайна открывалась ей.

Фред залюбовался ею.

Диана вытянула из кармана кофты аккуратно сложенную легкую косынку, привычными быстрыми движениями повязала ее. Взглянув на Фреда, мягко улыбнулась.

Двор монастыря, многолюдный и уже знакомый Фреду, не то из-за хмурого дня, серых стен церкви, однообразных, озабоченно-вытянутых лиц, не то еще от чего, казался отгороженным от всего мира. В этом куске пространства, стоило только войти в него, накатывало ощущение, что здесь, как в огромной серой посудине, настаивается, как зелье, тяжелое, мрачное бытие.

Диана поздоровалась с несколькими прихожанками, те откровенно обернулись ей вслед.

- Уже с солдатом пришла! - шушукнул старушечий голос.

Фред входил в церковь, словно в чужой дом. Если б не Диана...

Но вид лопухого киоскера и вспомнившийся «братский» с ним разговор, подвеселил и, кажется, придал чуточку куража. Киоскер сегодня был в черном костюме с широким, в горошек, дореволюционном галстуке. Продавал молодому парню тонкие и длинные, как спицы, белые свечи.

Диана быстро, словно украдкой от Фреда, перекрестилась.

К овальному своду церкви поднималась смешанная негромкая речь прихожан. Обратившись к амвону, то и дело крестясь, мужчины и женщины, молодые и старики усердно выговаривали молитвы.

Диана поискала глазами кого-нибудь из священников, но ни у амвона, ни рядом никого из них не было. Взглянув на Фреда, развела руками:

- Что-то никого не видно... Подождем?

Фред кивнул и склонился к ее уху:

- Я сейчас... - и степенно подошел к лотку с сувенирами:

- Добрый день. Не узнаете?

Киоскер ткнул быстрым взглядом:

- Набалдашник снимите! - хмуро кивнул он на фуражку Фреда и передернул: - Узнавать его надо... Законы «узнавать» надо, коли в храм вошел...

- Извиняюсь, - Фред стянул фуражку. - Как торговля?

К лотку подошли иностранцы. Осмотрев подсвеченную витрину, о чем-то переговорив, на ломаном русском попросили иконы.

Фред, сделав вид, что его заинтересовал значок, склонился над стеклом. Искося видел, как киоскер, еще секунду назад хмурый, как

извозчик в ненастье, приветливо засветился, раскладывая перед иностранцами свой церковный товар: - Пожалуйста-а...

Фред повернулся к Диане. Она стояла в профиль, что-то объясняя диакону Василию. Тот слушал подчеркнuto любезно, периодически кивая головой, жидкая бородка хилым клинышком ходила вверх-вниз.

Какое-то новое щемящее чувство хлестнуло душу. Захотелось поскорее увести Диану от этого слащавого попка.

Фред, помахивая скрипкой, несколько небрежно подошел к Диане, еле кивнул тощекородому попу.

- О. Александр во дворе, - пояснила она. - Пойдем?

- Конечно, - они вышли из церкви.

Пасмурный день после темных сводов храма показался ослепительно ярким.

Диана прошла в глубину двора и скоро вернулась со священником.

Станным и неправдоподобным было Фреду видеть еврея в этой черной поповской рясе с мощным крестом на груди.

Настоятель, видно, угадав его мысли, улыбнулся. Лицо, окаймленное пышной, словно пена, бородой, было приветливым, черные большие глаза смотрели с доброй отеческой усмешкой.

- Еврей - да в поповском обличье! Так? - низким теплым голосом улыбался о. Александр.

- Да, - невольно выдохнул Фред, с первых же секунд чувствуя невольное уважение к этому пышнобородому протоиерею.

- Служить еще много, сын мой?

- Да нет. Может, через месяц уже буду дома, а может, и раньше.

- Хорошо... - о. Александр единым взглядом объял все его существо, словно прочитал всю его душу. - Диана мне рассказывала о тебе... Главное, чтоб все искренне - от сердца исходило... За журнал спасибо. Прочитал. К сожалению, у меня сейчас ни единой минутки... Но буду ждать к двум. Прямо ко мне домой. И без стеснений. Прощаться значит не будем?

- Не будем.

Часть вторая

КНИГА

Свободу! Свободы! Свободу! - в сотнях сердцах, из тысяч ртов и в лабиринтах мозга.

«Свобода!» - Величайший старец земли выводит из плена ставшим рабским израильское племя. И, как никогда раньше, мир содрогнулся от этого слова - Свобода.

«Свободы! - рот заключенного в крови от еще свежей печени своего сокамерника.

«Свобода - это риск!» - мечется художник в непонятном предчувствии нового (пусть для него). Выйти за пределы возможного! И ради этого не бояться перечеркнуть сотворенное... А потом - хрена? Ну и хрен с ним с этим хреном! Свобода - это разорвать границы прежнего... Но свобода - разорвать границу прежнего, чтоб выстроить новые. Без этого все превращается во всеуничтожение.

«Свобода!»

«Свободы!»

«Свободу!» - Мир великовозрастных здоровых человек исходит в этих криках, как роженица в смертных родах. И лишь только Наумка не требует, не просит, не ищет и не ждет ее - Свободу. А значит...

В комнате лишь Диана и Фред. Одни. Мир пустынен. Лишь эти четыре стены, безмолвное окно, красивые руки, глаза, губы Дианы, диван, на котором она притихла, поджав под себя ноги. Фред только что закончил игру, руки со смычком и скрипкой стекают вдоль тела к полу.

Глаза в глаза.

Кажется, в эти секунды мысли только о музыке, но мелодия давно ушла, музыка была не для музыки - это пьянящее озеро, на легких волнах которого две лодчонки плывут навстречу друг другу. Они приближаются. Скрипка со смычком забыты - на по-

лу. Фред на коленях подле Дианы. Прикосновение губ к замершей руке.

- Я люблю тебя, Диана! Твои глаза, твои душистые волосы! Я хочу целовать твои губы!

Ее плечи, растерянно сопротивляясь, опустились на подушку, черная коса потекла к краю задравшегося платья, к упругой белой ноге. Первые затаенные прикосновения губ показались солоноватыми.

- По твоим щекам... слезы, Диана? Отчего они? - и тогда его долгие поцелуи вдруг сменяются отрывистыми и благодарными:

- Милая! Родная! Единственная!

Они испытывают чистое дыхание горячих любящих ртов..

...Скрипка на полу, и над ней два тела, как две чуткие струны.

- Ты меня любишь, Фред?

- Да. И я хочу твоей любви! Ты никуда не уедешь!

Ее губы в сладкой улыбке:

- Мы будем вместе. Всю жизнь. Всегда. И ничто не разлучит нас! Правда?

- Да. Я люблю тебя! Сладкая! Я хочу тебя!

Она с испугом удерживает его напряженную просящую руку, потекшую к ее лону:

- Не сейчас! Прошу тебя! не сейчас!

Его плечо обмякло на ее пульсирующей груди, и два сердца - как на ладони: - Я сберегу тебя...

Голова его соскользнула на подушку, ткнувшись в ее щеку.

Янтарные длинные пальцы Дианы втекли в его виски и были нежны и ласковы, словно тысячи лет знали эти виски, волосы, и тысячи лет были научены ласке.

От неожиданно пришедшего удивления на ее губах раскрылась улыбка.

- Странно.

- Говори, любимая!

Ласкающие пальцы Дианы сотворили из него щенка, у которого ласково почесывали за ухом.

- Как будто мои руки всю жизнь знали тебя. Как будто я давным-давно была научена этому. Вот даже стыдно стало...

- Глупенькая моя! Это, наверное, память рук, память сердца. Мы с тобою были всегда. И сегодня, и вчера, и миллионы лет назад. Помнишь, когда мы построили в Иерусалиме свой первый Храм, твои нежные пальцы также ласкали меня. Если и есть бессмертие, то, наверное, в этом - в нежности, любви, которые переходят от поколения к поколению.

О. Александр уже в который раз просматривает статью «Христианство после Освенцима». Мысли протоиерея тяжелы, как жернова. И действительно, если мысль против мысли, все сотрется в порошок. Нет ничего выше, красивее, сильнее и в то же время ужасней и страшней человеческой мысли... Вся жизнь отдана христианству, а вот теперь он может стать непонятым. Но, возможно, все иначе и, может быть, это подошел Час его жизни, который нужно принять как бесценный дар Судьбы, выбравшей именно его, казалось бы, незаметного в Церкви протоиерея. «Ты предтеча пойдя и объяви им». Что это было? Видение? Или глубокое погружение в молитву? А может явь? Отец Александр остановился напротив распятия меж окон. Явь? В любом случае это все равно было какой-то действительностью и он должен с этим выйти на проповедь. Должен объявить! Ради мира, ради того, чтобы вырвать из людских сердец злобу. Время настало. Время Великого Понимания, за которым должны прийти Мессия и Мир. И он, о. Александр, видел приметы этого Времени.

Тишина в комнате священника. Но, кажется, закрой на секунду глаза, вслушайся, и пойдет по миру скрежет работающих круглых камней, меж которых зажаты его дом, его книги, его тело, его иконы и кресты, и все это с хрустом, лязгом стирается в прах. Жернова...

Время перешло за два часа... Но где же эта милая еврейская парочка...

...А когда спохватилась Диана, платье измято, волосы потрепаны и, Господи! Они с Фредом опоздали на встречу! Да еще с кем - о. Александром!

- Фред, что ж теперь будет? - посреди комнаты замерла ее растерянная фигура, а из больших глаз, кажется, вот-вот хлынут ручьями слезы, и, как маленький ребенок, она разревется на весь мир.

- Все будет в порядке! - Фред бодряще сжимает ее округлые плечи.

И по городу несутся, торопятся две фигуры - качается в солдатской руке скрипка, прыгает, шлепает по бегущей девичьей спине тугая коса. Только бы о. Александр не ушел. Только бы дождался. А там - он все простит...

...«Жиды! Кругом жиды! - мечется из угла в угол в монастырском дворе диакон Василий. - Убить о. Александра! Уничтожить всех его жидовских последышей! Всех, всех жидов!

О. Александр посмотрел на электронные часы, стоявшие на письменном столе. 14.45... Но вот и они - в окне, за низким забором озирались по сторонам озадаченные лица Дианы и Фреда. Еще бы: опоздали почти на целый час. И никогда бы он, протопирей, никому другому не позволил бы такой роскоши. Но вот сегодня этой девчонке, которая была для него дорога, как дочь, и ее солдатику... Впрочем, если признаться, больше он ждал именно его - Фреда. Что-то, какое-то важное слово он должен был сказать этому молодому еврею...

...На брифинге к множеству микрофонов на столе потянулось холеное лицо:

- Евреи должны почувствовать ответственность за убийство Бога...

...Фред в упор смотрел на о. Александра:

- Какого бога я убил? Какого?!

В доме священника стало тихо, шевельнулась на краешке стула Диана. Глаза опустились к полу: что-то резко обходится Фред с дорогим ей человеком, не надо так, Фред. Ведь я же люблю тебя.

- Ну вот! Вам и нечего сказать! - выкладывает Фред, а в душе - коса о камень: ну и что, что перед ним протоиерей! Но лучше бы его не было и вовсе!

И вслух покати:

- Сколько же можно нести ответственность?! Две тысячи лет мы уже несем эту ответственность за надуманное богоубийство, но если б даже и ненадуманное, что, мало два тысячелетия?! Если мало, давайте дальше - убивайте! У меня есть семилетний братишка, вот его тоже в крематорий, в Освенцим! Ведь и он несет ответственность. В роддомах сейчас родились еврейские младенцы, а их вообще —на съедение псам. Ведь эти младенцы тоже «несут ответственность». Сжигайте! Насилуйте! Не то страшно, что христианство, а то, что всякие мерзкие писаки к этой «ответственности» толкают. А что значит эта ответственность? К стенке, значит! Перебить, мол, всех евреев!

Отец Александр сплел пальцы, и они сомкнулись в один плотный большой кулак. Казалось, он что-то хочет упрятать в нем, но ответил спокойно:

- Я знаю этого, не хочется язык марать об его имя, как ты говоришь писаку... Это нечисть. И злоба. Да к тому же такие служаки Церкви не нужны. А насчет ответственности... Церковь недавно объявила, что за убийство Христа евреи всеобщей ответственности не несут.

...Фред величественно, словно посол с важной вестью, ступает вдоль стонущих барачков Освенцима, раскрывает одну дверь, а из темноты на него с нар - десятки белых пятен бритых детских черепов.

- А ну выходи! - отеческим тоном приказывает он. - Выходи, Израиль, выходи! Новость важная есть! Вас всех посжегали, а вот евреи, оказывается, всеобщую ответственность не несут!

Тысячи бритоголовых матрасиков выстроились вдоль колючей проволоки Освенцима, Фред вскинул скрипку, одобряюще подмигнул и зазвучала его скрипка! Ох, какая это была вдохновенная игра! Фред играл Гимн! Еще бы! Ведь евреи всеобщую... А за спинами детей выстраивалась шеренга взрослых с перерезанными горлами, простреленными черепами, с изуродованными лицами и телами. И у всех на груди - шестиконечные звезды.

Желтые шестиконечные звезды.

- Становитесь, господа! Становитесь! - как освободитель был великодушен Фред. - Да потесней! Чтоб всем места хватило! А то вон сколько нас во время погромов... «ответственность» приняли! - Фред иронизировал и улыбался. - Поправь звезду! - скомандовал он кому-то отеческим тоном. - Веселей, братцы!

И вдруг ко взрослой шеренге бросился старик Дан. Восемнадцатилетняя женщина стала с краю. Черная тугая коса с лоскутом кожи свисала с ее обнаженного черепа. Старик спотыкался, падал и снова бежал к ней:

- Мама!

Вдруг он остановился, оглянулся на Диану. Она опустила голову.

Фред бросил скрипку, подвел к двум шеренгам о. Александра и диакона Василия.

- Вот, - показал на шеренги Фред. - Если Церковь признала, что евреи в убийстве не существовавшего Христа всеобщей ответственности не несут, значит из этих детей, стариков, женщин, этих парней нужно выбрать тех, кто «несет ответственность». Но как вы будете узнавать, кто из них виновен? То есть, кого вы будете убивать?... Может, просто по счету? Каждого пятого? Может, каждого третьего? А может, второго?

- Но ведь они уже убиты! - Диана впилась в китель Фреда обеими руками - Убиты!

О. Александр и диакон Василий рассматривали две замершие в ожидании шеренги...

«...Евреи всеобщей ответственности не несут»... повторил Фред, и в комнате протоиерея поежилась тишина.

- Ты очень горячий парень! - священник перевел взгляд в окно.

- Ладно, - согласился Фред. - Оставим «ответственность». Вам здесь все равно ответить нечего... Давайте о другом... ну хотя бы, как Иисус на праздник заглянул в Иерусалимский Храм... Можно? - он попросил лежавшую на столе Библию. Полистал. Взглянув на Диану, начал читать:

«Приближалась пасха иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим. И нашел, что в Храме продавали волов, овец и голубей и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул; И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли. При сем ученики Его вспомнили, что написано: ревность по дому твоем снедает Меня.» На это Иудеи сказали ему в ответ: каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?...»

Фред закрыл Библию, посмотрел на священника.

- Я слушаю тебя, сын мой, - густым голосом произнес он.

- Извините, если у меня резко выходит, - Фред неподдельно развел руками.

- Говори, говори, - кивнул о. Александр. - А твой друг Евангелие, видно, знает не хуже нашего, - улыбнулся он Диане.

- Так себе... Так вот, в какие хотите чудеса я поверю, но чтоб еврей пришел в Храм и там... как бы то сказать... пошел буйствовать, столы опрокидывать, людей гонять, за овцами бегать - вот этого никакой еврей себе не позволит. Психологическая неточность получается. Знаете почему? А потому, что Храм для еврея, - это прежде всего - ПРИСУТСТВИЕ БОГА. Вот что не учли евангелисты. Храм для еврея, да не только для еврея, - это прежде всего ПРИСУТСТВИЕ БОГА. А как можно в присутствии Бога людей бичами, как скотину, стегать?

- Но ведь это - Иисус - сын Бога! - встала Диана.

- А уж тем более, сыну Бога надо почеловечнее быть... Так что никогда еврей, если он нормальный, конечно, в храме такие вещи выкидывать не станет, - Фред в ожидании бросил взгляд на протоиерея.

Тот пригладил бороду и неспешно произнес:

- Но там ведь дальше написано: «...ревность по доме снedaет меня...»

- Ну если уж так «снedaет», то лучше всего не бичом, а пулеметик в храм, да и укокошить всех: и меновщиков, и продавцов, а овечек - на шашлычки. Тогда бы и другим неповадно было бы... Но где же слова его? И чудеса? Почему именно в храме пропало все его красноречие? Тем более, что не такими уж эти меновщики и торговцы оказались упрямыми. Иисус их - колошматить и бока кнутом разрисовывать, а они с вопросами да с рассуждениями: докажи, мол, сначала, что имеешь прав так дубасить нас, а потом - пожалуйста - сколько угодно. Мы тебе еще пару кнутов подкинем и свои дурацкие лбы без сомнения подставим, - Фред на секунду смолк и вдруг пристально посмотрел на протоиерея:

- А ведь евреи не тронули Иисуса и пальцем... А что если я сейчас зайду в вашу церковь и начну переворачивать ваши сувенирные лотки, где за Библию с человека три шкуры дерут?! Где один ваш торговец свечками похлеще всех менял Иерусалимского храма! О-о! Что они из меня сотворят!... В вашей церкви у меня «удостоверения» спрашивать не будут, тут же на части разорвут! Как пить дать - разорвут! А что? Нет?

Диана испуганно смотрела на протоиерея. Господи, в доме святого человека такое богохульство...

- Фред!... - недовольно вырвалось у нее.

- В твоём сердце сейчас поселилась ненависть, - о. Александр казался неподдельно озабоченным. - Освободись от нее, сын мой.

- А что? Разве я не прав? А что если я сейчас вот возьму и сделаю то, что Иисус делал.

- Но ты - не Он! - Диана опустила голову. - Я жалею, что пришла сюда...

- То есть меня привела? Так? Зато я не жалею. А чтоб доказать, я точно пойду в церковь и разгромлю тот ларек, где с меня за Библию хотели три шкуры содрать. Думаешь не пойду?! - Фред с нарочитым спокойствием взял скрипку, бросил «До свиданья» и через минуту разгоряченно шагнул от дома священника к церкви.

Оборачивались прохожие: куда несется этот странный солдат, глаза застыли, кажется, не дорогу видят, а что-то другое...

... В комнате о. Александра все притаилось, все замерло. Священник стал у окна, взгляд уперся в тяжелое свинцовое небо:

- Святой отец, как же теперь? А вдруг он и в правду... в церкви - то...- за спиной возник тревожный голос Дианы.

Нет ответа. Молчит душа. Молчит хмурое небо. Молчит весь, онемевший мир.

- Может, пойти за ним? - снова робкий голос девчушки. Я боюсь, святой отец, он ведь и вправду начнет все переворачивать!

- Фред - не Он... - расставил протоирей и вдруг содрогнулся от сказанного: значит... значит... Но тут же отшвырнул от себя неожиданно наскочившую мысль, вырвал ее из души.

- Не волнуйся, - он подошел к Диане, ласково погладил. - Но если хочешь, иди. Только ничего твой солдатик не перевернет, - и словно ушел в себя. - Ничего не должно произойти, не должно. Я сейчас тоже приду...

... Фред не замечал, как быстры его шаги. Мысль точно пульсировала по серой ленте асфальта.

«Хрена с два ты перевернешь что-нибудь в церкви!» «Переверну! Докажу!» «Ну посмотрим!»

На асфальте нищенка в лохмотьях, с грудным ребенком. Сидит, прибормывая какую-то молитву, и держит лодочкой грязную ладонь. В ней два - три медяка. Прошел мимо.

До церкви - метров четыреста. Она там - за поворотом. От быстрой ходьбы и разгоряченных мыслей взмок под фуражкой лоб. Остановился. Фуражка - под мышку. Шаги поспокойнее.

И вот, кажется, остыл: к чему эта горячка? Бог с ними... Мир все равно придет к тому, к чему должен прийти.

... И вот Фред уже постоянный житель «известного» дома. Старожил палаты №3. В полдень полосатые «пижамы» занимаются своими важными делами внутри прямоугольного садика, огороженного высоким забором.

Пришла важная комиссия. Наблюдают.

Фред стоит в позе мыслителя, взгляд из-под лба, руки напряженно скрещены на груди. Напротив, шагах в семи - тощая «пижама» упала на корточки, другая - лысая, с лохматыми бровями стоит над ней. Смотрят на Фреда. Неподалеку от них еще несколько «пижамок» опустили на корточки.

Эти тоже ждут - вскинули головы, смотрят на Фреда. И вот Фред вскинул руку, махнул и... поехало: внутри огороженного садика поднялось бляенье, лохматобровый стал кричать на все заведение, размахивая руками: - Подходите! Покупайте!

Фред решительно шагнул на него,

- Любопытно-о! - члены комиссии проявили профессиональную заинтересованность, - Поясните, пожалуйста.

«Пояснял» врач отделения:

- Вот видите того, который вскинул руку - тот у них самый главный, бывший солдат - скрипач, но теперь он Иисус Христос. Помните в Библии - Христос изгоняет в храме менял и гоняет барашков?

- Да! Да! Конечно! - никто из членов комиссии даже не улыбнулся.

- Так вот наши ребята они и есть. Этот, значит, Иисус Христос, тот, что на корточках - это «лавочка» менялы. А тот, что над ним торчит - сам меняла. А вон те видите - тоже на карачках - пять штук - это барашки.

А как «лавочку» подобрали! - восхитилась комиссия. - Спи-на-то худая, вроде доски. А тем временем события разворачивались полным ходом: Иисус Христос вдруг стянул штаны, скрутил в «бич» и в трусах, вскинув «бичом», стеганул по уху «лавочника-менялу!»

- Ревность меня снедает! - орал Иисус, и крик его уносился далеко за пределы «Храма».

- Во что превратили дом отца моего? - орал он на «лавочника».

...К церкви Фред подходил как бы обновленный, а у входа в храм подарил нищенкам по рублю.

«Вот и весь переворот», - внутренне усмехнулся он. Как ветром сдуло всю эту дурь. Но ведь тем и лучше. Доказал, не доказывая. А в душе кольнуло: «Ты - не Он!». Упрек Дианы. Глупо все вышло. Надо как-то увидеть ее... Я люблю тебя, Диана! Ох как я люблю тебя, моя христианочка!

...А «христианочка» торопится, спешит: солдат ее, не приведи господи, уже и ранен, истекая кровью, лежит где-нибудь, выброшенный на дорогу...

Оборачиваются прохожие - видно, что-то случилось, если девчонка летит, не разбирая дороги. Кого-то толкнула. - Извините, пожалуйста! - Ах, красотка, сломаешь крылышки!

Вот нищенка с ребенком, рука протянута и пустая. «Прости, гражданочка, некогда мне сейчас, но я обязательно подам тебе. И загадала: если все обойдется, подарит ей и ее ребенку по десятке... Спаси Фреда, господи! Уведи его руку от неправедных дел.

А за поворотом, увидев его, почувствовала, как тяжелы ноги. Присела бы где-нибудь, точно старуха какая или нищенка та. Но, слава богу, все обошлось. «Ничего не должно произойти. Ничего не перевернет твой Фред».

- Еще и улыбается! - она и не укоряла, просто слова одни, а значат другое: ты ведь так дорог мне!

Тепло слившихся ладоней.

- Я хочу целовать тебя! - приблизился он губами.

- Сумасшедший! Церковь... люди... кругом! - невольно отбросила плечи.

- У меня сегодня самый счастливый день!

- Ну и слава богу! А то...

- Боялась за меня?

- Боялась - не боялась... а кто тебя знает...

- Да нет, - рассмеялся он и уважительно ткнул себя в грудь.
Се - Человек!

- Человек ты - два уха!

- Ухи, как ухи! - и вдруг в глазах заселились чертики:

- Я тебе такие ухи покажу! Каждое ухо, как этот футляр!

Пошли! - он толкнул калитку.

- Фред...

- Ничего переворачивать не буду..

Войдя в церковь, не забыл снять фуражку.

Приглушенный свет стекал к овальному своду, и вместе с ним, казалось, поднимался к потолкам негромкий гул от молитв прихожан, на подсвечнике, как на праздничном торте, горели тонкие длинные свечи, золотом отсвечивали иконы на стенах.

Вид лотошника невольно вызвал улыбку. Фред заговорщицки взял Диану за руку, кивнул в сторону лотка: - Пошли...

Она повиновалась.

У лотка два - три человека нагнулись над прилавком, как над колодецем.

- Бог в помощь! - свойски улыбнулся Фред.

Лотошник пальнул пристальным взглядом: опять, мол, эта рожа. Но, не ответив, подал покупателям медный, на цепочке, крестик.

- Торговля ничего? - интонация Фреда была добродушной, но Диана, тут как тут, одернула его за мундир.

Лопоухий задумался, а потом, встав напротив Фреда, поманил пальцем:

- Легко живется, паря? - и в упор с угрозойдохнул. - Чего хочешь, дурашка?

- Ну-у, сразу и слова нехорошие...

Лотошник вдруг изменился в лице, достал откуда-то из-под прилавка небольшую черную брошюру и дружески протянул:

- На-ка, артиллерия, полистай. А понравится - запросто так отдам. Что-то ты мне по душе пришелся! - сунул книжицу Фреду и, попросив присмотреть за лотком, нырнул куда-то в глубину храма.

Диана и Фред переглянулись.

- Я тебя прошу, пойдём, - она заглянула в глаза.

- Попросил ведь человек... Ещё что-нибудь подумает...

...О. Александр вышел из дома минут через двадцать после Дианы.

Дорога к церкви. Хоженная - перехоженная. Прохожие почти все знакомые. Вот кланяются, Ему - еврею. Подумалось об этом неожиданно. И с каким-то чувством непривычного повторилось - еврею... то ли упрек себе, то ли боль какая... А ведь и вправду христианство стало незримой стеной между ним и его соплеменниками, хотя вообще он никогда и не отказывался от своего еврейства.

- Благослови вас бог! - поклонилась ему русская старушка.

Подумалось о Диане и Фреде, разумеется, ничего не могло произойти. Не верилось.

Мысль скользнула к диакону Василию. Сейчас протоирей поймал себя на том, что в последнее время чаще, чем нужно, думает о нем. Скользкий тип. Настораживает и его показная подобострастность. Подобострастные люди - страшные люди. От них всегда жди ножа в спину. Подобострастный человек - существо ненависти... Да бог с ним. Не приближать к себе таких - и вся премудрость.

В темном углу церкви лотошник с жаром нашептывал на ухо диакону Василию:

- Жиды, мало того что своим видом церковь Христа поганят, еще и штучки там разные себе позволяют. Эта «фуражка» со скрипкой у меня во-где сидит!

- А где они? - с деланным равнодушием спросил диакон, проводя ладошкой по жидкой бородачке.

- Там... возле меня.

- Хорошо, брат мой! - похвалил диакон. - Клопа не видел?

- Да с утра вроде во дворе ушивался.

- Найди его.

...Фред листает страницы брошюры, прочитывая некоторые строчки вслух: «Кратковременное пребывание тела Богоматери

в гробе, и переселение Ее душой и телом на небо... вместе с тем церковь учит... от тления и разрушения к вечному бессмертию...»

- Спокойно, парниша! - вдруг падает шепоток из-за спины, и локти перехвачены чьими-то цепкими клешнями. - Без суеты, армия! С улыбочкой! - два незнакомца волокут его к выходу, зажав с обеих сторон. И скалят зубы: - улыбка для ближнего.

- В чем дело?! - ошарашенно выговаривает Диана. - Что вам нужно? - забегает вперед и срывается в голос:

- Отпустите его!

В мгновение стихли молитвы и множество голов разом обернулось к выходу. В глазах любопытство, точно секунду назад и не было в их душах любимого Спасителя.

- Отпустите его сейчас же! - выкрикивает Диана, но на нее тут же шикают:

- П-пшла, шлюха желторотая!

Фреда уже вытолкнули во двор. Прихожане, дружно отвернувшись от иконостаса, заторопились следом: шаркают подошвами, подталкивают друг дружку, словно боятся не успеть - «жареным» запахло. Дверь от потока людей уже не закрывалась, а со двора, еще больше подстегивая нетерпение находившихся в храме, рвались крики:

- Он нашу церковь испоганить хотел!

- Антихрист!

- Дом Господень оскверняют!

Еще с минуту назад смиренные в молитвах лица, оказавшись за дверьми, на свету божьем, освирепели в секунду, словно свет слизал с них напяленные в церкви маски.

...Диакон Василий в опустевшей церкви с возбужденными глазами отмерял шаги от места, где только что стояли прихожане, до двери - куда они все вытекли за минуту.

- Двадцать шажков! - хихикнув, у выхода вскинул мудрым пальцем:

- От свечи до злобы - одно слово!

Он осторожно приоткрыл дверь.

...Толпа, стиснув Фреда в кольцо, тянулась к нему множеством кулаков, десятками скрюченных пальцев: достать, порвать, вырвать кусок кожи и мяса! Искраженные в крике лица:

- Бей антихриста!

Фреда завалили на землю. Прикрывая руками голову, он извивался под ударами ног.

Диана пыталась разорвать шевелящееся кольцо из озверевших людских тел, оттаскивала чьи-то плечи:

- Вы же люди! Вы же христиане!

Какая-то женщина в истерике металась перед стоявшими во дворе зеваками, зажав кулаки, умоляла:

- Остановите их! Ну вы же люди! На коленях прошу!

- Бей антихриста! - подзадоривал со стороны коренастый мужичонка.

Клоп.

Приладив к плечу скрипку Фреда, подбросил толпе: - Смерть сионистской сволочи! - и согнувшись, точно профессионал, выцарапал смычком рваные быстрые звуки.

Взглянув на Диану, которая била кулачками по разгоряченным спинам, завопил:

- Ведьма! Она тоже с этим антихристом! Дави ведьму!

Толпа вдруг заметила Диану, горящие глаза надвинулись на нее, чья-то женская рука схватилась за косу, подоспевшие цепкие руки рванули ворот платья. Оно разошлось до бедра, оголив ослепившее девичье тело.

Мужичок ошалело замер, потом, дико хохоча, словно впад в какой-то транс, кусал края скрипки и неожиданно, в исступлении, с размаху разнес ее об асфальт.

- Ну, Клоп! Ну дает! - из щелки дверей поглядывал диакон Василий, но вдруг, увидев вошедшего о. Александра, рванул из своего убежища к толпе:

- Братья! - вскинув рукой, завопил он. - Остановитесь!

- Остановитесь! - с ужаснувшимися глазами крикнул о. Александр.

Толпа, то ли по голосу, то ли по какой-то цепной реакции услышала, ощутила - настоятель церкви! Еще секунду назад го-

лодные, обезумевшие псы, они при виде священника рассыпались по сторонам поджимавшими хвосты шакалами.

Двор опустел. Лишь диакон Василий колдовал над избитым Фредом: осторожно ощупывал его руки, ребра. Помог подняться. Мундир на Фреде был изодран, висел клочьями, весь был извалян в пыли.

Отстранившись от диакона, Фред, пошатываясь, поплелся к Диане. Она плакала, ткнувшись лицом в плечо священника, прижимая к телу разодранное платье. Протоиерей стоял растерянный, беспомощный, как большой виноватый ребенок.

- Диана, - подошел Фред, - Диана! - он взял ее плечо.

Она вдруг разрыдалась, вырвав плечо. метнулась к калитке, но, видно испугавшись выйти на улицу, плача опустилась на колени:

- За что?

О. Александр большим черным медведем приблизился к ней, поднял, прижал к широкой с крестом груди. Глаза священника заволкло от слез.

Возле крыльца валялась разбитая скрипка. Хромая, Фред подошел, поднял, безучастными глазами посмотрев на нее, выронил из рук.

Звякнули оборванные струны.

С опущенной головой стал возле священника и подрагивающей на его груди Дианы.

Диакон Василий и еще несколько прихожан со стороны смотрели на них. - Видал? - негромко бросил диакон стоявшему рядом лотошнику. - Жиды в одну кучу сгреблись!

- Сгреблись! - согласился тот.

- Куда ни глянешь - везде только их рожи.

- Они мне тоже - во где! - лотошник чиркнул по горлу толстым пальцем.

- Все места позанимали. Вот и в церкви хозяйничать хотят!

- Да! С каких это пор жиды христианами заделались?!

- Как видишь! Не-ет! Спасаться надо от них.

- Давно пора!

- А где Клоп? - тихо спросил диакон.

- А он - сразу... как только этот пришел, сразу ноги «сделал»...

- Он сегодня молодцом оказался... Клоп свое слово еще скажет!

Фред еще с минуту молча стоял возле Дианы и о. Александра.

- Диана, может, мне нужно что-то сделать...- нерешительно начал он.

- Уходи! - глухо, в грудь священнику расставила она. - Уходи!

Безжизненными плетью свесились руки Фреда, глаза ткнулись в землю. Хромая, он двинул к калитке.

Но на улице выла, уже приближалась к церкви милицейская сирена, напротив ворот смолкла.

Двое милиционеров втолкнули Фреда в патрульную машину.

В дороге, ужасаясь, он хватался за голову: до конца службы оставалось меньше месяца, почти - ничего, и вот так влипнуть. Что теперь будет?! Что же будет?... Дисбат?! Сердце рухнуло в какую-то пропасть. Крышка! Нет! Только не дисбат! Ох, какой идиот! Теперь-то Сыч возрадуется! И вспомнилась его угроза: «Посмотрим!»

* * *

...Комбат не стал докладывать начальству выше. «Я научу его Христа почитать!» - пообещал он дежурному по части, забрал Фреда из милиции и на следующее утро стоял с ним между двух водоемов. Одно озеро выше, другое - ниже. С год назад землю их них брали для насыпи под антенну. Тот холм уже обложили дерном, и он стоял, как огромный верблюжий горб с зачехленной на вершине антенной. Этаким горб с соском.

Образовавшиеся котлованы наполнили водой. Один котлован выше, другой - в метрах двадцати, ниже. Как чашечки весов, где одна под грузом опустилась, другая - поднялась.

- Переведешь воду из нижнего водоема в верхний... - приказал капитан.

Но произнес так, словно благодетельствовал.

- А ну-ка посчитай еще раз - сколько метров от озера 1!... Мы так и будем их называть: то, что выше - озеро №1..., а это, следовательно, озеро №2. Значит, наша задача провести такой канал, чтоб вода из нижнего озера побежала наверх. А теперь посчитаем, сколько метров от одного объекта до другого, — он сунул большие пальцы за ремень и, как бы между прочим, расставил:

- Из пункта А в пункт Б... В общем, Иври, пустяковая школьная задачка. А если не хочешь задачку, то можно эту бумажку использовать, - он достал из галифе копию протокола, составленного в милиции. - В лучшем случае, загремишь за хулиганство... А там ведь люди ученые и еще кое-что могут припасть... Как - никак деятельность-то свою ты в храме разворачивал. Не где-нибудь - в храме!

- Ничего я не разворачивал! - расставил Фред.

- Это уже никто не докажет... Но так или иначе у тебя есть выбор: или канал, или каталажка... Ну еще есть - дисбат. Дисциплинарный батальон, то бишь. А знаешь, что такое дисбат? Это, Иври, зона вдвойне. Оттуда обычно калеками выходят, но я тебе предоставляю право выбирать. Свобода, значит, твое излюбленное слова. Вот и выбирай! - и с какой-то злостью выдавил:

- Это - твой Суэцкий канал! Понял! Я там подышал, а ты здесь сдохнешь! - но тут же, вроде бы, подобрел. - Но у тебя все-таки шанс: перебежит вода в верхний котлован - твоя взяла... - и, не дожидаясь ответа, повернул к казарме.

И снова, торчавшие в окне солдатские головы смыло, как ракушки волной.

Сорок шагов насчитал Фред от нижнего водоема до верхнего. Двадцать метров. Если каждый день копать по метру, значит через двадцать дней... Но ведь вода хлынет с верхнего в нижний. И как бы он ни копал, какую бы хитрую траншею ни вырыл, вода будет течь только вниз — из верхнего в нижний. И никогда не

потечет вверх. Нет таких законов в природе! Сужаеши! Но если это невозможно сделать!..? Что же он тогда хочет падла «судная»?! Но все равно это не дисбат! Но может, лучше по-рвать! Там хоть ясно дали год отбарабанил вышел!.. В раба меня хочешь превратить? Хрена! Фред зло бросил вслед Сучу скрепленные руки.. и никаких дисбатов! Никаких торж! Двадцать метров это двадцать дней! Целых двадцать дней! Думай! Думай, иври, думай! На то ты и иври!.. Эх, если бы не этот блаженный протокол!.. А земля под ногами сплошной гравий!

Носок сапога подбил каменную почву, но ни следа, ни вмятины, лишь плоский камешек отлетел в сторону.

На площадке меж водоемами были разбросаны большие камни. Фред толкнул один. Этим камнем, да по его руке, подумал он о комбате.

Тяжелое небо, как подстрелянная птица, накололось на колючую проволоку высшего забора. Подумалось о Диане. Неужели.. разрыв? А неужели еще ожидать? Ему этот канал рыть, и пока он будет ковырять здесь землю, Диана улетит. В Иерусалим, или Ханфу, Тель-Авив, но все равно навсегда! навсегда! - В душе поселилась воющая дворняга.

За спиной слышалось шарканье сапог. Фред оглянулся: гусъком, дружок за дружкой плитки сдвинуты на носы, словно виноваты перед ним, топали плелись ребята его призыва. Впереди Паша, следом Хаминевич, Саша Клат, и замыкал эту унылую процессию Коля Страндакко.

Грызанов поглядывал в окно.

...Сучу в руку в грудь Фреда, а фрейтор вырвал сердце и длинным шпательным лезвием, закрыв от удовольствия глаза, стал слизывать с сердца кровь...

Ребята подошли к Фреду, стали кружком.

- Ну че он? Паша кивнул в сторону окна комбата.

- Судный канал мне придумал, Фред бросил глазами на озера.

- Чего? Страндакко недовольно раскрыль рот.

- Воду, говорит, нужно перевести из нижнего озера в верхнее.

Призадумались.

- Так она ж наоборот потэче! - изумился Стренадко и замотал головой. - Ой, який сука он! Ой який блядь!

- Может, помогать как? - здоровенный Хамишевич, и сам не зная, как бы это могло быть, беспомощно развел руками.

- Нет, Хамишевич! Никто мне теперь не помощник. Лом и лопата - мои брат и сестра! - откуда-то вынырнула фраза. - Пойду искать, - и он побрел к старой казарме.

Лома не было, но нашлась кирка и ржавая лопата.

Фред вернулся к котлованам. Осмотрелся.

Самым паскудным было пять окон казармы: четыре огромных - спального помещения, и одно, как кошечье окошко - офицерского кабинета, сычевский глаз. Все пять окон прицельно лупили по площадке, где Фреду предстояло колупать землю. Вид из этих окошек, конечно же, должен был умилять: два озерца, и на площадке меж ними - Фред, машущий киркой. Эти окна превращали площадку в лобное место: всякий мог полюбоваться на еврея, который одиноко и остервенело вгрызался в землю.

От таких мыслей хотелось вешаться: унижение предполагалось на славу! Большого и не придумаешь!

Фред пнул сапогом лопату.

...Двадцать метров, двадцать дней, насчитывал снова Фред. Но почему именно двадцать? Почему не десять, не тридцать дней? Ведь эта блядь не устанавливала никаких сроков.

Пять окон прощупывали каждую клетку его души. Глаза сманивало, тянуло в их сторону, словно кролика на гипнотизирующий взгляд удава.

Фред меж двух озер, спиной к окнам, но хоть боком, хоть раком - один хрен - он все равно, как на ладони.

«Начало» становилось самой настоящей казнью. Издевкой. Как ни крути - ни верти, а приступать к этому долбаному каналу придется. С какого тогда озера начинать? С верхнего?... Но тогда он постоянно будет в воде... Мысли вдруг заерничали, как шуты. Но копать все равно нужно... Если не с верхнего, значит, с нижнего. Не с середины же! А почему бы не с середины? Шут, встав в позу короля, выпятил грудь. А может, и ему самому при-

нять шутовскую роль?! Чем он сейчас не шут?! Ярость накатывала, как снежный ком.

Фред поплелся к нижнему котловану. Уровень воды в нем был ниже берега примерно на один метр. Если копать до уровня воды, значит надо вгрызаться в землю на этот самый метр. А почему именно до воды? Она ведь все равно не побежит вверх. Если копать ниже... Шуты заюродствовали, заерничали, насмешливо позванивая колокольчиками, тыкали в него пальцами. В душе он уже выл, катаясь по земле, отчаяние распирало мозг, и казалось, вот-вот разорвет его на части.

Бессмыслица! Все бессмыслица! И то, что он приступил к этой бессмысленной работе, и то, что думал, самое паскудное - думать, как выполнять эту бессмыслицу... Казнь.

Фред посмотрел на свои руки. С какой бы радостью он сейчас отрубил бы себе пальцы, руку, обе руки, но чтоб не знать этого унижения, чтоб не стоять под прицелом поедающих душу пяти окон, чтоб не делать, доводящую до безумия эту паскудную, бессмысленную работу... Но такую ли бессмысленную для той мрази - Сыча!

В ярости, выложив все отчаяние в удар, он с размаху ударил киркой по краю водоема. Острие, попав на камень, отрекошетило, кирка чудом не сорвалась с рук в водоем. Пять окон пристально изучали его профиль, нужно было погасить отчаяние! Нужно было просто работать.

Кирка с размаху рубанула по земле. Еще такой же удар. Третий. Четвертый. Комья развороченной земли, галька скатывались в котлован.

В первый метр уместились все существовавшие на земле злость и отчаяние. В землю Фред углубился сантиметров на восемьдесят, до уровня воды не дошел на штык-полтора.

Сидел в этом же окопчике, привалившись спиной к обнаженной прохладной земле. Руки горели от вздувшихся, как гнойные волдыри, мозолей.

Бросил ком в замершую у самых ног зеленую воду... Как все будет?...

Снова сдавила тоска. И никуда от нее не деться.

Над окопчиком неожиданно выросла фигура Сыча.

Молчание.

Фред почувствовал холодный взгляд капитана - сверху - вниз, на дно, на плененное окопчиком его тело.

- Перекур... или что? - сверху упал бесцветный голос.

- Все... - Фред смотрел перед собой на зеленую полосу воды.

- Что - все?

- На сегодня все...

- Когда говоришь со старшими по званию, надо вставать, Иври.

Фред нехотя поднялся, оставшись по пояс в яме. Глаза оказались на уровне сычевского ремня, Фред повернулся лицом к водоему.

- А почему не докопал до воды? Как же вода побежит? Вроде бы ты и не глупый, - спокойно рассуждал комбат. Умело. Спокойно. Он знал: чем спокойней, тем больше злости закачаешь в чужую душу, тем эффективнее затравочка.

Фред стиснул зубы.

- Такая работа не пойдет, нужно докопать до воды, - тон Сыча был не приказной. Со стороны даже мог показаться добрым наставлением. - Надо продолжить... Иври.

Фред сжал черенок лопаты. Глаза на мгновение затуманило, но он справился с собой: сцепив зубы, остановил накатывавшие слезы, лишь одна сорвалась на дно ямы. Глаза посветлели.

Фред продолжил работу. Штык под ногой упруго вошел в землю. Движения рук, тела размеренны. Только душа, как оплеванный колодец, как живая плоть, по которой раз за разом ползет нож.

Капитан закурил. Спичку прицельно сбросил в окопчик, она упала перед лопатой, вошедшей в землю. Фред, с трудом сдерживая себя, вывернул пласт земли, накрыв им спичку.

- А я недавно твои, так сказать, афоризмы вспоминал, - вкусно дымя сигаретой, почмокал Сыч. - Помнишь изреченьице одно - Велик только Иуда! И никто из тех... Да-а, ничего не скажешь - лихо!...

Фред с молчаливым упорством всаживал лопату в землю. Штык за штыком. Наклон - удар сапога по стыку - выброс, наклон - удар сапога - выброс. Лишь боковое зрение схватывало зеленое галифе, стекавшее в короткие хромовые сапоги.

Надсмотрщик над рабом, разве что плетки нет, но вместо плетки хлещут желчные фразы:

- Да, Иври, вон, оказывается, сколько ты зла наковырял... Но я понимаю тебя. Это тебя кирка с лопатой обработали. Да, земля, видать, не подарок, но я не злой человек, хочу помочь тебе. Выполнишь, скажем, мою просьбу, считай - у тебя все в порядке. Протокольчик тут же, при тебе порву, тем более, через недельку - другую - демобилизация пойдет... Так что есть возможность на дембель первым пойти. Как говорится, с почетом.

Фред глянул снизу вверх. Лицо комбата, по обыкновению, было спокойным. Точно он отдыхал на пляже.

- Так что, Иври, твоя судьба в твоих руках.

Фред ждал.

- А дело-то пустяк. Хотя и очень серьезное, - Сыч стрельнул окурком в пруд. - Я бы очень хотел, чтоб ты встал на путь истины... Хочется мне тебя христианином видеть.

Фред внутренне содрогнулся: вот чего задумала эта сука!...

- Ну, а что? - благодумствовал комбат. - Всякое бывает. Вон, даже самый первый апостол Павел и тот поначалу Христа преследовал. Но однако ж в христианство и перешел. У тебя тоже были ошибки, но ничего. Все может загладиться, только в церковь сходить да покаяться, грехи свои отмолить. Можно сходить в ту самую. Христианство примешь, кресту поклонись, а там — и увольнительная в кармане. Вместо протокольчика. Видишь, вместо дисбата я тебе твой родной дом предлагаю, небось и бабенка ждет? Кто ж тебе еще предложит такое.

Фред вонзил лопату в землю: христианство ему принять...

...Вспомнилась комната Дианы. «Жила одна еврейка Хана. И было у нее семеро сыновей...»

Фред поднял на капитана глаза. Врезать бы ему этой лопаткой промеж глаз за «дом родной»... Но то ли вставшая в памяти история о Хане, то ли еще что, как волной смыло злобу.

Фред облокотился о край ямы. Говорить, все время задирая голову, хрена тебе, скотина, но все же, глядя перед собой - на замшелую поверхность пруда, расставил:

- Разрешите, товарищ капитан, рассказать вам одну историю.

- Надо понимать - вместо ответа.

- Так точно.

- Ну смотри, парнишка...

- Смотрю, товарищ капитан... Во времена, когда царь Антиох завоевал Израиль, евреев заставляли поклоняться идолу. Но для еврея изменить своему богу - хуже смерти. Жила в то время одна простая еврейка - Хана. Было у нее семеро сыновей. Решил Антиох покорить их, чтоб сыновья идолу предались. Привели к царю старшего сына. Поклонись, говорит царь, образу, не подчинился старший сын: «Ибо сказано в писании, - говорит, - только господь Бог твой!» Убили его. Позвали второго. «Поклонись, иудей!» - требует Антиох. «Нет, - отвечает второй. - Не поклонюсь. Нет у меня других богов, кроме одного бога!» Убили второго.

- Круто, - перебил комбат, - ну и какой ты по счету из тех сыновей? Третий? Пятый? Седьмой? Седьмой, наверное, тоже отказался идолу поклоняться?

- Отказался.

- Но зато ты не откажешься. Понимаешь. Иври, народец сейчас не тот пошел, что во времена царей... Для нас ведь теперь своя душонка прежде всего. У человека к жизни любовь поднялась. Не то, что раньше - при царях твоих. Потому, что сам человек теперь и грошика ломаного не стоит. Парадокс получается: чем дешевле становится человек, тем жизнь свою дороже ценит... так что - ты не сын Ханы, да и Христос не идол. Но, как я понимаю, христианство тебя не привлекает...

- Не привлекает...

Ну ладно, Иври, - капитан с усилием сглотнул раздражение. - Убивать я тебя, конечно, не буду... Копай! - он носком сапога обсыпал край ямы. - Копай, сын Ханы, - с усмешкой шпильнул он и затопал своими короткими сапожками в казарму.

Пять окон нацелились на яму, Фред увидел себя торчавшим из нее по грудь.

Говорят, одиночество - это когда тебе не с кем поделиться, но можно и по-другому.

Одиночество - это когда в тебе присутствует весь мир, но нет в нем лишь самого тебя.

Фигура капитана стояла за углом казармы.

- Хрен я положил на все твои предложения, господин капитан! - сплюнул Фред.

... Откуда-то из-за казармы неожиданно возникли израильские «Фантомы» с шестиконечными звездами. Качнув над окопчиком крыльями, они умчались вдаль и снова, вернувшись и блеснув на солнце стремительными шестиконечками, словно поприветствовав Фреда, втекли в горизонт...

- Твой Суэцкий канал!» - вспомнились слова Сыча. А раз так, значит он - Фред должен был выстоять

Фред взялся за лопату.

Оставалось только выбросить разрыхленную землю.

Тонкие язычки воды, лизнув дно, зазмеились по окопчику. «До воды хотел, падла! Вот тебе и вода!»

Кирка и лопата сброшены в яму. Свесив ноги, Фред сидел на краю окопчика.

Осеннее гаснущее небо зависло серой тканью, словно вечер раскинул над дивизионом светомаскировку.

Вот и первый день на «канале». Ладони горели, словно он схватился за раскаленные прутья. На скрипке такими руками не сыграешь. С болью увиделась разбитая скрипка, словно на сером асфальте изуродованная девчонка. Могли изуродовать и девчонку... Диана.

Если бы не о. Александр, толпа раздавила бы ее. Диана. Теперь они, наверное, уже никогда не увидятся. Во всем виноват сам. Но виновен ли?

...На подоконнике, на тонкой картонке, будто на какой-то крохотной сцене, стоят несколько пластилиновых фигурок. Размером с мизинец каждая. В ней еще десяток желтого, коричневого, черного цветов - персонажи Нового Завета. Диана взяла одну поменьше - Иисус со вскинутыми к небесам руками. Стала медленно снимать. Фигурка переламывалась. Диана, вдруг испугавшись, выправила ее, перекрестилась: Господи, прости меня грешную. Господи, прости меня! Ты есть! Ты есть и будешь, Господи! И никому не убить веру в тебя!

Смотрела убегающими глазами в окно: серое небо за стеклами, какое-то отчужденное, словно не принадлежавшее ни земле, ни людям, замерло в своем непостижимом далеке. Взирает холодно и безразлично. А можно ли на весь этот озлобленный мир смотреть иначе? И смогла ли бы она сама сохранить любовь к человеку? Хватило ли бы ей милосердия не отвернуться от людей, хотя бы после случившегося в церкви? «Ведьма! Дави ведьму!» Искривленные в злобе рты, десятки безумно нацеленных глаз... Женские скрюченные пальцы, рванувшие на ней платье... И ее тело, подставленное под звериные взгляды. Об этом уже, наверное, говорит весь город.

И увиделось: шепчутся искривленные губы, усмеваются, жалят взгляды, тычутся пальцы - в автобусах, на улицах, домах - везде! Опозоренная! Как жить?

Диана бросилась на диван, плача, сползла на пол. «Я не хочу жить!» А в мыслях отец, мать, - только бы не разрыдаться! Только бы не услышали! Кусая губы в кровь, душила рвущийся из груди плач. Сплющенная щека слиплась с намокшим полом.

Но дверь неслышно отворилась, в створку глянули внимательные осторожные глаза, словно взгляд на цыпочках. Елизар.

- Что случилось, Диана? - Елизар уже был на коленях подле, отнимал от пола сопротивлявшиеся плечи. - Сестренка! - он прижал ее к груди нежно, словно дочь. Она услышала тепло, точно подставили раскрытую ладонь: отдай боль твою!

Диана обняла брата, и теперь уже не был страшен ни громкий плач, и никакие рыдания.

Елизар, все еще на коленях, нежно гладил подрагивающую на его груди голову:

- Кто ж тебя так обидел, сестренка? Скажи! Ты ведь мне все говорила!

- Звери! Они звери! - и стали беспорядочно падать слова, отрывки слов, подрубленные всхлипыванием. - Они хотели... убить меня! - она разрыдалась, но это уже была последняя сладкая волна плача - было жалко себя и хорошо. Хорошо, что есть такие сильные руки брата и он любит, и жалеет свою сестренку.

- Кто они? - замер Елизар.

- Там... в церкви...

- Ты можешь показать кто? - он оторвал ее от себя, стараясь заглянуть в припухшие мокрые глаза.

Она покачала головой.

Елизар уложил ее на диван, сел в изголовье:

- Ладно, сестренка, успокойся. Все выясним... ты одна была?

Молчание лицом в подушку.

- Так одна?

- Нет.

- А с кем?

После паузы она нерешительно выговорила:

- Он к нам домой приходил, - она уже успокоилась, но голос после плача звучал простуженно.

- Этот солдат что ли?

Молчаливый кивок на подушке.

- А он че? Не видел что ли?!

- Они били его. Свалили на землю и били... Ногами.

- Ладно, успокойся, сестренка. Разберемся! - задумавшись, проговорил. - Вы еще в рубашке родились. С толпой шутки плохи.

Дверь тихо приоткрылась, и в ней появилось встревоженное лицо матери.

Елизар, незаметно для Дианы, с низу бросил рукой и словно для нее же - подбодрил:

- Ничего страшного. Все нормально.

Дверь закрылась, упрятав долгий материнский вздох.

- Как говорится, все, что ни делается, все к лучшему, - он пощекотал кончиком косы по ее щеке. - Хоть туда ходить не будешь.

Она метнула быстрым взглядом, вырвав из рук брата косу, переметнулась за его спину в угол дивана.

- Извини, сестренка. Я - точно балда! Мне так и говорят: какая у тебя сестра красивая! А умница какая! Мол, не то что ты - охламон, и нарочито горестно вздохнул.

Диана, как виноватая лисичка, обняла брата со спины:

- Если б ты знал, как я горжусь тобой. Знаешь, когда мне тяжело, я как подумаю, что у меня есть такой брат, знаешь, как легко становится. Брат и еще...

- Скрипач небось?

- Нет.

- Христос, конечно...

- Да. Каждая душа должна быть защищена от всего злого в том мире. Иначе зло перельется в твою душу и ты будешь всю жизнь с этой, самой тяжелой ношей.

- Ага! - он поднялся, перекосившись в одну сторону, точно тащил тяжелый мешок, заковылял по комнате:

- Ох, не могу! Ох, тяжело! - и, не выдержав, плюхнулся на пол, картинно разбросав руки. Все, мол, издох.

Диана улыбнулась, но словно получив одобрение, расхрабрилась:

- Каждый человек что-то значит для другого. Вот ты что значишь для меня?

Елизар приподнялся на локти:

- Как что? Брат... значу...

- А что это значит - брат? Это значит - ты моя защита. Страж моей чести. А я для тебя, следовательно, значу —твоя честь. Это я только об одном. Ты ведь не только моя защита, но еще...

- Сабля! - он вскинул рукой

- Вот - вот! А родители - наша совесть. Это - дорога к любви. Иисус - тоже дорога. Это отдушина в мире зла... Когда я ви-

жу подлость, грязь, когда мне больно, я знаю - он первый, кто успокоит меня.

- А я?

- И ты тоже. Но только я ж не могу тебе все говорить... ну я, конечно, все говорю... но..

- ...«но» - это про бойца со скрипкой? - и, полушутя, подбросил. - А он что для тебя значит?

- Он? - от хлестнувшей неожиданно мысли Диана замерла: ведь Фред не принимает Христа.

- Ну ладно. - Елизар поднялся, потрусив ладони, полувопросом проговорил:

- Не знаю... Но ведь мы уезжаем. И не куда-нибудь - в другой город, а в чужую, то есть другую страну.

...Фред целовал ее губы, шею, «Мы останемся здесь. Нет, мы вместе вернемся в наш Израиль... «А что он значит для тебя?» «Он ведь хочет отобрать у меня самое святое - Христа...»

Взгляд Дианы потек к подоконнику, к лежавшей на нем картонке с пластилиновыми фигурками Христа. А ведь она, пусть неосознанно, чуть не сломала одну из них. Неужели и вправду это сомнения?!...Безумные глаза, руки... Треск разорванного платья... Марина, принесшая в церковь свою одежду...

- Ко мне кто-нибудь приходил? - она взглянула на брата.

- Да вроде бы никто. Кто-то должен был прийти?

- Да нет. Но, может быть, Маринка...

- Слышь, сестренка, а давай я звякну ей. Смотри, какой вечерок. Прошвырнитесь по местечку, развеешься... а?

Она пожала плечами.

- Один момент, - и каблуки его уже быстро затопали по лестнице.

... И вот уже красные «Жигули» несутся по Горску. Марина покровительственно похлопывает по плечу Ромы. Тот доволен, словно кот, который только что умял хозяйскую рыбку. Полный кайф.

-Когда поедешь в Израиль, вызов мне пришлешь? - Рома в зеркало взглянул на Диану.

- А разве у тебя нет? Мне казалось, весь Горск уже имеет.

- Нет, у нас тоже есть, целых три штуки. Из Иерусалима. Нацерета, Хайфы... но если ты пришлешь вызов...

- Эх, Данка, совсем загубила парня... - и мимоходом пома- хала в окошко заглядевшемуся на нее парню. - Привет, козел.

«Козел» не слышал своего имени, радостно проводил ее взглядом.

- Эх, полюбил бы меня кто-нибудь, как мой братец тебя! - Марина повернулась к подруге. - На край света готов махнуть. В христианство готов податься!

- Хоть сейчас! - выразил согласие Рома.

- Не то, что некоторые, - подбросила Маринка.

- А кто это «некоторые»? - он с любопытством взглянул на сестру.

- Да есть такие... Прицепился к моей подруженьке один туф... Из-за него чуть не убили ее... Нет, Диана, как хочешь, а он тебе - не пара.

- Кто - «он»? - небрежно спросил Рома.

- Да ты его знаешь. Солдата помнишь? Еще подвозили его...

- А, скрипачонок этот?

- Он самый.

- Диана, одно твое слово, и он больше не появится, - с лен- цой произнес Роман.

- Он, наверное, и так уже не придет, - Диана взглянула в ок- но.

- А давайте на природу! - вдохновился Рома.

- И то правда! Вечерок-то какой - красота! - Марина вдох- нула, как от букета роз.

... Жигуленок остановился на берегу реки.

... Свежий воздух, на багажнике две бутылки шампанского, конфеты, фрукты.

Бахнула пробка, вызволив из серебристого горла пенистого шумного джина. Джин зашипел в трех стаканах и, словно усми- ренный ими, превратился в золотое искрящееся вино.

Из машины струился сладкий, зовущий голос суперзвезды. На мелодию накатывал порывистый шелест реки. Еще один фон

к спокойному небу, красивой музыки, шампанскому, блеску глаз.

- За мое желание! - Марина с хитрецей посмотрела на Диану. - Идет?

- Идет! Но только за какое?

- Ну раз сказала «А», значит нужно сказать и «Б». За то, чтоб я в один прекрасный день гуляла на свадьбе моего брата и моей подруги! - она выпила, и ей тут же захотелось подышать над рекой.

- А вы потанцуйте пока! Вон какие песенки! - она кивнула на открытые дверцы машины, из которых по-прежнему струился голос суперзвезды, и пошла вдоль реки искать воздух посвежее.

Рома отпил игристого, стал перед Дианой: - Можно?

Она пожала плечами, но положила руки на его грудь. Топтались на пожелтевшей низкой траве.

- У тебя душистые волосы, - он удерживал руки на ее лопатках, притягивая к себе.

Она пыталась сохранить дистанцию, но расстояние до его лица с мгновениями таяло. Соприкоснулись коленями.

- Я люблю тебя! - хрипнул он, склонился к ее рту, но успел лишь коснуться кончиков губ - Диана отпрянула, вырвалась из его рук, забежала за машину.

Рома, провинившейся дворнягой, через минуту поплелся следом.

- Прости... но я не могу без тебя! - он сел у нее в ногах. - Я все равно тебя никому не отдам. Никому! - он приник губами к ее коленке. - Я же люблю тебя!

Она высвободилась из его рук, села в машину:

- Поехали, Рома. Уже поздно, - она хотела захлопнуть дверцу, но он удержал ее.

- Скажи, ты любишь его?

- Кого?

- Солдата этого.

- Я люблю только Христа, - она думала о Фреде и отвечала скорее ему, будто перед ней был он, а не Рома.

Рома вдруг сорвался с места, закружил вокруг машины:

- Диана любит только Христа! И я тоже люблю Христа! Диана любит... Маринка! Двигай сюда!

Та беспечной, вихляющей походкой подрулила к машине, принимая уже налитый стакан шампанского, с любопытством прошла по лицам Романа и Дианы. Та сидела в машине, покручивая свое шампанское на коленях. Рома, облокотившись о дверцу, светился лицом, как фонарь.

- Чем ты его так осчастливила? - хмыкнула Марина. - Смотри - светится, хоть сто рублей проси.

- Никого я не осчастливила, - мол, чего это ради, передернула она.

- Ну ничего! - подбодрил себя Рома. - Все еще впереди! А этот бокал я поднимаю за Иисуса Христа! За то, что мы любим только его! - и с намеком: - Только его и никого больше! Так, Диана?

- Ладно, поехали, - она вложила стакан в остолбеневшую руку Ромы. - За Него молятся, а не пьют! - и незлобно Марине. - Ну что, надышалась над рекой?

- С тобой надышишься!

Диана рассмеялась, с вызовом хлопнула дверцей.

Домой, так домой, ничего тут не попишешь - Рома на прощанье просигналил реке, и машина, словно телега, затряслась по каменистому берегу.

Выбрались на трассу. Мост. Первые дома городской окраины.

Рома вдруг затормозил, заглушил двигатель, секунду глядя перед собой, словно перед последним боем, сжал руль:

- Диана, я подам документы на выезд! Я брошу все!

Шедшие сзади автомашины длинными сигналами облаяли ставший на дороге «Жигуленок». Но машина стояла, точно прикипела шинами к асфальту, поток автомобилей стал огибать ее, точно река ставший на пути валун.

Рома не видел ни их, ни выразительных жестов водителей и не слышал отчаянно злых сигналов. Он по-прежнему сжимал черную баранку руля:

- Я брошу все! Я поеду с тобой! Только скажи - «да»!

- Ох и подруга у меня! - завелась было Марина, но Рома тут же оборвал ее: - Подожди!

- Нужны вы мне оба! - отвернулась к окну.

- Можешь не отвечать... сейчас. Завтра я приду с родителями.

- Я тебе уже отвечала...

Рома врубил двигатель и на скорости бросил машину в уличный поток.

Автомобиль летел, обгоняя на большой скорости, одну за одной машины.

- Все равно мои родители придут снова! - процедил Рома. - Они будут ходить сколько понадобится! - и сильнее придавил педаль акселератора. - Все! Решил! Завтра подаю документы! - с куражом прихлопнул по рулю. - Израиль - так Израиль!

- Не гони! - Марина в страхе вжималась в кресло. - Что ты делаешь? Останови! Останови сейчас же!

- Держись, старуха! - Рома с истошным сигналом обошел метнувшийся вправо, видно испугавшийся, белый «Жигуленок». Резко сбросив скорость, поймал в зеркале глаза Дианы, она улыбалась, глядя на Марину.

- Фу-ух! - выдохнула та, когда машина пошла спасительно медленней, и облегчила душу длинным, классически закрученным матом.

Повернувшись к Диане, нарочито пригрозила пальцем.

- Больше в эту машину ни я, ни ты ни одной ногой! - и миролюбиво подкралась. - Ты на меня не в обиде, Дианка? Хоть проветрились немного.

- Спасибо тебе, Маринка! За все! - она попросила, чтоб ее подвезли к дому священника.

Жена о. Александра Надежда Ивановна, поливала во дворе розы. Увидев Диану, поставила кувшин на асфальтовую дорожку:

- Дюймовочка наша пожаловала! - Надежда Ивановна, обняв ее за плечи, повела к дому. У крыльца вздохнула:

- В последнее время молчит все больше. Словно камень на душе какой, - и развела руками. - Не знаю! Иди доченька. Иди. Как раз давеча про тебя спрашивал. Беспокоился. Диану, говорит, что-то в церкви не видел.

О. Александр в рабочей рясе работал за письменным столом, на столе, рядом со стопками книг, фосфорически светились электронные часы.

Диану не замечал.

Откинувшись на спинку кресла, прикрыл глаза. Нервно отброшенная ручка скатилась с белого, наполовину исписанного листа.

Диана посмотрела на львиную красивую голову и, казалось, не узнавала. От закрытых век растекалась по комнате неожиданная усталость. Что-то еще отдалось в душе с болью... Одиночество. Она вдруг почувствовала, что этот добрый, ласковый человек одинок. Но почему? И разве может быть одиноким тот, кто находится в такой близости с Богом? Эта мысль обдала холодом.

Львиная голова повернулась в ее сторону. Увидев Диану, священник потеплел глазами, улыбнулся. Выпрямился.

- Прости доченька! Вот измучила меня эта книга. Проходи. Садись, - он показал на черный, с поистершейся кожей диван. - Что-то ты совсем забросила старика.

- Я не забросила! - натянув на колени платье, кивнула на стопку исписанных листов. - Книга большая будет? - а в мыслях стелился один и тот же вопрос, тревожил и временами, казалось, вот-вот сорвется с губ: «... одиночество... бог...»

О. Александр говорил о книге, но вдруг смолк, с виною в голосе спросил:

- Ты в церковь ходить не будешь? - походило больше на просьбу.

Ей захотелось подойти к священнику, без умолку говорить теплые, добрые слова, отогреть его усталое, как виделось ей, сердце.

- Разве ж я смогу без церкви... Без Христа, - и призналась. - Только после того...

- Да, - коротко выдохнул священник. - Хотел я начать следствие, но меня отговорили, У твоего дружка-солдатика могли бы возникнуть неприятности. А парню-то служить-то всего ничего... Скрипку разбили, надо купить. Скрипка у него была ценная? - он вопросительно посмотрел на Диану.

Она пожала плечами.

Протоиерей задумался, скрестил на груди большие руки, накрыв ими массивный серебристый крест. Взглянул на Диану:

- А твой дружок - с головой! - и лукаво подался вперед. - Вот бы из него священника... а? Вот такой получился бы! - он вскинул большой палец. Помолчав, спросил:

- Не давал о себе знать?

Она покачала головой.

- Ну ничего. Все пройдет. Еще со смехом вспоминать будете. Помянешь мое слово. Сядете как-нибудь вечером, а у вас уже семь малышей...

- Не сядем...

- И почему?

- Он хотел отобрать у меня Бога.

- Девчонка ты еще несмышленная. Прости, пожалуйста. Бог - это прежде всего любовь. Он хотел отнять у тебя бога, а ты у него - любовь. Вот ведь как получается.

Она опустила глаза.

- Ну, молодец, что пришла! - протоиерей сложил в одну стопку исписанные листы. - Сейчас пойдем в церковь. Ты должна быть там. Потом можешь и не ходить. К слову, конечно, но после того происшествия тебе обязательно нужно там быть. Иначе ведь что получается: раз ты не приходишь, значит, автоматически, ты чувствуешь за собой вину. Или позор. А вот когда ты вот так, с гордо поднятой головой, такая красивая, сильная появишься среди всех, пусть все поймут - этот храм - твой, ты перед людьми и богом чистая, а если кто и опозорен, то та нечисть, которая в божьем доме подняла руку на ближнего.

О. Александр вдруг оборвал себя. «Храм для иудея - это прежде всего присутствие бога. И ни один еврей, если он нормальный, не позволит себе хамить в присутствии бога».

Священник попытался отмахнуться от этого, бодро подмигнул Диане:

- Позор не на нас, а на тех. Верно? - он легко вышел из-за стола.

Эта легкость передалась Диане, и она выпалила:

- А бывает так: ты с богом, но одинок? - и тут же сникла.

Настоятель, словно застигнутый врасплох, застыл возле открытого книжного шкафа, ладонь надолго замерла на книгах. Долгий, уносящийся в вечернее окно, усталый взгляд.

Не зная, что ответить, священник вернулся к столу, зачем-то стал перебирать книги, а потом, все бросив, подсел к Диане на диван:

- Доченька, почему ты спросила об этом?

Она повела плечами, чувствуя, как горит лицо, словно ее поймали на воровстве.

- Ты это о себе?

Она ответила жестом головы - нет.

- Ну хорошо, - священник говорил бодрым голосом, но глаза его потемнели, словно наплывшая в них грусть была черного цвета.

Уже готовый к выходу, он стал посредине комнаты, улыбнулся:

- А знаешь о чем я сегодня думал весь день?

- Скажите.

- О! о самом главном в моей жизни! Оказывается, у меня есть три самые главные вещи. Сказать?

- Да.

- Это Диана, Фред и Иерусалим.

Польщенная, она не посмела поднять глаз:

- Ну Иерусалим - конечно. А вот остальное - это вы преувеличиваете.

- Ни капельки, - они выходили из комнаты. - Боюсь, что моя милая спутница не совсем хорошо знает, ни что такое Диана, ни что такое Фред..

Про Иерусалим, конечно, я этого не скажу! - и снова невольно выдохнул: - Е-ру-ша-ла-ем!

В воротах Диана остановилась - нет косынки. Взяла у Надежды Ивановны.

Дорога к церкви.

Диана мельком взглянула на о. Александра. Рядом с ним - спокойно. На душе гордо и легко. Встречные с уважением кланяются священнику, и кажется Диане, что капелька от уважения к настоятелю перепадает и ей.

И все же, когда за домами открылся золоченный купол церкви, сердце стало тревожно постукивать; невольно тянуло к лицам прохожих, узнали ее или нет, с презрением смотрят или нет?

Двор церкви ей показался в чем-то непривычным и новым. Хотя все здесь было, как и раньше: открывались двери храма, проплывали умиротворенные лица, стоял говор.

Лишь в глубине двора, нарушив эту полутьшину, резанным поросенком взвизгнула электропила.

Прихожане, увидав протоиерея, раздались, почтенно кланялись. Косили глазами на Диану.

В церкви, как обычно, горели свечи, стоял приглушенный гул голосов.

О. Александр провел Диану к первому ряду. Минуту-другую она стояла в замешательстве: среди прихожан, казалось, были именно те, кто в тот день напал на нее, и все они сейчас были по ней пристальными взглядами. Диана поправила косынку. Как спасение, на алтаре стала фигура настоятеля - богатырски - добрая. С легкостью на душе Диана перекрестилась на иконостас. Прикрыла глаза, на сердце уютно. Уголки губ раздвинулись от исходящей из души улыбки: все, что еще недавно, казалось, было отнято у нее - и этот храм, сиянье икон, трепетное пламя тонких, как березки, свечек, кроткий лик Христа - все это возвращалось вновь.

Неожиданно для себя Диана обернулась: меж молящихся лиц впивался в нее жалящий взгляд, Диана вспомнила эти глаза...

Возвращалась домой с двойным чувством: лик Христа, а из-за него прицельный ненавидящий взгляд.

Вечерело. Первые улицы местечка. И совершенно иная, чем в городе, жизнь - свои законы, привычки, свои правды и кривды.

Далеко впереди возник пронзительный голос кларнета, заиграла гармонь, ударил барабан. Музыка приближалась, а вместе с ней замаячила цветастая толпа.

Свадьба.

Невесту вели в дом жениха.

Улица была запружена: десятки свечек горели в бережливых руках детишек, впереди жениха и невесты плясали несколько женщин. И во главе гомонящей возбужденной толпы дул во все щеки кларнетист, гармонист растягивал меха, стучал барабанщик по зажатому под мышками барабану.

Шествие, как забавный хвостик, замыкал счастливый Наумка, он тоже нес свою музыку: свисавший с плеча магнитофон выдавал на всю катушку неизменного «Казачка». И неизвестно, чья песня была громче - Наумкина или топавших впереди толпы музыкантов

Шествие проплыло, прокатило, протанцевало мимо Дианы. Платок Надежды Ивановны так и остался у нее. Диана произвольно вбирала его в кулачок, словно боялась, что косынка в ее руке выдаст, что она, еврейка, только сейчас была в церкви, крестилась и мслилась.

И вдруг чужой ощутила она себя возле этого праздничного шествия: безоглядная веселость, свечи в детских руках и даже задорная «Хава нагила», казалось, никогда и не принадлежали ей. Чужая! Она нервными пальцами теребила косынку. И на фоне ликующих возгласов навязчиво возникал кроткий лик Христа, из-за которого выглядывали тяжелые жалящие глаза.

Диана ускорила шаг - поскорее домой. Но музыка настигла и вместе с ней, как ветки по лицу, хлестало: «...с богом... и одиноким...» Она подумала о Роме. Если он готов принять ее веру, значит не такая она одинокая.

...Диана протягивает к нему руку, раскрывает ладонь. На ней, как раскинувшая крылышки серебряная пчелка, лежал кре-

стик, Рома обеими руками берет цепочку, надевает крестик на шею и уже никогда не снимает его...

Рома с матерью идут по местечку, по проезжей части улицы. Правила уличного движения в местечке были не из самых главных, как впрочем, и некоторые другие.

Рома за руку поздоровался с шедшим навстречу парнем.

- А че без машины? - мельком бросил тот.

- Что-то тормоза забарахлили. К мастеру отогнал...

...У самых ворот встретились с Дианой.

- Здравствуйте! - улыбнулась Лида.

- Здравствуйте!

- К вам можно?

- Заходите... - Диана прошла вперед.

- Спасибо, - Лида приостановилась в калитке, посмотрела на сына. - Что-то не в духе твоя голубка...

- Входи-входи, - кивнул Рома.

- Входи не входи, - проворчала она, но во дворе уже ласково и даже виновато улыбалась старику Дану и Соне:

- Уж слишком частой гостьей я у вас стала! - но и не дала себя в обиду. - Замучил всех он. И меня, и всю семью! - кивнула на Рому. - Ну иди, поворкуй со своей голубкой.

... С Дианой говорили об Израиле, отъезде, и снова Рома пообещал подать заявление на выезд. И (посмотрит она!) добудет билет на тот же самолет, что и ее семья.

Диана сидела на своем излюбленном месте, у окна, изредка поддерживая разговор какой-нибудь дежурной фразой.

В комнату вошел Елизар:

- Диана, тебя к телефону. - Этот солдат твой.

Рома вскинул голову, как насторожившийся воробей.

Неуютная пауза.

- Я поговорю с ним! Ладно? - поднялся он.

Диана отвела глаза в окно.

Рома спустился на первый этаж, поднял трубку:

- Алло!

- Алло! - ответили на другом конце.

- Это кто говорит?! - Рома старался быть строгим.

- Фред.

- Так вот что, парень, я даю тебе братский совет: забудь этот телефон! Понял?

- Кто со мной говорит? - глухо донеслось с трубки.

- Рома с тобой говорит! Ты все понял? или...

Но в трубке уже звучали короткие гудки.

Рома, довольный собой, по-солдатски стянул рубашку к спине, краем глаза выглянул из коридора во двор.

Мать и родители Дианы говорили за столом.

- Да, он парень, видать, неплохой, кивала Соня. - Но что ж поделаешь - уезжаем, ты бы на моем месте как поступила? Оставила бы дочку? Да ведь не куда-нибудь - в другую страну переезжаем!

Рома видел, как дипломатично вздохнула его мать, разгладила на коленях платье:

- Конечно, и я бы не оставила, что там говорить, но вот этот мой сын ненормальный, говорит - с ними уеду. С вами, значит. Любит он ее. Я же вижу.

Старики молчали, потупив головы.

Рома вернулся в комнату, сел на диване рядом с Елизаром:

- Думаю, он больше звонить не будет.

- Запретил? - сбоку глянул Елизар.

Рома проглотил эту насмешку, как витаминку:

- Фанатик этот скрипач, - подбросил он.

- Ну-ну, - вам, дескать, философам, виднее, - Елизар поднялся, в дверях обернулся, но, не проронив ни слова, мол, бог с вами, затопал по лестнице. Дверь осталась открытой.

«Фанатику» после этого звонка еще одна бессонная ночь была обеспечена. Только до ночи еще предстояло прожить вечер, а значит, снова на канале вгрызаться в землю.

С товарищами отношения оставались прежними: ели один хлеб, вместе сидели на занятиях, перед вечерней проверкой, как всегда, болтали в курилке, но только в личное время, когда можно было бы быть с друзьями, ему приходилось топать на канал.

...Фред крошил землю уже минут пятнадцать. С каждым ударом кирки, казалось, вгонял в себя очередную порцию злости... Диана... Рома. Как он мог оказаться в ее доме? «Забудь этот телефон!» Что случилось?

Злость откачала из груди весь кислород, мозг был забит какими-то призрачными движениями, туманно виделось; как сближались лица,плыли слащавые улыбки, возились сближавшиеся тела.

Он зло отбросил кирку, сел на дно траншеи.

Не замечал, как в кулаке крошился ком земли.

На шею упала холодная капля. Он поднял глаза. Серое тяжелое небо начинало истекать водами, словно кто-то наверху вскрыл вены с бесцветной кровью.

Дождь сеялся волнами, будто колосилось пшеничное поле. Фред сидел, не двигаясь, привалившись спиной к земле. Дно мира, в которое стекало небо и могло затопить. И хотелось, чтоб затопило.

Подкатило сладкое отчаяние.

... Он поднял со дна лопату, левую ладонь положил на край колодца, как на колоду для рубки мяса, надо было только собраться духом, суметь... и тогда вместе с пальцами будут отсечены все унижения, все пройдет. Лишь одно мгновение, и он будет свободен... Диана...

Не заметил, как над ямой встал комбат, укутанный в плащ-палатку, как идол в брезенте. Снаружи торчал лишь черный козырек фуражки, да из глубины поглядывали шарики-глаза. Сверху - вниз. Шарили по душе.

- Что, Иври, перекур? - поддел капитан.

- Отдыхаем.

- Да. Самое время. Особенно для размышлений. И место подходящее, уединенное. Как на исповеди в синагоге. Только о боге и думать.

- ?...

- Через недельку - другую демобилизация, а ты, Иври, в этой яме. Да, столько работы впереди... Ну ничего, денек - другой помокнешь здесь, да и сам попросишься, ох как потянет в

церковь-то! Крест будешь целовать, как соски молоденькой бабенки. За уши не оторвут! От счастья изомлеешь: вот, мол, какое избавление и радость принес мне крест божий!

Фред, с нахлынувшей злостью, выпрыгнул из ямы, став лицом к идолу в брезенте, процедил:

- Рабское племя!

Сыч держал его уже за ворот. Плащ идола распахнулся.

Неожиданно с боку ударил окрик: - Фред! - от казармы крупными прыжками, разбрызгивая лужи, неся к ним Паша Гришин.

- Фред, пошли! - прерывисто дыша, он оттаскивал его в сторону. - Фред... товарищ капитан...

Комбат, видно справившись с собой, разжал пальцы:

- Пошел, Иуда!

Фред дернулся из рук Паши, но тот обхватил его за плечи:

- Не надо. Фред! Я прошу тебя! Брат!...

Тот вывернулся, зло бросил другу в лицо:

- Ты тоже не лучше! Прикажут - побежишь на погромы! Ненавижу!

- Не ори! - сорвался Паша. По лицу, как слезы, стекал дождь. Стиснув зубы, он сжал кулаки, словно душил в них рвущийся наружу гнев.

Фред, словно отрезвев, сник.

Паша торопливым широким шагом двинул к казарме. В дымке дождя маячила почерневшая намокшая гимнастерка.

Сыч снова превратился в идола в брезенте. Постреливал из него глазками, как из амбразуры пулемета.

Фред, сначала нерешительно, но потом громче окликнул Пашу. Тот не обращал внимания, с опущенной головой быстро уходил к казарме.

- Паша! - Фред метнулся вдогонку, поскользнувшись, упал, обрызгав лицо грязью. Поднялся, обойдя друга, стал перед ним. Тот, не останавливаясь, хотел обойти его, но Фред снова стал на пути:

- Паша, прости! Ну виноват я! Ну сволочь! Ну, ударь меня! Ну! - и, словно затравдивая, ткнул в плечо. И еще посильнее: - Ну, ударь!

Гришин поднял глаза и вдруг ткнул его тоже. Фред ответил. Паша вlepил еще раз - посильнее. И снова, точно вызывая более сильный удар, Фред ответил. Паша - ткнул, и от его удара Фред чуть развернул плечи.

Вдруг они улыбнулись и, уже смеясь, по очереди тыкали друг в друга кулаками.

Глаза Фреда затуманило от слез, он обнял друга, давя плач, тяжело выговорил:

- Я же люблю тебя, Пашка! Понимаешь? Ты же брат мне... А?

Тот, видно, тоже с спазмом в горле, проклокотал:

- Все нормально, Фред! Ты только держись, браток!

И обнявшись, с промокшими гимнастерками, как бездомные дворняги, они запетляли к казарме.

- А че он опять? - спросил Паша.

- Да все то же...

- С ним похитрее надо. А ты попер! Тебе это нельзя! Протокол-то при нем!... Ты его умом должен... Он тебя силой, а ты - умом! - и по-доброму усмехнулся. - Вишь, я и то - больше еврей, чем ты...

Рассмеялись.

Комбат зло смотрел им вслед.

- Иуда! - сплюнул он упавшую на губы дождевку. - Я тебе устрою свободу! Я тебе устрою рабов! - капюшон сполз с его головы. Он зло нахлобучил его:

- Кровью будешь выхаркивать эту свободу! Иудина!

Он надолго засел в своем кабинете, никого не впускал и не подходил к телефону. Потом, окликнув дневального, приказал позвать «этого Иври».

Вошедшего Фреда, нарочито не замечал, откинувшись на стуле, смотрел куда-то мимо него - в дверь. Начал благодушно, словно, добрый, славный начальник:

- Проходи, Иври, чего в дверях стоять? Видишь, как я к тебе отношусь. Ты мне - «раб», да «племя», а я тебе все прощаю. Даже не знаю почему.

Фред смотрел в окно.

- Я тебя вот зачем позвал... У нас, наверное, новый библиотекарь будет. Тебе ведь сейчас не до книжек, - и лениво потребовал:

- Ключ от библиотеки...

Фред внутренне усмехнулся, полез было в карман, но помедлив, что-то решив в себе, нашелся:

- Но я должен сдать книги.

- Сдадут.

- Расписывался ведь я.

- Все это я предвидел, Иври, - капитан был доволен собой. - Признайся - «Сначала использую последнюю возможность, а потом отдам ему ключ», - так ведь подумал? А, Иври? Вроде бы в библиотеку, а сам в самоволочку. Угадал?

Фред замешался.

- Ладно, Иври, так как ты человек свободы, я даю тебе ее - свободу, бери! Можешь идти куда захочешь, хоть в сто самоволок, можешь делать, что на душу ляжет! Пей! Гуляй! Играй на своей скрипочке - свобода! Но канал все-таки за тобой! А ключ от библиотечки можешь держать при себе! - он подался над столом вперед, увидев растерянность Фреда, расхохотался ему в лицо:

- Свободен, Иври! - кажется впервые Фред слышал его смех.

Он повернул к двери.

Нервный смех комбата еще бил в спину.

Саша Клат и Гришин ждали Фреда возле оббитой железом оружейной комнаты. Вошли в библиотечку.

- Ух и собака он! - удивлялся Клат - безобидный длиннолицый немец. - Какая гадость этот Сыч! - исчерпал он запас ругательств.

- И никуда не пожалуешься! - вздохнул Паша.

- Да. У него протокол...

- И зачем ему это надо?! - вздохнул Паша.

- Ну ничего! - прибодрился Фред. - Как говорят евреи, как скажешь, так и будет. Все будет хорошо! Свобода, так свобода! Ну че? Может, используем свободу - то? Можно ведь за самогончиком сходить...

Наскребли денег.

... Дождь уже затихал. Тропинка, вытопанная еще с весны, мокро петляла в порыжелой осенней траве вдоль скошенного поля.

Стога, как столетние деды, понуро застыли под низким на-супленным небом.

В деревушку Фред и вправду топал без опаски, не боясь случайных встреч с офицерами. Но в обратный путь шел с оглядкой, радуясь, что набежали сумерки: свобода-свободой, а пять бутылок в вещмешке позвякивали. Впереди высокой стеной зачернел забор дивизиона, ребята, наверное, уже ждут - не дождутся. Фред прибавил шагу, но вдруг, с заколотившим сердцем, замер, от забора отделилась тонкая фигура, замаячила на встречу.

Фред метнулся на поле, спрятался за первым стогом сена.

Фигурой оказалась женщина. Но, услышав бормотанье, Фред в сердцах сплюнул: напугала его Дивизионка. Он вышел из укрытия, под сапогами захрустели, торчавшие из земли черенки пшеницы.

- Нашенский? - Дивизионка остановилась. Различив лицо Фреда, обрадовано шмыгнула носом:

- А, это ты музыкант! - она, как обычно, была под хмельком, со слипшимися мокрыми волосами, в допотопном мужском пиджаке.

За плечами Фреда в вещмешке брякнули бутылки.

- Выпивку волокешь?

- Арбузный сок.

- Побреши, побреши! - Небось, «горяченькая»! - Дай хлебнуть! Не за падло...

- Хлебнуть? - вглядывался он в ее припухшее лицо.

- Хлебнуть, музыкант.

- Хлебнуть, так хлебнуть! - какое-то любопытство засело в нем.

- Ах как ты подмогнул мне! - она в секунду осчастливилась, возбужденно затараторила про свою «долбанную» жизнь, потащила его на поле. У первого стога, выпотрошив его нутро, соорудила в нем пещерку:

- Влазь! Сейчас будет тепло!

И действительно, в лазу было уютно, дурманяще пахло свежим сеном.

Влезли целиком, лишь снаружи торчали четыре сапога - Дивизионка тоже ходила в кирзачах.

Сумерки сгустились, из их «логова», как из пещеры, виднелась черная стена забора да причудливо затаившиеся стога - «деды».

Фред достал бутылку.

- Тяни первый! - с нетерпением бросила она, ее лицо было близко и со рта шел запах спиртного.

Фред сорвал бумажную пробку, взболтал для чего-то, приложился к бутылке.

Самогонка оказалась крепкой, он дотянул до половины, отдышался.

Дивизионка перехватила бутылку, забулькала, заклокотала «горяченькая», переливаясь из бутылки в горло.

Фред жевал хлебную корку, блаженствуя от наплывавшего хмеля.

Дивизионка выдулавесь самогон, утерлась рукавом, сунула пустую бутылку в карман: - Пригодится.

- Судьба, говорю, - мычала она, пережевывая корку хлеба. - Ты все бегал от меня, бегал, а оно вон как вышло... Хочешь я тебя поцелую, музыкант?

- Да нет, я и так счастлив! - поспешил он поблагодарить.

- Я знаю... ты брезгуешь меня! Брезгуешь?

Он молчал. Где-то за этой ночи или в ней, и может, глядя на календарь, родители снова и снова считают оставшиеся до его приезда дни. Только не знают они ни о Сыче, ни о канале и ни о протоколе. Скажи им сейчас кто-нибудь, что их благовоспитан-

ный, интеллигентный сын на грани тюрьмы, а в эту минуту хлещет из горла самогонку, не поверят... Диана...

- Че потух, музыкант? - Дивизионка ткнула его плечом.

- Хреново! Вот что! - в темноте его голос звучал отчетливо и, вдруг, не зная сам почему, стал выплескивать ей свои беды-горести: комбат, Израиль, Суэцкий канал, и - Диана.

Он рванул пробку второй бутылки, зло запрокинул. Выцеживал, затаив дыхание.

- Ах ты, бедолага! - жалела Дивизионка и следом приложилась к самогону.

Выпив, долго нюхала рукав своего пиджака. Сунув бутылку в другой карман, повернулась к нему пьяны голосом:

- Слышь, музыкант, а красивая эта христианка?

- Красивая.

- Обалдеть! - припала к нему плечом. - Чтоб еврейка, да к попам!... - и хохотнула.

- Поп-то тоже еврей! - вконец огорошил ее Фред

- Врешь!

- Не вру.

- Ну и хрен с ними!... А ты меня сильно брезгуешь?

- Не брезгую...

- Ну тогда давай... - она потянулась к нему губами.

- В другой раз...- отстранился он и вылез из стога.

Дивизионка высунулась следом, как дворняга из будки:

- Слышь, музыкант, я тоже с тобой... С вашими хоть... погуляю, - и пошла рядом. - А ты этим-то хоть хорошо водишь... как его... дрючком? - она изобразила игру на скрипке.

- Смычком... - рассмеялся он.

- Вот я и говорю... дрючком...- она вцепилась в его рукав.

Он смеялся, волоча по земле мешок с громыхающими бутылками. Потом, бросив его, запрокинул глаза к ночному небу:

- Свобода!

Пилотка скатилась за спину.

- Свобода! - выгибаясь кричал он с брошенными вверх руками.
- Свобода!

Но вдруг, оборвав смех, опустошенно сник. Брел, вяло переставляя ноги.

- Может, пропустим горяченькой!? - заплетавшимся голосом Дивизионка дернула его за рукав.

- Мы уже свою долю выдули...

- Я знаю... ты меня брезгуешь... - посетовала она. - А знаешь, какая я была?! Ох, какая красивая!... А лучше бы и не была... тогда может меня батька мой не трахнул...

Фред остановился, с неожиданной болью вглядываясь в ночной силуэт своей неожиданной спутницы...

Пошли молча.

- Мне тогда двенадцать годков исполнилась. А батька пьяный был...

- И где ж этот, твой...

- Сидит... Вторая отсидка...

- А мать?

- Удавилась... А-а! - Дивизионка, отмахнувшись, припала к его плечу:

- А споем, музыкант?

- А че ты знаешь?

- Я много знаю! У меня голос! - И пьяно, словно ей сразу же не поверили, принялась убеждать. - Да, голос! А че? Если б не батька, я б уже по заграницам каталась! А кого хуже? - и затащила хрипловатым, но красивым еще голосом:

Ах ты, мамка моя золотая,

Ты ушла от меня навсегда!

Где ж искать тебя, я уж не знаю,

Жизнь пропала моя без тебя!

И сразу же спросила:

- Голос?

- Голос...

Они молча топали в ночи. Дивизионка еще раз пропела «... жизнь пропала моя без тебя» и вдруг остановилась:

- Слышь, музыкант, а знаешь, что я еще люблю?... Пианину такую... Здоровенная... сучка! До самого потолка! По телику видела! Но как душу мотает... так знаешь или нет?

- Орган?

- Ага. Как заиграет, сука, аж плакать хочется... Я люблю, когда плакать хочется.

Глядя на нее, он отчего-то вспомнил Наумку:

- Сплошные музыканты...

- Кто это?

- Есть один. В Горске, на магнитофоне все «Казачка» играет. Больной.

- Чокнутый что ли?

- С ума сошел. С войны еще. Вот и получается - одни музыканты: он музыкант, ты певица, и я, еще один шваркнувший, тоже - певец.

- Видать, для нашего брата музыка вместо всего, - вздохнула она и снова завела: - Ах ты, мамка моя золотая... - и неожиданно. - А ты на этой штуке играть сумеешь?

- На какой?

- Ну что в церквях...

- Может, и сумею...

...Органист смотрел в ночное небо. Тысячи звезд, как ноты одной непостижимо-горькой, красивой и, может, болезненной симфонии светились над миром, органист читал эти ноты, его пальцы колдовали над клавишами, которые истекали то медленной, то быстрой вселенской мелодией. Мелодия, как на ладони, вынесла двенадцатилетнюю девочку, метавшуюся под звериным телом отца...

... Рамы старых, проделанных в небе окон, походили на фашистскую свастику...

...По улице автоматчики с собаками вели длинную колонну из стариков, детей, женщин. На их спинах, старчески сгорбленных, сутулых от предчувствия беды, хрупких, как листок бумаги, были нашиты шестиконечные звезды. Звезды - большие, звезды поменьше, и - маленькие, как яблочки.

Шестьсот звезд...

Колонну вывели за город. Лаяли псы, орали автоматчики.

- Куда мы идем? - спрашивали дети.

И на чьих-то руках плакали младенцы.

Колонну остановили у огромного рва. Приказали всем раздеться. Молоденькая девушка цеплялась за свое платьице, раздался выстрел.

Обнаженные женщины стояли рядом со старыми отцами, прятали глаза. Возле холма свежей земли выросла гора платьев, рубашек, туфель, детских сандалий.

Шестьсот человек согнали в яму. Выстрелов почти не было. Но ров был засыпан.

Несколько дней шевелилась земля за Горском.

Девятилетнего Наумку успели спрятать местные жители, на третий день он решил найти мать. Наумка знал, что ее вместе с другими евреями фашисты увели за город. Он сбежал из своего убежища, вышел за город.

Шел он долго, но, может, это казалось ему - стояла холодная осень. Наумка шел бы, наверное, весь день, но вдруг слева от дороги увидел торчавшие из рыхлой земли какие-то руки, он повернул к ним, недалеко от торчавшей из земли ладони черной травой выростала и расплескалась по земле волна женских волос.

Наумка стал над ними. Что-то припоминая, наклонился и потянул на себя. Что-то там поддалось, показалась женская голова, и Наумка узнал обсыпанное землей лицо матери. Глаза ее были открыты, но Наумку не видели.

- Мама! - кричал Наумка, разгребая маленькими ладошками землю. Но тело матери уходило куда-то в глубину. Чья-то рука чернела на груди матери.

Наумка не помнил, как вгрызался окровавленными пальцами в землю: разгребал, бросал. пытаюсь вытянуть уже по грудь откопанное тело. Но мать не хотела ему помочь, он кричал, бился кулачками о землю - ведь он так долго искал ее, но, видно, застекленевшие глаза матери не узнавали его...

Наумку подобрали к вечеру. Он лежал в вырытой ямке, рядом с грудью матери и никого уже не узнавал...

... Орган стих...

...Наумка брел по ночной улице местечка. Вдруг остановился. Замер. Схватившись за голову, сжал ее, словно от чего-то хотел укрыться. Он видел, как детские руки тянули из земли черную волну волос. Наумка сжимал голову, но застывшие глаза матери не отпускали его.

Он надавил на черную клавишу магнитофона - песня не помогала. Наумка бросился в ночную улицу. «Казачок!» Но разгребали окровавленные ладошки нескончаемую землю, и мать не хотела подниматься.

Диана проснулась от быстро нараставшей мелодии. Привыкая к темноте, долго вглядывалась в потолок, в проступавшие секундами очертания шкафа, стола. Мелодия отчетливо влетала в открытую форточку и так же, как возникнув, стала затихать. «Наумка!»

Сна как и не было... В том рву, вместе с родными Наумки, покоилась и первая семья ее отца - жена и двое детей. Мальчик и девочка. Девочку звали Диана, мальчика - Яков. Как и сейчас: она - Диана, брат - Яков... Немцы потом хвалились, как пристрелили одну «жидовку», кормившую грудью ребенка... Отец, думая об отъезде в Израиль, укорял себя - не должен был он оставлять могилу жены и двоих детей.

...Израиль... Она повернулась на другой бок, с головой влезла под одеяло... надо заснуть... но вот вспомнился прошедший вечер, Рома с матерью, приходившие к ее родителям, наверное, в последний раз. Отец ее оставлять здесь не собирался, а то, что будет или не будет в Израиле (если Рома и приедет), одному Богу известно... Рома. А чем плохой парень? Но Фред опустился на колени подле. «Я люблю тебя, Диана!» Ее голова легла на подушке. Никто никогда не целовал ее губы. Но вот его сладкое дыхание слилось с ее. «По твоим щекам слезы?» И потом его долгие поцелуи вдруг сменились на быстрые и благодарные. «Единственная!» А потом - те страшные минуты в храме. «Уходи!»... Руки милиционеров втолкнули его в машину... Фред... ну почему так? Почему? Ведь я люблю тебя!

Она села на кровати, поджав ноги, ткнулась лицом в колени. Теперь, наверное, она с Фредом уже никогда не увидится... Если бы не тот звонок!

Почему она не подошла сама, а позволила подойти этому Роме? И почему он не позвонил еще раз?

По ночному окну ударили тяжелые капли, и скоро на дворе тоскливо зашелестел дождь.

Стало еще уютней, захотелось упрятаться под одеяло. Она бросила плечи на подушку и вдруг замерла. Телефонный звонок? Но кто - в такой поздний час? Может, Фред? Она сбросила одеяло, в ночной рубашке, босая, сбегала по лестнице. Только бы там не положили трубку!

В прихожей покоилась тишина, над телефоном висело зеркало с горевшими по бокам свечами-лампами.

- Алло! - она, казалось, выдохнула в трубку всю надежду, все ожидание.

Ответил какой-то хриплый, заплетающийся женский голос:

- Алле! - пауза, и слышно, как на том конце возникли голоса: хриплый женский переговаривался с далеким - мужским.

- Диану позовите, - голос действительно был пьяный.

- Кто говорит? - растерянно.

- Диану надо...

- Слушаю.

- А-а, так это ты, краля... - голос вдруг оборвался, видно, отняли трубку, и в ней возник мужской:

- Вас можно поздравить, девушка?!

Диана молчала, догадавшись, что это Фред.

- Алло! На свадьбу пригласите? А то можно бы и поиграть, если хорошо заплатите!

Она поняла - Фред пьян. Вдруг почувствовала свою вину, но тут же обрубил:

- Прежде, чем звонить в полночь, не мешало бы протрезвиться!

Но там уже передали или отняли трубку и снова возник пьяный женский голос:

- Слышь, попиха... - и тут же оборвался.

Диана положила трубку. По щекам скатились слезы.

...И все тысячи отречений и тысячи - нет. Никогда она не простит ему этого! С какой-то пьяной проституткой... Так унижить! Клялся в любви! Ложь!... Но ведь сама...

Диана бросилась на постель... Вот он лежит в обнимку с этой шлюхой, они смеются над ней и пьют свою поганую водку... Но что ожидать от человека, отрицающего Христа, но зато у нее есть люди, которые ради нее готовы на все: и веру ее принять, и поехать за ней хоть на край света... Рома... Преданность - важнее любви!...

... Рома взял ее за руки, приблизился, вот уже слышно его дыхание, но вдруг вместо его лица возникает лицо Фреда...

Диана мечется в постели...

...Фред с Двизионкой бредут после звонка к старой казарме.
Ночь.

... Сыч при свете ночника читает Новый Завет. Рядом, под одеялами - жена. Причмокивает губами и в полусне что-то бормочет. Недовольна - и во сне покоя нет.

Сыч посылает ее подальше - к своей теще, возвращается к Евангелию:

«... Рабы, повинуйтесь господам (своим) по плоти со страхом...»

Перед глазами возникает лицо Фреда: «Христианство выжило потому, что поддерживало господ». Капитан закрыл книгу, сел в постели, одеяло сползло с безволосой груди. Сидел, не двигаясь, привалившись плечом к ковру. Снова взял книжку. В ночной тишине сухо зашелестели хрупкие страницы:

«... Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя». ... Он посмотрел на спящую жену. Пшеничные волосы разметались по подушке. Красива даже во сне, сука! Пока он на службе, она с комполка трахается!

...Сыч поднес к ее лицу руку, два пальца рогаткой направил к закрытым векам. Стал давить короткими толстыми пальцами.

Два глазных яблока вырвались из хлюпнувших век, словно глазницы выплюнули мягкие шарики...

Комбат в сердцах сплюнул, бросил Новый Завет на тумбочку, выключил ночник, с какой-то злостью полез на жену...

...В наступившем утре низкорослый мужик со жвачкой во рту вынес из сарая остро отточенный топор, замахнулся на спящую собаку и отсек ей голову. Клоп. Довольный, проверил пальцем остроту окровавленного лезвия. Глаза довольно блеснули - остер топорик!

И хмыкнул, припомнив, как о. Александр прижимал к груди молоденькую плачущую еврейку.

... Отец Александр держал в руках Евангелие:

«... Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих Вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих Вас и гонящих Вас...» Он перекрестился на крест на стене, который оказался окровавленным топором...

* * *

О. Александр сел в служебную машину на заднее сиденье. Лежавшую на нем скрипку переложил за голову под стекло.

- Ну что, поехали? - молодой шофер в черном костюме свойски посмотрел на священника.

- С Богом, Кирюша! - перекрестился протоирей.

Машина скользила по утренним, еще не многолюдным улицам Горска. Городское шоссе вытекло в широкую трассу с высокими тополями по обеим сторонам. Кирюша несколько раз заглядывал в зеркало на священника, что-то видно, хотел сказать и не решался. И все-таки, почесав в затылке, выпалил:

- Святой отец, хотите анекдот? Про евреев... - и предупредил. - Без ругательств.

- Ну если без...

- Вот, значит, перестройка, ну и еврей решил открыть магазин. Чтоб в этом магазине было все, открыл, люди заходят, спрашивают - ну все есть. Тебе это надо - пожалуйста! Надо другое,

- пожалуйста. А рядом с евреем жил армянин, ну, думает, попрошу у него, что он не найдет. Думал. думал и придумал. Заходит в магазин и говорит: слышь, еврей, у тебя, говорят, все есть. - Все! Тогда дай мне три ничего!!! Еврей почесал в затылке и отвечает: пожалуйста, пошли. Заводит этого армяна в подвал, выключает свет и спрашивает: - Армян, что видишь? - Ничего! - Ну тогда бери сколько хочешь!

О. Александр рассмеялся густым басом...

Долго ехали через лес. Машину священника пропустили все КПП.

Сыч пригласил протоиерея в казарму, в свой кабинет. В ожидании Фреда говорили о нем.

- Признаться, - капитан откинулся на стуле. - Я думал, что вас пригласил он сам.

О. Александр поправил на столе черный скрипичный футляр:

- А разве он должен был пригласить?

- В идеальном варианте - да.

Протоиерей ждал разъяснений.

Комбат безразличным тоном разложил:

- После хулиганства в вашей церкви, я решил, что ему надо бы покаяться... да принять христианство.

- Ну и что же он?

- Упрям, как и все его соплеменники.

- Навязывать веру нельзя...

Сыч выдержал паузу, бросил взгляд в потолок:

- Насколько мне известно, христианство имело несколько другие приемы. Как говорит наш подопечный, которому вы привезли эту скрипочку. Сейчас он зайдет, и вы все это услышите. Обещаю вам это

- Я знаю о его взглядах. Христианства он не примет. Уверен.

- Примет.

В дверь постучали, в кабинет вошел Фред. Сразу, что увидел - скрипку, лежавшую на столе перед священником.

- Проходи, Иври, садись. Вот тебе скрипку привезли.

- Товарищ капитан, - протоиерей приостановился, поднял на него глаза. - Насколько я знаю, Иври - это еврей. Так что можете так называть и меня.

Сыч, пальнув в него глазами, проглотил что-то несъедобное.

- Да, я христианин, - в голос священника прокралась улыбка. - Мои родители тоже христиане, хотя и еврейского происхождения.

Капитан тупо уставился на крест настоятеля, покоившийся на мощной груди: что-то, видимо, никак не мог принять. Наконец, с какой-то приятцей в голосе выговорил:

- Потрясающая штукавина!... По разную сторону баррикад! - он попеременно посмотрел на сидевших друг против друга священника и Фреда.

- Не хотите ли сказать, что во главе баррикад - вы, - о. Александр указал на место комбата за «Т» - образным столом.

- Может быть... Но дело не в этом... Вот мой друг, - капитан смотрел мимо Фреда. - Я, если откровенно... батюшке говорил. Думал, грешным делом, ты наш договор принял. Даже обрадовался, но, оказывается, ошибся. Но, в любом случае, сейчас хорошая возможность... И священник здесь.

- Я вас попрошу повременить с вашим миссионерством. Мы обязательно обратимся к вашим услугам, как только это понадобится, - прервал его священник.

- Мне сегодня судьба преподнесла отменный сюрприз. Весьма приятный подарок! - блаженствовал Сыч снова, попеременно, глядя на Фреда и о. Александра.

- Я понимаю вашу «радость», - старался быть спокойным священник. - Но увы, всему рано или поздно конец... Вы не отпустили бы вашего солдата буквально на десять минут.

Сыч раскрыл лежавший перед ним журнал, неторопливо полистал, бросил:

- Пожалуйста.

- Спасибо, - в тон ему ответил протоиерей, взглянул на Фреда. - Ну что, проведешь меня до машины? - и по - доброму улыбнулся.

В дверях, на прощанье, обернулся на Сыча:

- Желаю спокойствия души...

Выйдя из казармы, о. Александр осмотрелся: на высокой насыпи, желтой от осенней травы, стояла станция разведки целей. Антенна, как огромная паутина, нависла над ней.

- Никогда бы не поверил, если бы мне сказали, что я когда-нибудь окажусь в таких местах... Да, жизнь меняется.

Священник раскрыл футляр:

- Скрипка, наверное, не такая, как была у тебя, но тоже... неплохая. Друга моего. Старый музыкант... Ну, а футляр - твой.

Фред бережливо достал скрипку, на дне остался журнал с белой обложкой и синим заголовком.

- За журнал спасибо...

Священник внимательно следил за движениями Фреда, тот пристроил скрипку на плече, на черном погоне, поднял смычок, прозвучал первый пробный звук, второй, третий, и через паузу из-под смычка полилась нежная мелодия: «Плач Израиля».

Но Фред неожиданно оборвал мелодию, решительно сложил смычок и скрипку в футляр:

- Я не смогу взять ее!

- Но почему?

- Эта скрипка выше классом...

- Возьми, пожалуйста, я тебя очень прошу! Ведь я так виноват перед тобой... и перед Дианой.

Фред взглянул.

о. Александр вложил футляр под мышки Фреду:

- А Диана тебя любит. Поверь старому протоиерею. Ты только не отступай. Я знаю, у нее накапливается чувство вины, ты потом поймешь это: перед кем и какое! Нужно просто оказаться выше, но не сдавайся. Вы нужны друг другу... Скрипку занеси, и, наверное, я пойду.

Фред медлил.

- Ну хорошо. Я сам отнесу, ты только скажи, куда положить, очень прошу. Понимаешь, сынок, мне не так уж много осталось. Если ты не возьмешь... мне потом... будет плохо. Священник казался беззащитным и одиноким.

- Спасибо вам! Это такой подарок! Отец обрадуется! Я сейчас, - Фред занес скрипку в казарму, и через минуту они шли к воротам.

... Черная «Волга» настоятеля стояла на обочине, недалеко от калитки.

О. Александр открыл заднюю дверцу, хотел было сесть, но обернулся:

- Диане что-нибудь передать?

Фред пожал плечами.

- Хорошо, все беру на себя! - протоиерей свойски улыбнулся, сел в машину и на прощанье выдохнул:

- Да поможет тебе Бог, милый!

Черная «Волга» развернулась, выехала на бетонное шоссе. Фред долго смотрел ей вслед, взглянул на часы: вместо десяти минут, проговорил почти час.

* * *

Перед обедом, в ожидании машины - пока привезут из полка термоса с едой, солдаты обычно собирались перед телевизором, располагались по призывам: старослужащие - на передних стульях, призывом младше - во втором ряду и позади всех выстраивали свои стулья «салаги».

Грызанов, Стренадко, Гришин, Хамишевич, Фред сидели впереди, в двух метрах от экрана.

Показывали интервью с известным режиссером.

Молоденькая корреспондент, робея, по бумажке задавала вопросы, режиссер, закинув ногу на ногу, раскованно жестикулировал.

Говорили о Достоевском. Режиссер выдавал умные фразы:

- Федор Михайлович однажды высказал одну крамольную вещь. До сих пор ее никто не решался выговорить. Сказать?

- Скажите! - сомлела корреспонденточка.

Мэтр сотворил многозначительную физиономию, выдержал паузу и отчаянно махнул рукой: мол, была - не была:

- Он сказал, кажется, так: «В русской душе уживается великая идея и великая подлость...» Такое мог...

Но режиссера перебил Грызанов, вскочивший после «великой подлости»:

- Сволочи! - чертыхнулся он, вырвав из розетки шнур.

Режиссера поглотил почерневший экран.

- А ну включи! - одернул его Гришин.

- Че? Не слышал, че он говорит? Про своих же русских?! - ощерился Грызанов.

- Включи! - кивнул Фред.

- Паш, да ты смотри - здесь же эти черножопые сидят! - Грызанов кивнул на солдат из средней Азии и Кавказа.

- Ты нации не трогай! - поднялся Фред и включил телевизор.

- Я здесь старший! - ефрейтор снова выдернул вилку.

- Включи! - Фред перехватил шнур.

Стояли глаза в глаза.

Грызанов выдернул шнур из руки Фреда. - «Я тебя не боюсь! Иври» - с насмешкой

Фред вцепился ему в грудь. Грызанов ударил носком сапога по его голени. С перекошенным лицом Фред набросился на Грызанова, опрокинулся стол.

Унежев и Гришин стали их разнимать. С грохотом летели стулья. Неожиданно Грызанов отскочил в угол, скинув ремень намотал на руку:

- За жиды заступаться! Не подходи! - он хлестал ремнем по воздуху, не давая подступить.

Комбата заметили, когда он уже стоял в комнате.

Вытянулись, пряча глаза - и поправляя на себе гимнастерки. Переводили дыхание.

Капитан посмотрел на одного из молодых солдат:

- Что здесь?

Тот смешался, не помня фразу режиссера, что-то испуганно залепетал.

Комбат взглянул на ефрейтора.

- Тут режиссера показывали. - подчинился тот взгляду. - Говорит... у русских... язык не поворачивается, товарищ капитан... А этот, - он кивнул на Фреда...

- Опять ты! - Сыч впился в него глазами.

- Я! Могу даже повторить. «В русской душе уживается и великая идея. и великая подлость». Федор Достоевский.

- Ты, паренек, зарываешься! - вспыхнул капитан.

Фред пожал плечами:

- Достоевский просто хотел сказать. что в русской душе живет великая идея. Этого почему-то никто не заметил. Сразу «подлость» заметили. Но никто не хочет думать, что в каждой душе, значит в каждом народе живет эта подлость. В этом числе и великая подлость. Но кто о своем народе сказал, что в нем живет великая идея. Есть мера и есть плата. Достоевский поднял русских до высоты бога. А его сами же русские за это начинают топтать...

Комбат пошел к дверям, обернувшись на стоявших в одном углу Грызанова, Фреда, Гришина, Унежева, зло процедил:

- На канал! Все - пахать на канал!

... Инструмента было два - наказанных пятеро. Для начала устроили перекур, измерили сколько выкопано. Фред вырыл полканала.

Грызанов сидел на холмике земли, виновато поглядывал на товарищей. Вздохнув, взял кирку и стал усердно долбить землю. Долбил - долбил и, видно, не выдержав «изоляцию», пропыхтел:

- Я же не знаю, что там в башке у этого Достоевского. Мало ли чего у него на уме.

Паша, Хамишевич и Фред рассмеялись.

- А че? Не так что ли? Если говоришь что-то, то говори прямо... А то смотрю - русских хают! А кому приятно?! - и подбодренный смехом товарищей посмотрел на Фреда:

- А вот если бы про евреев так?

- Как? - посмеивался Фред.

- Ну как этот - твой Достоевский.

- Ну если это про кого и сказано, то про евреев точно, хочешь скажу?

Грызанов молчал.

- В еврейской душе уживается и великая идея, и великая подлость.

Грызанов снова молчал.

- Грызан! - живо бросил Фред и незаметно подмигнул друзьям. - Слышь, Грызан, а хочешь поменяемся нациями: ты евреем станешь, а я - русским?

Грызанов от неожиданности замер:

- Хитрый какой! Мне и так не сладко живется!

Ребята грохнули. Смеялись долго, глядя на потерявшегося совсем ефрейтора.

- А че? - не понимал он их смеха. - Не прав я, что ли? - и, почесав за ухом, порассуждал: - Я вообще-то за все нации, но только чуть что, так сразу же - еврей! лучше как есть - русским.

Грохнули по новой.

Из окна кабинета комбата стреляли злые глаза.

... Руки капитана прошли сквозь стекло. словно тросы протянулись от казармы к горлу Грызанова и, приподняв над землей, стали душить.

Ефрейтор хрипел, дергал руками, ногами и сник, как подвешенная тряпичная кукла...

* * *

Сегодняшний вечер для него - протоирея - должен был стать особенным: через каких-нибудь полчаса он начнет самую важную, пожалуй, в своей жизни проповедь.

Он вышел из дома. Ранние осенние сумерки затопили тихие улицы. Безлюдье. Лишь одна-две случайные фигуры возникнут в свете редких уличных фонарей, да промчит, светя фарами, одинокий автомобиль.

Быстро подступившая темнота словно проглотила всякую жизнь провинциального городка.

О. Александр быстрой, хотя и неторопливой походкой шел по опустевшей вечерней улице.

К этой проповеди он шел, наверное, не один день и месяц. Когда впервые подумалось о ней, да и вообще была ли мысль, именно как о проповеди, сказать бы он не мог. И, тем более, как только возникала об этом какая-нибудь мысль, он прятался, убегал от нее, как избегают встречи с тем, перед кем виноват.

Но душа, как невидимая пчела, собирала этот свой горький мед. И чтоб почувствовать, что сердце уже переполнено, нужна была, наверное, последняя капля.

...Статья в журнале и последний разговор с Фредом... Фред говорил, глядя куда-то в сторону бетонного шоссе, с неподдельной грустью, припав спиной к высокому, с колючей проволокой, забору дивизиона:

-... Привнесешь в мир любовь - погибнешь от ненависти... Бог. Свобода. Любовь. Вот с чем пришел иудейский народ в мир. Ему же ответили Освенцимом...

Уже в машине, когда она только отъезжала от ворот дивизиона, он, протоиерей, понял, что эти слова должны стать частью его проповеди. Главной частью. Их оставалось только произнести. И он должен был их произнести. Он должен был передать людям боль этого еврейского парня, которая была и болью миллионов его соплеменников

...Дорога от дома к церкви. Старый знакомый путь. Каждый день по нему идет он, идут сотни его прихожан... Люди идут одной дорогой... По этой же дороге не раз шла его любимица Диана, однажды этим путем шел и Фред... Диакон Василий... Люди идут одной дорогой, но разными путями.

Сегодняшняя дорога для него - постаревшего на ней протоиерея - такая же, как много лет назад, и сегодня уже иная. Кто знает, может, это его последние версты на этой земле. Во всяком случае, их осталось немного... Но, может быть, это просто усталость? А если не усталость? Но тогда откуда это? Если раньше он мог видеть впереди свое время - отрезки в пять, десять лет, в которые он знал - ему быть, и ничто с ним не могло случиться, сейчас впереди была пустота. Мрак. Как эта осенняя темень. И ничего не изменить... Но, в общем, все было так, как должно было быть. И поправить уже ничего нельзя.

И вдруг скользнула неожиданная мысль: а ведь он мог бы все изменить. Прямо сейчас, на этой дороге, начать с того, чтоб отказаться от проповеди, которую он должен был начать через каких-нибудь несколько минут. Отказаться от нее и затем оставить службу. И тогда впереди возникал добрый кусок жизни - не только из пяти, а кто знает, и - больше лет. Все можно было бы поправить - прими он только решение. Выходила странная штука: ничего поправить нельзя, потому, что все можно было изменить. Потому он не откажется и от сегодняшней проповеди... Которую, знал, ему не простят... Как, впрочем, и многое другое...

Он представил, как будет проходить проповедь, видел, кажется, все в деталях...

... В церкви, как обычно, горели свечи. Стоял негромкий гул голосов. При входе его разом обернулись несколько рядов, человек тридцать. Поклонились.

В первом ряду, как всегда, стояла Диана. Он улыбнулся ей.

И вот под куполом вспыхнул яркий свет: зажглось паникадило - огромный обруч-люстра, на котором горело множество лампочек-свеч. С алтаря он увидел диакона Василия, тот стоял возле лотошника. Из-за спины выглядывал его вечный спутник, что-то вроде лакея - плотный, низкорослый мужичок

Но вот он, протоиерей, поднял голову.

В храме все замерло. С портретов святых на стенах, с царских врат, всего иконостаса - отовсюду струилось ослепительное золото.

Он взялся за крест на груди, и в густую тишину опустился низкий звучный голос:

- Братья и сестры! Я понимаю ваше удивление и, может быть, недоумение. Тот ли час, та ли минута, чтоб засиял этот свет в глазах наших! - он показал рукой на паникадило. - Может, и нет. Но я хотел произнести сегодня слово покаяния. Вы знаете: покаяние - путь к очищению. И поэтому пусть этот путь будет освещен божественным светом: чтоб увидели мы! И, увидев, прозрели!

Скажу вам правду. Не просто, братья и дети мои, мне было решиться выйти к вам с этим словом! Ибо сегодня я должен обвинить и признать вину. Обвинить самое святое для меня - христианскую церковь, и признать свою и общую нашу вину.

Диакон остолбенело смотрел на него. Ряды прихожан онемели. Церковь словно рухнула в вязкую тишину.

- Я хорошо понимаю, - продолжал он, - что значит слово «вина» и что означает «принять на себя вину»... Но о какой вине говорю я? И перед кем?

Он выдержал паузу и твердо расставил:

- О вине Церкви перед многострадальным народом дома Израилева... Но вспомним прежде, кто впервые возвестил миру: «Возлюби ближнего своего»? - Израиль. Вспомним, чей народ подарил миру Бога единого? - Израиль. Вспомним, кто первый поднял над миром слово Свобода? - Израиль.

Привнесешь в мир Бога - будешь обвинен в богоубийстве!

Привнесешь в мир Свободу - поставят на тебе клеймо раба!

Привнесешь в мир любовь - погибнешь от ненависти к тебе!

Бог! Свобода! Любовь! Вот с чем пришел иудейский народ в мир. Мы же ответили ему печами и газовыми камерами Освенцима.

Но и сегодня есть опасность Освенцима. Мы пришли к тому, что готовы в храме господнем убить!

Прихожане стояли в растерянности.

Диакон Василий стиснул зубы.

Он - о. Александр - говорил спокойно и уверенно:

- Сегодня я признаю себя виновным в страданиях, смерти ни в чем не повинных стариков, женщин, детей. Тех, кто был сожжен на кострах инквизиции, принял смерть мучеников, но не предал своей веры!

Виновен!

Виновен, если хочу излечиться!

... Виновен! - невольно выдохнул настоятель в ночь.

Задумавшись, не видел, как из-за угла выскользнула черная тень низкорослой фигуры, подкралась из-за спины.

Над головой протоиерея тускло блеснуло лезвие топора...

О. Александр терял равновесие, но все же, пошатываясь, повернулся.

Сделав шаг, казалось, пытался разглядеть в темноте пятившегося убийцу. Но кровь уже залила все лицо, глаза, протоиерей шагнул еще раз и только услышал звон ударившегося об асфальт топора и животный крик бросившегося в безжизненную улицу человека.

О. Александр знал, что теряет сознание, собрав силы, дотянул до какой-то стены и, берясь за нее, перебирая по ней руками, делал свои последние шаги. К церкви... Уже в уходящем сознании мелькнуло:

«Не успел!»

В последнюю секунду священник выпрямился и, словно подкошенный могучий ствол, рухнул на землю.

Ночь, как черная ряса, скрыла окровавленный на груди священника крест и кровавую к топору дорогу.

* * *

...Фреда втолкнули в темницу, замуровали дверь. Камера смертника. В дальнем углу слышался шорох. Присмотревшись в слабом свете лучинки, Фред увидел стоявшего на четвереньках человека. Минуту всматривались друг в друга. Стоявший на коленях, видно, что-то вычислив для себя, распростерся на соломенной подстилке.

Фред подошел к нему, попытался заговорить, но незнакомец безучастно смотрел в темный потолок.

Фред обшарил углы и стены - ни еды, ни питья, лишь на одном камне стояла кружка с тухлой водой.

Время вычеркнуто, вместо него - привыкание к мысли о смерти.

Но все же смерти еще нет.

Лучины сменяются одна на другую. Время - свет.

Фред нашел какой-то ящик, поставил возле камня, сел на камень перед ящиком, как продавец за прилавком. Незнакомец изредка поглядывал на своего «коллегу».

Фред начал торговлю:

- Подходите, покупайте! Самые дешевые туфли! Самые лучшие в мире украшения: Самоцветы! Жемчуг! Бриллианты! - голос Фреда громкий, как у торговцев на восточном базаре - Подходи! Налетай!!!

Незнакомец, зашуршав соломой, приподнялся на локте, вгляделся.

Хоть и полумрак в темнице, а у Фреда торговля, видать, шла отличная, теперь он вовсю хвалил покупателей:

- Молодец! Не пожалеешь! Носи на здоровье! Сам будешь носить и еще внукам останется... Девушка, вот бюстгальтер французский! Как раз на ваши молоденькие груди! Мерить даю бесплатно! - бюстгальтер, видно, подошел, и Фред в восторге подарил еще пару. - Бери!

Сколько времени шла торговля - неизвестно. Но голос Фреда чуть-чуть осип, и это должно было означать конец рабочего дня. Пора собирать манатки.

Фред закрывает базар.

Незнакомец давно лежит, отвернувшись к стенке: видно, решил, что его сокамерник свихнулся.

После базара - отдых. Фред снова пытался разговорить незнакомца, но тот упорно молчал в потолок.

Фред опять ощупывает стену - может, можно где-то расковырять, пробить дыру... Но везде камень, да железная дверь замурована.

И как измерять время?

- Господа! - Фред подносит ко рту кулак - микрофон. - Сегодня перед вами выступает лучший скрипач мира - Фред Подневольный. Пардон! Фред Свободный! Поприветствуем! «Микрофон» сходу превращается в «смычок», и пошел смычек по скрипке! Скрипка по техническим причинам озвучивалась голосом: та-та-та-та-м, та-та-а, та-та. Концерт по заявкам. Полней-

ший аншлаг! У зрителей, в том числе у незнакомца на сене, в полумраке горят глаза, разумеется, от восторга!

- Bravo! Bravo, Фред! Bravo, Свободный! - скандирует зал и требует:

- «Молдаванку!»

- «Семь сорок!»

- «Плач Израиля!» - заявки сыплются справа и слева. И, конечно же, цветы! Женщины, девушки вбегают на сцену, целуют его. Но вот и она! Единственная! Диана! Она плывет к нему, как во сне! Протягивает руки, обнимает...

Концерт оборван. Фред опускается на свою постель (тоже из соломы), смотрит в ноги. Как хочется жить! Видеть Диану! Быть с ней! Но вокруг темнота, лишь тонкое пламя свечи да угрюмый незнакомец. Но, может, он немой?

И время вычеркнуто. Только меняются лучинки, да лицо обрастает бородой.

Но жизнь идет. Надо ходить на базар, устраивать концерты и, конечно же, заниматься наукой. Для этого, разумеется, здесь тоже есть все условия, нужна тетрадь, - пожалуйста, целых четыре стены, нужна ручка - есть камешки на полу.

- Начинаем лекцию! - громко предупреждает Фред. - Сегодняшней темой будет: «Элементы высшей математики в решении прикладных задач христоматолокеяйцеграфических процессов в сношениях с голубиным приматом КПСС.

Незнакомец на Фреда уже и не смотрит. Или не слышит, или точно решил, что в камеру ему подбросили долбанутого.

В кружке кончается протухшая водица, ремень застегнут на последней дырочке... Но жизнь все-таки идет. А значит, нужно идти, ползти на базар, торговать, покупать, одевать.

- Нержавеющие бананы! Скатерти-самобранки! - выговаривает Фред. Он уже не похож на прежнего азартного продавца на восточном базаре, разве что оброс весь... но все-таки, как может, Фред предлагает:

- Чувяки. Носки. Презервативы!

При последнем, незнакомец подает признаки жизни, шуршит, как мышь в соломе, поднимается.

- Подходи, покупай, - устало приглашает Фред. - Самые дешевые презервативы в мире. Мильон долларов штука.

- Ничего себе, самые дешевые! - хрипло возмущается незнакомец.

- Не нравится, - проходи дальше, ищи дешевле.

Незнакомец вдруг зло посмотрел на Фреда, опрокинул его ящик-прилавок и, схватившись за голову, завопил:

- Мы подышаем здесь! Гнием! А ему - гандоны! Су-ка! - он бредет в свой угол, валится на подстилку.

Но жизнь все равно идет, а значит, надо проводить и концерты, и лекции. Только по сто раз уже сыграны все пьесы. «Плач Израиля», «Семь сорок» сыграны сто раз и исписаны на лекциях тетради - все стены, осталась нетронутой лишь маленькая страничка - последний нижний угол.

Фред подползает к этому кусочку-странице, задыхаясь, теряя порою сознание, почти безжизненной рукой выводит: - Свобода.

Теперь уже все кончено, гаснет последняя лучинка, осталось только после «Свободы» поставить точку. Фред вдавливал в месте точки камень, и рука вдруг прорывается сквозь стенку. В образовавшееся отверстие проникает живительный воздух и свет. В этом, последнем углу, обнаруживается лаз.

«Неужели свобода?!»

От счастья у незнакомца вдруг появляются силы, и он, как ребенок, скачет по темнице (уже бывшей):

- Свобода! Свобода! Свобода!

... Казалось, всего-навсего это был сон, но живительный.

А, может, это было и какое-то предупреждение перед бедой...

...Вечером по команде комбата выстроили весь дивизион. На дворе шел дождь, и солдаты построились в узком коридоре казармы.

Комбат, по привычке забросив руки за спину, прошелся вдоль длинной шеренги, достав какие-то листки, стал по центру:

- Рядовой Гришин!

- Я!
- Выйти из строя!
- Ефрейтор Грызанов!
- Я!

И капитан назвал всех солдат из призыва Фреда. Вызвал и его.

Стояли лицом к шеренге.

Комбат завел длинную речь о том, как хорошо служили эти «ребята», как «добросовестно» выполняли свой воинский долг. Все. Кроме одного. Им был Фред.

Ну так вот, сегодня я принес обходные листы. Сыч казался великодушным. - Итак, поздравляю старослужащих с началом демобилизации! - комбат раздал «бегунки».

Перед строем остался один Фред.

- Ну а вы, после хулиганства в церкви, должны отработать свой долг. Поэтому ваш обходной пока останется у меня, - и подсыпал... -Вместе с протоколом, конечно.

Фред стиснул зубы.

Капитан стал рядом, негромко, поигрывая перед глазами Фреда, обходным листом, предложил:

- Но если мы признаем свою вину и примем наше предложение, то, пожалуйста: ...Дом... Друзья...СВОБОДА, вот они.

Фред взглянул на прямоугольный листок, которым Сыч дразнил его, отвернулся.

- На канал, - спокойным голосом выдал комбат. - Там лучше думается.

Фред прошел вдоль шеренги, каждой клеткой ощущая взгляд строя. На дворе по-прежнему лил нудный дождь. Фред прошелся по крыльцу: вперед - назад, в раздумье невольно выронил: - Только одно «да»...- и поймал себя на том, что, кажется, начинает заговаривать сам с собой.

Мгновенно, словно только и ждали, как дешевенькие шлюшки, откуда-то вынырнули сомнения: ведь все можно изменить. К чему это упрямство? Ну пойдет он в церковь, ну окрестят... Ну и что? Неужели из-за этого он вдруг перестанет быть

евреем? Ведь не перестанет! А как близко - дом, гражданка... Диана.

И усмехнулся: «лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Хотя, в общем, если умирать нормально, то лучше всего в постели, по-человечески. А стоя надо жить.

Из дверей с шумом-гамом высыпали солдаты. Мгновенно зачиркали спички, задымили сигареты.

Вышли и друзья Фреда. Виновато стояли рядом, молчаливо курили.

Пауза становилась тягостной. Фред вернулся в казарму, надев шинель, сбежал с крыльца, под взглядами солдат, быстро направился к воротам.

Он уже выходил из калитки, как в спину ударил голос Грызанова:

- Стой! Что-то скажу!

Вприпрыжку, перемахивая через лужи, подбежал к Фреду. Переводя дыхание, выпалил:

-... Священник!... Убили его!... Который приезжал!... Сейчас по телеку передали...

Фред привалился спиной к воротам...

- Ощущение пустоты не покидало весь вечер, было чувство потери. Казалось, с протоиереем он был на разных полюсах, а в чем-то, может, и враждовал, но вот неожиданно и впервые в жизни, после его смерти пришло ощущение, что мир, действительно, может терять. Произошло непоправимое. Личные беды виделись незначительными и суетными...

...Колдовала над миром ночь, принося в людские жилища сны и бессонницу, смывая контуры праведности, лжи, меры и платы. А если что-то и обозначала резче, то силуэты ненависти и потерь...

... Свеча горела в сложенных на груди, покойных руках о. Александра и впервые не отражалась в его глазах.

Протоиерея хоронили на старом христианском кладбище, находившемся сразу за церковью.

Гроб вынесли из храма и до могилы несли на плечах.

Плакали одетые в черное русские женщины: опираясь на палочки, с трудом переставляя ноги, шли за о. Александром столетние старушки. Повидавшие жизнь мужчины, с медалями на пиджаках, не могли удержать слез.

Руководил похоронами диакон Василий. С траурной маской на хилобородом лице сновал вдоль процессии, бросая команды.

Где-то толпе с жвачкой в зубах шлепал низкорослый мужичок. Клоп. Взгляд его тянуло к гробу, но перед глазами вставало обернувшееся в ночи, лицо священника.

Фред на похороны успел. Переодевшись в гражданскую одежду (у бабы Лены) шел в длинном, запрудившем всю улицу, траурном шествии.

Провожать настоятеля, казалось, вышел весь Горск.

Было много евреев, крестившихся у о. Александра.

Диану Фред увидел, когда входили в разваленные железные ворота кладбища. Она держала под руку жену настоятеля - Надежду Ивановну.

Рядом же, поглядывая по сторонам, шла Марина.

В толпе мелькнуло лицо Ромы и до самого конца шествия попадало на глаза.

Но вот глухо ударили по гробу комья сырой земли, заголосили старушки, заплакали молоденькие прихожанки. И бил по нервам духовой оркестр.

Быстро поднялся рыжий холмик земли.

Все.

И тогда Фред поднял скрипку и над свежей могилой зазвучал «Плач Израиля». Ударила тишина. Лишь в этой онемевшей тишине отчетливо звучала печальная мелодия. В какую-то минуту все, казалось, растерялись, но рванул женский плач, и все увидели, как жена священника припала к плечу Фреда. Тот опу-

стил скрипку, хотел было обнять так неожиданно подошедшую к нему эту женщину, но откуда-то возник Рома: - Пойдемте, Надежда Ивановна...

Она на прощанье сквозь слезы взглянула на Фреда: - Он очень любил тебя, Фред! Помни об этом!

Рома под руку повел ее, и с другой стороны стала Диана. Фред сквозь толпу протиснулся к ней, хотел было приостановить за руку: - Диана, только одно слово. - Но она высвободила руку: - Потом... Я прошу тебя... — и шагнула вслед за Надеждой Ивановной.

Рома подождал, пока женщины сели в машину, стал перед Фредом:

- Отойдем-ка, парень!

Они перешли на противоположный тротуар, стали под развесистым кленом.

Поигрывая ключами от «Жигулей», Рома небрежно проплевал:

- Я ведь предупреждал тебя, скрипач?! Оставь девчонку в покое!

- А ты кто такой? - в тон ему ответил Фред.

- Ты хочешь знать, кто я такой?!

- Вообще-то ты мне и на хрен не нужен! - Фред посмотрел ему в глаза.

Рома вскипел, схватился было за борта его пиджака, но в толпе у церкви и из машины за ними наблюдали.

- Я еще найду тебя, падла! - несколько отойдя, обернулся Рома. - Жди!

- Да идешь ты...- послал его Фред.

Рома красноречиво пальнул глазами, но своего шествия к машине не остановил, захлопнулась дверца.

Фред увидел, как в заднем стекле обернулась на него Диана. Взгляд, как перед расставанием.

Красная «Лада» скрылась за поворотом.

Толпы людей от церковных ворот растекались по улице. Теперь уже никто из этих прихожан не придет на проповеди о. Александра. Фред побрел наугад.

Вспомнился последний, долгий разговор с протоиереем.

- Диана любит тебя. Просто у нее накапливается чувство вины.

- Она не свободна.

- А что такое свобода?

- Свобода - это отсутствие вины.

- Но каждый человек в чем-то всегда виновен.

- Я, например, ни перед кем, ни в чем не виноват.

- Имеется в виду - каждый должен чувствовать в себе некоторую греховность...

...Фред выбрал на тихую, с низкими домами улицу. Клены с округлыми, как мозги, кронами, выстроились вдоль узких тротуаров.

Неподвижные и равнодушные замерли перед окнами, как перед склеенными зеркалами.

Пустынное серое небо.

Подумалось о доме. Сейчас бы в аэропорт и- домой. Но...

Свободы - хоть отбавляй.

Фред внутренне усмехнулся.

Вспомнился Еська. С его легкой, а может, и нелегкой, руки он познакомился с Дианой... Время - третий час. Можно бы и сходить к нему. Все равно до вечерней проверки успеть можно.

Еська поначалу его не узнал.

- Вам кого? - крикнул он, выйдя на крыльцо, но потом, радостно плеснув руками, сбегал навстречу:

- Тебя в гражданке и не узнать! Тебе бы «бабочку» на кадык - и на концерт!

Пили на кухне чай. Еська слушал Фреда, сострадательно поводя крупным носом:

- Я тебя понимаю! Кто-кто, а я тебя понимаю! Моя баба, знаешь, сколько меня водила за нос?!

И оба рассмеялись.

- А этот Рома - сука! - возмущался Еська. - На глазах этих христиан - на своего же еврея!... А мы еще, чуть чего - да мы евреи! Евреи! А сами не знаем, как горло друг другу перегрызть!

Еврей еврея не любит! Клянусь! Самые большие антисемиты среди нас же!

- Это так. Но только это и в каждом народе: есть евреи, которые евреев же и не любят, русские - русских, французы - французов. Самый большой антисемит среди евреев, русофоб - среди русских, самый большой антиазиат - среди азиатов... Самый большой враг твоего народа - в твоем же народе. Все напутано в этом мире.

Еська предложил «все-таки» по маленькой, но Фред отказался. Поторговались и в конце концов вместо выпивки взялись за прерванный разговор.

- Интересное дело в этом мире! - искренне поражался Еська. - Одни - евреи! Другие - китайцы, Третьи - еще кто-то. А ведь все из одного мяса, из одного «лекарства», и все по одному методу делаются! - он показал это известным жестом.

Но потом, подперев щеку ладонью, призадумался.

- Знаешь, когда я себя больше всего евреем чувствую? - вдруг неожиданно бросил он, - Когда меня жидом называют и на праздники!

Рассмеялись.

- Все верно, - после паузы вставил Фред. - Нация - это боль... А так, если по каждому человеку судить о нации, то все нации сволочами окажутся.

- Только во всем евреев обвиняют... Знаешь анекдот?

- Нет.

- Один отдыхает на море. Загорал себе, купался. Ну вот полежал на песочке и думает, пойду окунусь еще разок, заплыл далеко. Смотрит по сторонам, видит, что не выплыть ему. «Жида проклятые! - кричит.

Посмеялись.

- Что ни говори, Еська! - Фред отчаянно рубанул рукой. - А интересный все-таки народ еврейцы! Никакие гонения не убили в нас смеха! - и уже в раздумье проговорил. - Но кто знает, может, и по-другому. Может, потому и смех в еврейской душе, что она переполнена печалью? А?

- Это уж т-точно! - заверил Еська...

В этот день с Дианой Фреду встретиться не удалось. До позднего вечера она была в доме о. Александра.

Фред вернулся в казарму к вечерней проверке. В коридоре столкнулся с Сычом.

Глаза в глаза.

- Отдыхаем? - безразлично спросил комбат.

- Отдыхаем...

- Отдыхай, отдыхай, Иври, только канал не на мне.

- И не на мне тоже!

Сыч быстро взглянул:

- Бунтовать вздумал? Ну бунтуй - бунтуй, - капитан шумно высморкнулся в огромный носовой платок. - Гер-рой! Евреи вообще гер-роический народ...

- 140 героев Советского Союза - евреи, товарищ капитан... между прочим.

- Ты будешь сто сорок первым... Но вот все твои друзья разъехали, даже не знаю, как ты здесь будешь... Среди новобранцев столько здоровых ребятешек... а друзья, получается, далековато...

- Ничего, товарищ капитан, лишь бы друзья были... помогут! - в тон ему ответил Фред.

Диана заставила себя взять свой церковный платок и пойти в церковь. Перед выходом замучила себя перед зеркалом, то надевая, то снимая его. Словно надевала его в первый раз.

Вдруг с накатившей досадой отшвырнула его, раскинув уголки, платок качнулся в воздухе и мягкой, мертвой птицей упал на пол.

Диана долго смотрела на синий комок материи, подошла к нему и снова, уже в который раз за эти минуты, ей увиделись глаза о. Александра.

С упреком себе Диана сорвала платок с пола, быстро сбежав по лестнице, может быть, впервые в жизни, не таясь, прошла мимо дверей отцовской комнаты.

Жена Елизара во дворе подвязывала стебельки уже отцветших роз.

- Пошла? - мельком взглянув, привычно бросила она.

- Да. Я скоро, - предупредила Диана, тут же поймав себя на «скоро»: там ведь нужно находиться немало времени.

И по местечку в этот раз проходила, не боясь и не стесняясь расспросов и возможных насмешек.

Так и получилось. Встретились две подруги:

- Привет, Дианка! Ты куда?

- В церковь, - ответила без оглядки.

- Ну и сумасшедшая ты!

- Какая уж есть, - пожала плечами, и теперь страхи исчезли вовсе.

Диана уже вышла из местечка, привычно перешла дорогу. Вот и этот короткий узкий переулочек. Минут через десять она будет у церкви.

Сердце вдруг тревожно ударило: какие взгляды, какие лица встретят ее там?... Как теперь все будет без о. Александра?!

Она машинально посторонилась: белый автомобиль медленно выплыл из-за спины. Не придав особого значения - машина, как машина, мало ли их ездило по этому переулку... думала о священнике.

Белый автомобиль остановился. В секунду, Диана не успела и крикнуть, два человека, пригрозив ножом, посадили ее в машину, и автомобиль, вырвавшись из переулка, через минуту уже мчал по широкой улице.

Диана оказалась на заднем сиденье меж двух мужчин. Сидевший справа ткнул ей под грудь ножом:

- Не бей крылышками, пташечка - христосочка! А то твою грудку собачкам - ням-ням!

- Ты там осторожней! - небрежно бросил, сидевший впереди в фуражке и очках мужчина. - Товар мне не испортить!

В первые мгновенья Диане показалось, что она теряет сознание, но потом все вдруг оказалось как есть: она меж двух парней в куда-то летящем автомобиле.

Страх. Мысли о смерти. С отчаянием подумалось о родителях.

- Ты не бойся, мы тебя не тронем. Ты нам нужна живая! - нарочито-ласково повернулись к ней «черные очки»

В какой-то момент Диану заставили пригнуть голову, держали ниц, пока машина не въехала в маленький двор с небольшим кирпичным домом.

Смеркалось.

Диану ввели в освещенную стеклянной люстрой полупустую комнату: два занавешенных окна, кровать, диван, стол. На тумбочке телевизор.

Мужчина, угрожавший ножом - в кожаной черной куртке - подтолкнул ее к дивану, заставил сесть. Глядя испуганным зверьком, она вжалась в угол.

В комнате появились остальные. «Черная куртка» под села к Диане, глядя в глаза, словно всасываясь в них, медленно повел рукой по ее ноге:

- Ах какая свежесть!

Диана сбросила его руку. «Куртка», тут же схватив ее подбородок, долгим поцелуем впился в стиснувшиеся губы.

Диана пыталась вырваться, билась под навалившимся на нее грузным телом. Высвободилась неожиданно: очкастый, видно старший в банде, за волосы оттянул голову «куртки», сбросил его на пол. Отряхнув руки, предупредил:

- Не шали! - покровительственно посмотрел на Диану, оттиравшую рукой красный рот. - Не бойся, девочка! Тебя больше никто не поцелует! Кроме жениха твоего, конечно! Если, конечно, твой папуля окажется молодцом.

Потом все четверо сели в стороне, двое на кровати, двое напротив на стуле. По их обрывистой речи Диана поняла: она заложница, и теперь от отца хотят потребовать двести тысяч.

Поначалу стали торговаться: то заломили бешеную цену, то - вроде бы ничего - папаша осилит. Если даже продали дом за

триста тысяч, кое-что еще должно было оставаться. Ведь в Израиль семья Дана должна была выехать еще не скоро.

Спорили и поглядывали на Диану.

- Ну что? Остались у папки деньжата? - спросил главарь.

Диана молчала.

- Ладно. Если даже и не остались - найдет. Еще как найдет. Ведь она еврейка. Значит и родители ее тоже евреи! А евреи - ох как любят своих детей! Чего-чего, а этого у них не отнять! Любят!

И вдруг вспомнилось Диане Евангелие:

«И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и детях наших».

Главарь, глядя на нее, не то действительно с уважением, не то для своего успокоения и убеждая своих «собратьев», продолжил:

- В детдомах нет ни одного еврейского ребенка. Это я по бывшей своей пахоте знаю. Евреи своих детей не бросают. Так что за нашу красавицу старик любую деньгу положит, так-ведь, Диана?

Она удивилась, что главарь назвал ее имя, но тут же резко одернула:

- Нет у отца никаких денег! - а в глубине души вдруг испугалась: неужели не дадут за нее эти паршивые деньги! Но тут же успокоила себя - отец отдаст любые деньги! Если даже эти мрази попросят миллион.

- Если надо, и триста найдет! - главарь словно отгадал ее мысли. - Ну, ладно, лапонька, чувствуй себя, как дома!

В комнате раздалось ржанье.

- Пошли ребята! - кивнул главарь. Закрывая за собой дверь, обернулся:

- Ничего не бойся. Здесь у тебя будет охрана, как у шахини, если захочешь пи-пи, ам-ам или еще что, постучи в дверь. Вот так: тук-тук. Так что отдыхай и молись на своего папулю, чтоб евреем оказался.

Плач накатило вдруг, словно разорвал какие-то невидимые перегородки.

Она плакала, сдерживая рыданье, ткнувшись лицом в коричневое покрывало дивана, жалела и укоряла себя, жалела отца, чувствуя перед ним вину и отчего-то постоянно вспоминала строку из Евангелия: «И отвечая, весь народ сказал: кровь Его на детях наших»

Для отца, действительно, самым святым в жизни была семья.

Ко своей второй семьей он шел долго. После войны, узнав, что жену и двоих детей убили, уехал из Горска, долго скитался по стране, жил один, боясь и одновременно желая новой семьи.

Первая покоилась за Горском, в том же рву, где нашли свою смерть шестьсот евреев местечка.

...Раздетые, они уже спустились в огромную пасть рва. Пряча глаза, стыдясь наготы, садились по приказу на холодную землю. Жена Дана спряталась среди старушек. К ее обнаженному телу, дрожа от холода, жалась раздетая двухлетняя Диана, грудного сына Дарья прижимала к груди, стараясь как можно больше закрыть голое тельце руками и телом. Малыш нашел материнский сосок, зачмокал, не зная, что это молоко ему уже не нужно, но кто и что заставит мать, отнять грудь у своего малыша, пусть даже в самый последний, гибельный миг. Кто знает, кто может сказать, что думала, что пережила Дарья на дне холодного рва - на этой последней постели, кормя своего младенца? Младенца, которого, она уже знала, скоро не станет.

Немец, стоя на краю рва, приказал всем лечь. Люди были послушны, и черная площадка стала белой от обнаженных тел, не легла лишь Дарья - не могла своими руками положить живого ребенка в могилу. А малыш по-прежнему сосал грудь.

- Лечь! - вслед за фашистом крикнул полицай.

Дарья сильнее прижала к себе младенца, согревая и кормя его.

Тогда немец спрыгнул в ров, ступая по живым телам, стал над Дарьей. Несколько мгновений смотрел на подрагивающий и вбирающий жизнь теплый комочек. Потом, расстегнув кобуру, прицельно выстрелил в грудь Дарьи.

Она удержалась.

А по ее груди, как по белому холмику, красной змейкой поползла кровь, стекала в пока еще ничего не ведающий рот ребенка.

Но вдруг малыш выпустил красный от крови сосок матери, вскинул голову, словно удивился чему-то. И заплакал.

На маленьких губках перемешались белые капли материнского молока с ее кровью.

... Рассказывали, что стрелявший в Дарью фашист потом с какой-то гордостью посмеивался:

- О-о! Такую бы картину написать - красота! «Жидовская мадонна, кормящая ребенка». Повторял, смеялся и был счастлив.

... Отец. В эти страшные для нее часы, думая о нем, Диана, словно заново обретала его. И обретая, боялась потерять: а может, ее убьют...

Вместе с этим возрастало чувство вины перед ним, только бы увидеть его! Хотя бы на одну секунду!

Думая о нем, она вспоминала о Фреде. Его ласковые руки, губы. «Я люблю тебя».

Оглядывая эту комнату, два окна, на которые были надеты массивные решетки из толстых железных прутьев, она с тоской и страхом (может быть, уже ничего не повторится) видела, что и ее душа была похожа на такую же комнату, в которой решетками и дверьми она отгораживалась от огромного и столько таящего в себе радостей мира... Христианка... Но если бы все прошло! Если бы ей удалось вырваться из этого ада!

Она подходила к дверям, вслушивалась, и вроде бы за ними не было никого, но стоило повернуть ручку, оттуда доносился глухой недовольный окрик: - Чего еще?!

Никто из банды ее не трогал. Лишь однажды, на третье утро, один из них осторожно открыл дверь, вслушиваясь в тишину, замер, посмотрел на нее, она полулежала на кровати. Вошедший осторожно повернул в замке ключ, стал медленно подходить.

Диана, подобрав под себя ноги, вжалась спиной в стену, точно хотела раствориться в ней.

Подходивший - в черной куртке - надвигался, словно черный ком. Подсев к ней, смрадно задышал у лица:

- Не бойся! Ты же мне нравишься! Я спасу тебя! - он говорил тихо; сверкая желтыми припухшими глазами, достал из кармана ключи:

- Я спасу тебя! А ты спасешь своего отца! Подумай сама, где он найдет столько денег?! А так - и ты спасешься и его вытянешь! Ведь вам еще в Израиль надо! Все от тебя зависит! - его рука втекла под платье, поползла вверх по ноге, губы приблизились и снова что-то вкрадчиво шепнули.

- Не-ет! - Диана впиалась в его лицо раскрытой ладонью, пальцы, нащупав яблоки глаз, стали выдавливать их.

«Черный» навалился на нее.

- Нет! - хлестал ее крик по стенам и окнам. - Не-ет!

В полусознании она услышала, как забарабанили в дверь, посыпались ругань, угрозы, от нее отплыла к дверям черная фигура, и затем в комнату ворвались двое из банды, накинулись на «черного».

Упав на подушку, Диана плакала. Потом, вдруг взглянув на троих, всхлипывая, попросила:

- Отпустите меня! Я прошу вас! - она сошла с кровати. - Ну отпустите!!! Люди вы или нет?! Я сама принесу вам эти деньги! Хотите, я на колени стану! - и она опустилась на колени. - Я прошу вас! Вы же лю-ди!

- Вставай, - вперевалку подошел к ней один из троих. - Не хнычь! - стал он над ней. - Все нормально! Твой папаша молодецом вышел! Не жмот! - и с неподдельным удивлением обернулся на сообщников:

- А и вправду эти евреи сумасшедшие!

Все еще стоя на коленях, Диана замерла. Спина точно окаменела. Сознывая, что значило для нее только что услышанное, заплакала беззвучно - подрагивающими губами.

Сникла.

Заявился главарь.

Уставшая, разбитая, еще не веря, что действительно спасена, оглянулась в дверях, словно вновь и вновь удостовераясь, что все прошло и этот ад остается позади.

Она прошлась глазами по тяжелым решеткам окон, взгляд, скользя по комнате, упал на стол, ткнулся в синий комочек из легкой ткани - ее «церковный» платок. Теперь он и вправду лежал на коричневой скатерти, как мертвая птица.

Главарь, стоявший рядом, с расшаркивающимся улыбкой поднес ей платок:

- Ваша косыночка, сударыня!

Диана отвернулась.

Главарь о чем-то подумал и снова усмехнулся:

- 200 тысяч и платочек на память... Пошли! - сунув платок в карман, он закрыл за Дианой дверь.

...Снова машина и долгая езда, остановились далеко за городом.

В какой-то момент в салоне возникла нервная тишина.

- Ну если твой папаша фокус выкинет!.. - сидевший справа, как и в первый раз, поиграл перед ее глазами ножом.

...Она увидела отца первая. Обернувшись в заднее стекло, сжала рукой верх сиденья. С онемевших губ сошло тихое: - Отец, - и повторила.

В руках у старика покачивалась черная распухшая сумка. Развернувшись всем телом, будто могла прорваться сквозь стекло, она точно в беспомощности вырывалась из сдерживающих ее рук:

- Отец!

- Не успокойся, сейчас же уедем! - с переднего кресла потянулся к ней главарь, больно сжал руку.

Диана испуганно притихла.

Потом ей дали выйти. В первые секунды она стояла неподвижно, не могла отойти от открытой дверцы машины, словно онемевшие ноги вросли в асфальт.

А он приближался. Седобородый, с разлохматившимися прядями - как бело косматое облако. И ей показалось - она увидела бога.

Медленно шагнув, она метнулась к нему и, казалось, бежала навстречу целую вечность.

- Отец! - она прижималась к его груди, чувствуя щекой мягкую, пропахшую табаком и такую родную бороду. - Отец! - она сильней обнимала его, и по ее спине похлопывали большие и ласковые ладони.

- Прости меня. Прости, родненький!

- Жи-ва! - только выдохнул он, и в ее маленьких ладонях дрогнули огромные отцовские плечи...

...Дома, увидев ее живой - невредимой заголосила на все местечко мать, долго целовала дочь, не умея успокоиться, била себя по коленям и причитала:

- Как же все это я вынесла, господи?! Как же я вынесла?! Видно, каменное сердце ты дал человеку! - и покачивалась из стороны в сторону.

И рядом с Дианой были Елизар, Яков, маленький Дан и жена Елизара.

А потом Диана стояла у окна в своей комнате, наблюдала, как собираются во дворе гости, звучат поздравления и накрывается стол. Отец находился в кругу друзей, улыбаясь, покуривал. Диана смотрела на него и видела: отец счастлив. Счастлив, что ничего страшного с ней не случилось, что она жива, она здесь — рядом с ним.

Хотя цена этого... В груди заселилась боль: отец отдал все, все, что заработал за жизнь - и дом, и деньги, и драгоценности. Ради нее, ради дочери. И снова, уже в который раз за этот день, память подставила фразу из Евангелия: «И отвечая, все народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших...»*.

Ложь! Вдруг осознала она. Ни евреи, ни какой другой народ не могут так проклясть своих детей! Клевета!

Разве бы смог так проклясть ее отец? Разве бы смог? Диана смотрела на него, стоявшего среди друзей, и он казался, как никогда, родным и близким. Толкнуло раскрыть окно и крикнуть ему что-то доброе, теплое. Отец, я люблю тебя, я очень люблю тебя!

* (Евангелие от Матфея: гл. 27, 25)

Он вдруг оторвался от разговора и посмотрел вверх, в ее окно. Она тут же отворила створки и помахала рукой, отец улыбнулся, кивнул... Седобородый и достойный...

Вдруг на двор налетел сильный ветер, виноградные ветви затрепетали под его неожиданным буйством, сильный порыв ударил по окну Дианы. Она отпрянула. Внутренние створки окна ударили по раме. Еще. И еще. Посыпались стекла.

Диана прижалась к стенке. Но ветер, неожиданно ворвавшийся, также мгновенно куда-то унесся, будто коршун, сорвавший свою добычу.

Все лица во дворе были подняты сейчас на Диану, но, не замечая их, стоя у окна, пораженно смотрела она на пластилиновые фигурки Христа. Еще минуту назад целые, сейчас, ударами оконной створки о раму, они были сплющены. Глядя на этих бесформенных, раздавленных порывом, всего лишь порывом ветра! божков, она вдруг ясно, с ударившим сердцем осознала, поняла тайну и силу Невидимого Бога своих родителей.

ЕГО НЕЛЬЗЯ НИ СМЯТЬ, НИ СЖЕЧЬ, НИ УБИТЬ! ЕГО НЕВОЗМОЖНО УНИЧТОЖИТЬ! БОГ НЕПОДВЛАСТЕН НИ ОГНЮ, НИ ВОДЕ И НИ ЧЕЛОВЕЕКУ! И НЕТ НИКАКОГО ХРИСТА!

А если и есть - то это идол, идол, сотворенный злом.

Это открытие, это осознание долгую минуту не отпускало, держа ее точно в шоке, но прозвучал тревожный голос отца:

- Диана, у тебя все в порядке?!

Она снова помахала ему рукой, но это было не так, как несколько минут назад, и она увиделась себе другой:

- В порядке. Теперь уже в порядке! - ответила она.

В ту же секунду на душе стало светлей, и словно кто-то ее подтолкнул, подошла к трельяжу.

- Я - евреянка! - глядя на себя в зеркале, выдохнула она.

- Я - евреянка! - повторила громче.

- Я евреянка! - с удивлением прислушиваясь к своим словам, она с гордостью что-то узнавала в себе.

- Я евреянка! - произнесла громко, подняла кверху раскрытые ладони, словно подставила их теплomu дождю.

Так и замерла: в дверях стояли Елизар и Марина.

Смеялись.

- Самая хорошая еврейка - это живая еврейка! - Елизар обнял сестру, и все трое уселись на диване.

Теплое уютное молчание.

Взгляд Дианы упал на лежавшую на столе в черном переплете книгу.

Библия.

Диана встала, взяла ее, листая, задумалась. И вдруг неожиданно, казалось, и для себя, стала выдирать из нее страницы.

Глянув на онемевших Елизара и Марину, улыбнулась, а затем рассмеялась - открыто и счастливо.

Елизар присел на корточки, поднял одну из страниц и пораженно вскинул глаза на сестру:

- Евангелие?... - будто не веря себе, выговорил он, оглядывая вырванные страницы, которые как мертвая опадающая листва слетались к полу.

- Оно самая... У еврейки может быть только одна священная книга - Тора! так ведь, брат? - она заговорщицки подмигнула.

- Кла-асс! - глядя на нее с корточек - снизу вверх, растянул Елизар.

- Ладно...- Диана отбросила книгу в сторону и по зашуршавшим листам вернулась к дивану.

Снова сидели все вместе.

- Знаешь, брат, мне завтра нужно к одному человеку поехать. Надо отдать долг. Понимаешь?

- А кто этот один человек? - он пригладил ей висок.

- А ты его знаешь...

- Неужели «боец со скрипкой?»

Диана кивнула.

- А знаешь, мой родственничек-то себе невесту засватал, как бы между прочим вставила Маринка.

- Какой «родственничек?» - не сразу поняла Диана.

- Ромка, конечно...

- А-а, - Диана усмехнулась. - Тут, небось, про меня уже легенды ходят. Что там со мной делали, когда украли... Так? - и тут же продолжила. - А ты знаешь, подружка, в эти дни я как-то о нем и не думала. Да и почему я должна была думать? - и в растяжку поехала:

- Вот об отце - думала, о своих братьях - думала, в общем, только о близких думала... И о «бойце со скрипкой» тоже, - она снова озорно подмигнула Елизару.

- Тебя и не узнать! - невольно выронила Маринка.

- Это уж точно: не узнать!...

Елизар легко похлопал по плечу Дианы:

- Слышь, сестра, не узнать - не узнать, а только я тебя одну ни к какому бойцу не отпущу. Вместе поедем.

- Нет, Елизар... Я одна... - и в раздумье расставила:

- Не волнуйся, брат, у нас за все заплачено. За все! - И выдохнула:

- За тысячу лет вперед заплачено.

* * *

...В казарме - никого, на железных, строго заправленных койках белыми жабами замерли подушки. Кровати друг от друга отделяли низкие коричневые тумбочки. Вдоль стены, сразу от дверей, на длинной вешалке аккуратно, погон к погону, висели серые солдатские шинели.

Во всем холодная строгость. И если бы не этот неожиданно ясный осенний день, казарма казалась бы безжизненной и покинутой.

Но сочное синее небо, втекая в окна, наполняло ее, как если бы прозрачный бокал наполнили морской волной, подсвеченной золотым солнцем.

Но, может, от этого и слякотно на душе, что за окнами и далеко за ними, там - дома, разлился золотисто-синий покой, а он, Фред, одиноко скрючился на табуретке и никого нет рядом, лишь на койке открытый футляр со скрипкой, да эта - его рассвободистая свобода.

Подумалось о Диане и друзьях. К ней вырваться уже, наверное, не удастся, а ребята давно разъехались по домам. Из «старичков» в дивизионе он остался один.

«Старичков» - Фред внутренне усмехнулся: старичком его уже никто не признавал, даже молодое пополнение, 12 человек, или вовсе не замечали его, или делали вид. Похоже, и здесь потрудился Сыч.

Вспомнилось недавнее с ним столкновение: «Все твои друзья разъехались. Даже не знаю, как ты здесь будешь... Среди молодежи столько здоровых ребятшек, а друзья твои теперь, получается, далековато...

Похоже, Сыч «обкладывал» его со всех сторон: и протокол, и свобода, и вот - новобранцы. Ключ от библиотеки тоже отняли.

И вдруг откуда-то из глубины души высунулась поганая крысиная мордочка: «А что? Мир перевернется? Ну сходишь с Сычом под ручку в церковь! Ну обрызгают тебя водичкой! Ну...»

Фред зло сорвался с табуретки, раздраженно зашагал вдоль окон. За ними - канал с холмиками выброшенной земли. Здесь окно - солнце - безграничная синь, и не выбраться из этой тюрьмы! Еще окно - еще канал и еще ярче солнце и ослепительна синева! И на руках наручники! и никуда не деться! Никуда...

Накатившиеся мысли погнали из казармы.

«... Перевести воду из нижнего котлована в верхний... перевести воду из нижнего - в верхний... перевести воду... перевести...» - сверлили мозг слова Сыча.

Фред спрыгнул в канал, сорвал со дня кирку и стал крошить землю.

«... из нижнего - в верхний... из нижнего ... из нижнего... Пожалуйста! На! Жри!» - он остервенело рубил киркой. Земля, крошась, ссыпалась на дно, на сапоги, отлетая из-под массивного зуба кирки, стреляла по гимнастерке, попадая в шею, в лицо, на зубах крошился песок.

Капитан сидел в своем кабинете, разбирал схему одного из радио-блоков. В спину, сквозь стекла, ударили глухие звуки.

Он с удивлением стал у окна. Какой-то солдат, стоя по грудь в канале, остервенело, словно вкладывая всю силу в удар, лопатил киркой землю.

«Иври» - еще больше удивился комбат.

С минуту он решал эту неожиданную задачку, поскреб короткими ногтями подбородок и двинул к каналу.

Когда он подошел, Фред уже сидел на дне, привалившись спиной к изъеденной киркой торцовой стенке.

С приподнятой к небесам головой, застыл, словно привороженный какой-то мыслью.

На стоявшего над ним капитана не обращал внимания. Точно и не было ни его начищенных хромовых сапог, ни защитного цвета короткого туловища.

Молчание.

- О чем задумался, Иври? - свалился на него сверху холодный, с желчью, голос комбата.

Фред с минуту поотсутствовал, потом, так и не подняв глаз на капитана, в тон ему растянул:

- А вот, думаю, закончу службу и пойду в институт учиться. На режиссера...

- Кино снимать будешь?

- Ага.

- Про Иуду, небось...

- Про Иуду.

- Это хорошо... Про Иуду - это хорошо. Но вот только закончить надо бы - канал-то... Вот тогда будет кино! Всем кинам - кино! - нарочито серьезно протянул капитан, глядя вниз, где в яме, словно в капкане, сидела его жертва.

- Торжествуете... - в тон ему ответила жертва.

- Да чего уж тут торжествовать. Наоборот. Чувство у меня: не увидеть мне твоего кина, Иври, жаль, конечно...

- Ничего, если не я поставлю, то это сделает другой. Пока не вымрет клевета на евреев о надуманном убийстве надуманного бога, будут написаны сотни книг и поставлены сотни фильмов.

- «Клевета... будет» - ...сьерничал капитан, - Но когда это еще будет, даже если и будет. Главное-то - ты здесь - в яме, под моими ногами как крысенок в капкане. Вот и все твое кино... Да-а... - капитан нарочито безнадежно развел руками.

Фреду вдруг припомнился «сон с темницей», та последняя точка и как рука прорвалась сквозь стенку.

- А что и вправду «да»? - взглянул он на комбата. - Хотите я вам сейчас покажу... А то, действительно... - он легко выбрался из траншеи, стряхнул с ладоней землю.

- Чего это ты покажешь?

- Как чего? Кино! Про свободу...Иуду...

- Ты у меня, как на ладони, Иври...

Фред пристально посмотрел: - А говорите, что боитесь, что не увидите...

- Ну валяй, показывай, а то действительно, что там с тобой еще может случиться...

- Благодарю вас... Только скрипку принесу. А то какое кино без музыки... разрешите идти?

- Давай, неси свою музыку...

Через пару минут Фред уже стоял перед капитаном: - Вы бы присели где-нибудь. Не стоя же кино смотреть.

Нашел капитану большой камень, комбат сел, уперся ладонями в колени. Фред отошел от него шагов на десять: - Ну что, поехали? - и прыгнув в канал, присел, точно растворился в нем.

Бескрайнее небо растеклось над колючей проволокой дивизиона, над зачехленными ракетами, над двумя котлованами с грязно -зеленой водой, над черной ямой «канала», в которой, словно в клетке, спрятался человек.

Фред сидел на корточках, на дне траншеи. Вывернул пилотку, натянул на черноволосую макушку

Медленно выпрямляясь, словно выросал из канала.

Смычок коснулся струн, и от земли, словно дымка, потянулась к небесам прозрачная, о чем-то грустящая мелодия. Она струилась к синеве, но, точно, подраненная колючей проволокой забора, застонав, оборвалась.

Фред опустил смычок, взглянул на комбата. Тот сидел на своем камне метрах в семи напротив, чуть откинув спину, скрестил на груди короткие руки. Но пора начинать. Хотя начало уже было, начало в этом канале. Именно в нем, и с него. Мешает холодный, пронзающий взгляд Сыча. Но нужно справиться! Все, нет его!

Фред поднял скрипку и все еще по грудь находясь в канале, начал:

«... И помни, что рабом ты был...»

Хотя не окончилось еще наше рабство, прав был Пророк на Синае, ибо часто, еще вчера голодные и оборванные, найдя сытный кусок, мы уже считаем себя самыми счастливыми и свободными. Вино чужбины дурманит наши души, это лживое благополучие створяет из нас слепцов, и, самодовольные, мы забываем о тех днях, когда плетки чужеземцев выжигали на наших лицах позорные рубцы рабства

« И помни, что рабом ты был...»

Мы напрочь забываем об этом.

А если вдруг и вспоминаем, то лишь тогда, когда враги, превращая в прах наши святыни, заживо хоронят стариков и женщин, насилуют наших девушек, скармливают псам младенцев.

Только тогда, ослепшие, но уже не от благополучия, а от горя, мы вспоминаем, что напрочь забыли о своем рабстве, вычеркнули из своей жизни Заветы Пророка.

И только тогда мы понимаем, что значило для нас дарованное Богом - Исход.

Фред выпрыгнул из канала. Кажется, он справился с собой и был тем самым Иври, который, выйдя из египетского плена, стал на долгий с бесконечными испытаниями путь.

Он играл и комментировал:

«За спиной Иври сомкнулись волны Черного моря. Исход.

Но прежде исход души. Все мы приходим в этот мир рабами! - Фред шагнул к комбату. - Один раб ненависти и злобы, второй - подлости и зависти, третий - раб денег и собственной же власти.

Можно обрести родину, но остаться рабом. Ибо земля обетованная начинается с другой земли - твоей души.

Покинуть рабом - вернуться свободным. Только уничтожив в себе зависть и злобу, можно обрести эту Землю Спасения - Свободную Душу.

И пусть она не останется для тебя чужбиной.

Любить. Помнить. Возвращаться.

Любить трижды обретенную и отнятую землю, боль и горе ее и возвращаться к ней.

Возвращаться к плачу твоему, Иерусалим!»

Вздрыгнула над миром скрипка, заплакала, как плачут, когда разлучают с любимыми..

Комбат стиснул зубы, сжал ладонями колени: ударить бы по этой скрипке, разнести ее в прах...

Играя, Фред шагнул к нему: - Любить. Помнить. Возвращаться. Ему помогла в этом его скрипка. Помнить. И помнил-скитания по горестным дорогам мира. Сердце Иври кровоточило от ран, но была одна - не рубцующаяся...

Семилетним мальчуганом бегал он среди своих сверстников, играл с ними в одни игры, говорил на одном с ними языке. Однажды они окружили его и стали бить:

- Вы убили Христа! - били его ногами. - Вы убили Христа! - выкалывали ему глаза. - Вы убили Христа! - протыкали штыками и бросали в газовые камеры!

И продолжалось в веках!

Продолжалось в тысячелетиях!

- Вы убили Христа! - отбирали у него книги и закрывали перед ним двери в университеты. - Вы убили Христа! - и выжигали на спинах шестиконечные звезды!

И восстало сердце Иври!

- Короче! - небрежно, сквозь зубы, выдавил капитан.

- Хорошо... если короче. Один только вопрос: Иисус был жертвой добровольной или же был предан?

- Предан, конечно, предан, Иудой предан! - бросил капитан.

- Но тогда, как же признание самого Иисуса: « Я отдаю жизнь мою, чтобы опять принять ее, никто не отнимает ее у меня, но я сам отдаю ее».

- Наизусть знает... - с ненавистью ухмыльнулся Сыч.

- Знаю. Но вы не ответили. И никто не ответит! Потому, что если было предательство, то нет никакого самопожертвования. Какое же самопожертвование - если предательство? Или какое предательство - если самопожертвование?. Одно из двух. На этом и попался сочинитель Евангелия. Может, он и гениальный был мужичок, но злоба его и подкачала. Ему очень нужно было предательство и чтоб предателем был именно иудей. Вот и ... Иуда. Имя-то какое подобрано: ни Фома, ни Иван, а Иуда, от слова Иудей. Сразу всю нацию замарать можно.

- Какой расклад! Будто сам и написал.

- Нет. Я б так не написал. Тут, товарищ капитан, без предательства нужно.

- Ну, конечно... - съязвил Сыч.

- Да нет, товарищ капитан... Ведь если ты Бог, если пришел в мир взять на себя грехи человеческие и пострадать за всех, так не толкай на грех, да к тому же и смерть. А Иисус что сделал: «обмакнув хлеб, дал ему». То есть толкнул беднягу на предательство и смерть. Ведь знал же он, что после предательства Иуда погибнет? Знал. Но знал и толкнул. Да еще чем? Самым святым - хлебом.

Но ладно, оставим хлеб... Иисус - то ваш не так должен был поступить. Он не толкать должен был Иуду на предательство, если уж он Бог, а остановить его. Он должен был остановить Иуду и выйти к своим врагам сам. Вот тогда бы он ближнего спас и от греха, и от смерти. Вот тогда и «грех на себя взять, и за людей пострадать». Вот тогда ты и Бог. Но евангелисту предательство было нужно. Иуда был нужен, очень нужно было, чтоб предателем еврей был

- Умеем... умеем... - съехидничал Сыч. - Одно слово - жид. Но никому ты ничего не докажешь. А мне, тем более.

- Да вам и не нужно. Я сейчас посмотрел на вас, и с меня все зло сошло.

- Да -а? а может, и в церквушку потянуло?

- Не потянуло. Хотя, если захочу, то пойду.

- Ну, конечно. Ты человек «свободы».

- Да. Свобода - это отсутствие вины, товарищ капитан.

- Во как! Но нет, Иври, не быть тебе свободным! Никогда!

Как был ты хриstopродавец, так и останешься им, так что не для тебя это «отсутствие вины». Не для тебя и не для твоих соплеменников.

- Я сказал, доказывать вам больше ничего не буду, не надо мне это. Ни мне, ни моим соплеменникам. Я сейчас это ясно понял. Как никогда. Потому у меня и злости теперь нет. Хотите кричать хриstopродавцы? - кричите. Хочется вам погромов - давайте, действуйте! Вот скоро новое тысячелетие идет - так что видите, какой вам простор открывается: еще целых тысячу лет можно насиловать и убивать! Ну, а там, глядишь, еще тыщонка лет подвалит. Так что простору для работы у вас - ого! И доказывать я вам больше ничего не буду. Не мне это надо, а вам. Я свободен от злобы, а у вас вон какой простор - целые тысячелетия впереди!

- А ты что думал, - вставил капитан, - что мы вам мир уготовим?! Не будет вам, жидярам. мира! - он взял из рук Фреда смычок и будто ножом, приставил к горлу и повел им. - Никогда не будет вам мира! Потому, что этого не хочу я! Я и еще миллионы и миллионы! Но и это еще не все. Если сегодня у кого-то появится такой шанс уничтожить ваше племя, думаете, кто-то заступится за вас?

- Не думаем...

- И правильно! Хрен кто заступится! Весь мир глазки прикроет и будет в две дырочки сопеть да потихоньку радоваться, что, наконец, изведено ваше жидовское племя! - И он с каким-то смаком, точно и вправду у него был нож, протащил по горлу Фреда смычком. - Понял ты это, хриstopродавец? - Сыч рассмеялся ему в глаза. В окнах казармы виднелись пятна лиц.

- А как же заповеди? «Возлюби ближнего», ведь сказано.

- В яму! Копать! - хохотал капитан. - Там тебе и будут все заповеди Христовы.

- Моисея... Не «христовы». Бог их Моисею на горе Синай дал...

Фред шагнул было к траншее, но капитан вдруг остановил его:

- Стой, Иври. Погоди малость. Несправедливо как-то получается. Ты мне кино «покрутил»? Покрутил. Можно бы теперь и мне. Справедливо? Справедливо. Видишь, я у тебя и разрешеньица выпрашиваю. Так вот, как-то я тебе про наших новобранцев рассказывал. Хорошие ребята! Крепенькие! Ну, да ты их сам знаешь. Позови их... - и он назвал три фамилии. - У них сейчас занятия, но ты скажи, что комбат приказал.

Фред, взглянув на него, усмехнулся:

- «... обмакнув хлеб, протянул ему...»

- Свободен, Иуда! - будто сплюнул, капитан.

- Свобода - это отсутствие вины! - покуражился Фред.

- Ты еще не наговорился, хриstopродавец?!

- Уже иду! - шутовски козырнул Фред и, напевая: - Свобода! Свобода! - вперевалочку затопал к казарме.

Через несколько минут в сопровождении трех крепышей Фред подошел к комбату:

- Ваше приказание выполнено! - и шутовски козырнул.

- Товарищ капитан, по вашему приказанию прибыли! - усердно вытянулись остальные.

Капитан стал напротив Фреда, но обращался к новобранцам:

- Ребятки, не в службу, а в дружбу - про десять заповедей слыхали?

- Слыхали! - ответили хором.

- И чьи это заповеди... ну Христа, или еще кого?

- Христа.

- А вот этот Иуда говорит, что Моисея какого-то...

Крепыши насмешливо прыснули.

Комбат, стрельнув хмурым взглядом, точно обрубил их веселость и они тут же сообразили про Моисея.

- Не порядок! - свысока глянул один из них на Фреда.

- Конечно!

- Какой там Моисей! - брезгливо бросил третий.

- Ты не изменил свое мнение? - комбат, подставил ухо Фреду, точно настройщик.

- Второзаконие Моисея! - Фред бросил руки за спину.

- Подскажите! - бросил комбат солдатам.

Те переглянулись, помялись, видно, не знали, с чего начать «подсказку». Взглянули на комбата. Тот отвернулся.

Один из троих лениво подрулил к Фреду:

- Так чьи, говоришь, заповеди-то? - Что не слышал? Иуда!

А ну повтори! - он впился пятерней в гимнастерку Фреда

Другие двое, тут же став по бокам, перехватили его руки.

- Убери грабли! - Фред равнул плечами.

- А ну повтори, жидяра!

- Чернь! - Фред сплюнул ему в лицо.

Тот ударил Фреда коленкой в живот.

- «Я Господь Бог твой», - Сыч стал отсчитывать заповеди.

Потеряв дыхание, Фред пригнулся, но от удара в подбородок отлетел к каналу.

- «Да не будет у тебя других богов», - подбросил капитан.

Фред поднимался, но снова был сбит ударом сапога в плечо.

- Помни День субботний, чтоб святить его» - Сыч был на чеку.

Раздавались глухие звуки ударов, и старателен был комбат:

- «Чти отца твоего и мать твою»...

Его помощники тоже входили во вкус.

- «Не убей! Не укради!» - смаковал и Сыч.

Поднимаясь с колен, Фред попал рукой на большой булыжник. Встав, поднял его над собой:

- Стоять, мрази! Ну-у!

Лицо его было разбито, с обеих ноздрей на припухшую губу двумя нитями стекала кровь.

- Убью, падла! - с поднятым камнем Фред пошел на капитана.

Тот побледнел, вlepив ладонь в висевшую на боку кобуру, растегнул ее.

Фред, впившись глазами в помертвевшее лицо комбата, приблизился к нему, для удара завел над головой камень.

- Давай! - процедил Сыч. - Бей!

Фред застыл с поднятым камнем, но через секунду булыжник вырвали из его рук и новым ударом Фред был сбит на землю.

Фред лежал, ткнувшись лицом в землю, сплевывая перемешавшуюся с песком кровь.

- А это тебе одиннадцатая заповедь! - комбат сапогом, с силой ударил лежавшего на земле Фреда.

Фред захрипел, скрючился, на несколько минут потерял сознание.

- Будет знать заповеди! - сплюнул один из троих солдат.

От казармы донесся быстрый топот сапог. К ним, поправляя на ходу красную на рукаве повязку, мчался дневальный.

- Товарищ капитан, разрешите обратиться - вытянулся он перед Сычем.

- Что еще? - хмуро бросил он.

- Приехали там... Девушка одна.

- Какая еще девушка? К кому?

- К нему, - едва кивнул тот, не рискуя взглянуть на лежавшего на земле Фреда.

Сыч, застегнув кобуру, надвинул на лоб фуражку.

- Сбросьте его пока туда! - он кивнул на канал и направился к воротам. Сквозь затуманенное сознание Фред чувствовал, как его ноги волоклись по земле, куда-то сорвались.

Уже придя в сознание, он услышал обрывки фраз и удаляющийся топот сапог. Увидел себя на дне канала.

Приподнявшись на локтях, привалился плечом к холодной стене траншеи.

...Перед Сычом стояла стройная девушка с длинной, сбегавшей с груди косой. В руках держала книгу.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте! - коротко стрельнул капитан, с раздражением глядя на книгу.

- Я к Фреду, - девушка, видно, стесняясь, обеими руками прижала книгу к груди.

- Верующая? - книга точно казнила его

- Да.
- Христианка?
- Нет.
- Он занят, - капитан повернул к воротам.
- Товарищ командир! - Диана подбежала к нему, став между ним и калиткой, словно преградила ему дорогу...

...Пересиливая себя, Фред вытащил свое тело из канала, пошатываясь, побрел к казарме.

Под прицелом любопытных солдатских глаз поднялся на крыльцо. Кто-то сочувственно открыл ему дверь.

Коридор. Дневальный.

Оставляя комья земли, тяжело топал по надраенным шашечкам кафеля.

- К тебе баба какая-то приехала, - видно, ужаснувшись виду Фреда, чем-то захотел ему помочь стоявший у телефона дневальный.

Ссутулившись, не слыша его, Фред прошел мимо.

- Баба к тебе приехала, говорю... Диана, говорит... - в спину ему повторил дневальный.

Фред замер. Медленно, точно не веря, обернулся.

- Точно говорю тебе! - чуть ли не забожился солдат на пристальный взгляд Фреда, - Комбат сейчас там... только не говори, что это я...

- Спасибо, брат, - выдохнул Фред, толкнул дверь казармы.

До ворот нужно было пройти метров сто.

Нескончаемой казалась петляющая под сапогами дорога, гулко било сердце: только бы не ушла! Только бы успеть!

Наконец калитка. Фред рванул ее на себя. Одним взглядом увиделись удивленные глаза Дианы, спина комбата и его резко обернувшаяся голова.

Фред вышел из калитки и уже не видел ни побелевшего лица комбата, ни зло пыхнувших его круглых глаз.

Устало привалившись спиной к воротам, с счастливой улыбкой смотрел на вышедшую из-за Сыча Диану, удивленный и затем испуганный ее взгляд.

- Фред! - она бросилась к нему. В руке мелькнула книга.

- Фред! - она припала к его груди. - Что они с тобой сделали? - боязливо проводила пальцами по его разбитому лицу, рука чутко скользила вдоль шеи, плечу.

Он взял ее лицо в ладони.

- Фред, родненький! Я же люблю тебя! - у нее сорвался голос, по шее скатились слезы, он привлек ее к себе. Вдыхая душистый запах волос, водил по ним щекой, губами.

Сыч нервно сошел с дороги, сорвал с дерева прут, хлестнул по голенищу короткого сапога.

Диана притихла на груди Фреда, лишь всхлипывая, детски шмыгала носом.

- Я никогда не смогу без тебя! Ты же не разлюбил меня? нет?

- Я люблю тебя, родная...

- Я тебя очень люблю... Я тебе книжку принесла. Помнишь, ты просил.

Он взял из ее рук аккуратный томик в черном переплете?

- Тора! - выдохнул он.

- Но ведь другого не надо нам... - она преданно взглянула.

- Дианка! - он обнял ее. - А я боялся, что потерял тебя..

- Правда? - она взглянула мышкой.

- Правда. Но теперь никто нас не разлучит. Пойдем... - в одной руке у него была книга, другой он обнял Диану за плечи.

Сыч все еще стоял на обочине.

- В казарму! - заревел он на Фреда.

Диана замерла.

- Не бойся! - Фред крепче обнял ее, и они прошли мимо капитана.

Тот в бешенстве выскочил на дорогу.

- Стоять! - крикнул он им в спину.

Фред склонил голову к Диане.

- Стоять, жидовня!

Но, прильнувшие друг к другу, две фигуры удалялись, а на глаза назойливо попадала книга в руке Фреда.

- Стоять! Стоять! Стрелять буду! - Сыч словно в беспамятстве рванул из кобуры пистолет, поднял обеими руками, прицелился.

Фред и Диана остановились. Оглянулись.

Сыч стоял с наведенным на них пистолетом.

Фред взглянул на Диану. Что-то поняв в его взгляде, она положила голову ему на плечо. Он плотнее обнял ее, прикрыл своим телом.

И это были самые трудные, но самые счастливые их шаги, секунды, минуты.

- Стоять скоты! - бешено ревел Сыч.

Но Фред и Диана уходили.

Сыч навел мушку на спину Фреда, потом прицел перешел на голову девушки и снова скользнул к левой лопатке Фреда. И на глаза все время наплывала книга, маятником ходившая вдоль его бедра.

- Не уйдете! - прохрипел капитан, стиснув зубы.

Напряжение отдалось в затылке и разорвало его.

На глаза наплыла черная обложка книги и стала разрастаться. Спина Фреда уходила в нее, на глаза наваливалась темнота.

Сыч испуганно протащил по лицу потную дрожащую ладонь, похолодевшими пальцами протер глаза и вдруг понял - он не видит.

Над лесом взметнулся вопль.

Ударили выстрелы.

Фред и Диана уже стояли на бетонке. Оглянулись.

Сыч, словно с завязанными глазами, лихорадочно, вслепую стрелял по сторонам.

Гулкое эхо слепых выстрелов уносилось к бескрайней синеве.

Расстреляв все патроны, Сыч рухнул на колени.

Фред взглянул на Тору, улыбнулся Диане и обнял за плечи.

...Они шли, и была свободной бетонка, она легко стелилась им под ноги, и за их спинами неотвратимо таяла колючая проволока заборов и фигура ослепшего и павшего на колени врага.

